

12+

Джозеф Дэйвис
Посол к Сталину

В переводе и с комментариями Мемуариста

Джозеф Дэйвис Посол к Сталину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57882079

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04230-8

Аннотация

Джозеф Дэйвис – личный друг Рузвельта, посол к Сталину в 1937-38 годах. В книге совершенно секретные донесения Белому дому, письма и личные дневники посла о России. Посол даёт взгляд на репрессии, гигантские стройки СССР, Советское искусство и быт. Описаны переговоры со Сталиным, Черчиллем, руководителями нацистской Германии. Дэйвис награждён высшим орденом СССР – Орденом Ленина за помощь в ленд-лизе и открытии второго фронта. В книге большое число бытовых заметок посла – от посещения Артека, до дегустации вин в Массандре или секретных кладовых Эрмитажа со скифским золотом.

Содержание

Предисловие Мемуариста	4
Предисловие посла	8
Часть первая. Миссия начинается	24
Конец ознакомительного фрагмента.	238

Предисловие Мемуариста

Друзья! Горячий привет! Рад представить Вам книгу американского посла к Сталину в 1937-38-м годах. На своём экземпляре "Миссии в Москву" президент Рузвельт написал: "Эта книга – явление, она на все времена". Сталин наградил посла Дэйвиса, единственного из всех послов, высшей наградой Союза – Орденом Ленина. Не за книгу, за помощь в открытии второго фронта против Гитлера.

По этой книге в 1943-м году в Голливуде сняли замечательный фильм "Миссия в Москву". В первых кадрах можно увидеть обращение лично посла Дэйвиса к зрителям. Общий тираж книги о Советском Союзе в США достиг почти миллиона экземпляров.

После Победы автор книги и съёмочная группа оказались в опале. Слишком честную и дружественную картину СССР они показали. В разгар Маккартистской "охоты на ведьм" фильм был положен на дальнюю полку, а книгу перестали издавать. Создатели фильма чудом не оказались под арестом.

Сегодня эта книга – настоящий исторический документ. Посол приводит совершенно секретные доклады Белому дому, свои дневники и письма. Перед его глазами проходят самые важные события предвоенного мира, выдающиеся политики и дипломаты.

Большое внимание посол уделяет Советской культуре. В

книге мы можем встретить его восхищение Пушкиным, Советским балетом, скульптурами Мухиной и картинами Герасимова.

Отдельная часть посвящена репрессиям и процессам над предателями 1937-38-го годов. Дэйвис – не дипломат, он сорок лет проработал прокурором, а после адвокатом в американских судах. И его выводы о процессах над троцкистами поражают глубиной и проработанностью.

В книге можно найти рассказы о гигантских успехах Советской промышленности и титанических стройках. Посол рассказывает и чисто бытовые подробности Советской жизни. О своих встречах с руководителями партии, наркомками, обычными рабочими и крестьянами. Есть даже о поездке посла в Артек и как он подгулял на дегустации на винзаводе в Массандре.

К большому сожалению, книга, хоть и посвящена нашей Родине, не издавалась на русском языке. Настало время исправить это упущение. Приятного чтения!

Когда Земли допишем картину, тубы высохнут до конца,

Краски выгорят вполовину, отпоём критикана юнца,

Отдохнём, и клянусь, пора бы, подремать век напролёт,

Пока Мастер добрых рабочих снова не призовет.

**Будет счастье трудягам добротным, им даруют стул
золотой,**

**Им писать в семимильных полотнах, будто кистью
– кометы хвостом.**

**Им позировать будут святые: Магдалина, Павел и
Пётр,**

**Одним махом охватят столетья и усталость вовек
не придёт!**

**Лишь тот Мастер работу оценит, лишь тот Мастер
поправит нам кисть,**

**Мы работаем не за деньги, не за славу мараем лист,
Но лишь каждый за счастье трудиться, каждый с
отдельной звезды,**

**Напишет всё – так, как было, богу истинной правды
без лжи!**

*(Примечание Мемуариста. Это могучее стихотворение
Редьярда Киплинга, вообще-то, посол Дэйвис в книге не при-
водит. Зато постоянно цитирует, не указывая источник.*

*Когда посол описывает успехи Советской индустриализа-
ции, он и вовсе говорит, что русские рабочие шьют на семи-
мильных полотнах кистями из хвостов комет. А уж комму-
низм он постоянно сравнивает с Киплинговским "работаем
не за деньги, но лишь каждый за счастье труда".*

Очень похоже, что это одно из самых любимых стихотворений Дэйвиса. Вещь, действительно, очень сильная, я не удержался, перевёл и его. По-моему, отличный эпиграф ко всей книге Дэйвиса. Особенно, последняя фраза: "напишет всё – так, как было". Начинаем!)

Посвящается двум великим женщинам: моей матери и жене.

Эпиграф. Безусловно, ни одному народу мы не можем отказать в праве, которое лежит в основе и нашего собственного правительства. Каждый может управляться по собственному желанию и вести дела через любой орган, который представляется ему подходящим. Через короля, конвент, ассамблею, комитет, президента или любой другой по его выбору. Томас Джефферсон.

Предисловие посла

Это было 25-е августа 1936-го года. Дата запомнилась мне оттого, что это день рождения моей матери. Тогда я отдыхал в Адирондакских горах. Мне позвонил старый друг – пресс-секретарь Белого дома Стив Эрли и сообщил, что Президент хотел бы со мной встретиться. Я немедленно отправился в Вашингтон. Президент принял меня в администрации Белого дома. Во время ланча, поданного прямо на его рабочем столе, он сказал, что хотел бы обсудить возможное назначение меня дипломатом за рубеж.

Подоплёка этого лежала в давних временах администрации президента Вильсона, когда в молодости мы оба были преданы прогрессивному делу демократической партии. В те давние времена между нами возникли теплые дружеские отношения. Мы играли в гольф так часто, как позволяла работа. Имели много общего во взглядах на политику и вообще, часто виделись.

Уже в те дни он был выдающимся человеком. В ранние дни администрации Вильсона мы дважды в месяц собирались на мероприятия «Клуба общественных обсуждений». По смыслу это было что-то вроде «Малого кабинета» более поздних времён.

Все мы видели в этом высоком статном молодом помощнике военно-морского министра будущего великого про-

грессивного либерала, и готовы были поддерживать его вплоть до президентского поста. Я активно участвовал во всех его последующих выборных кампаниях вместе с Луисом Хове и другими политиками. Все эти годы наша дружба оставалась сердечной и крепкой.

(Примечание Мемуариста. Луис Хове упомянут Дэйвисом не просто так. Это – настоящий серый кардинал американского политического Олимпа. Скрываясь под маской простого журналиста, Хове натурально выбирал губернаторов и назначал высших политиков США. Это самый доверенный и самый закрытый из помощников Рузвельта. Близкое знакомство Дэйвиса с Хове – знак причастности к высшим сферам американской политики. Продолжаем.)

Одними из самых сильных уз нашей дружбы оказались наши матери. В мои юные годы мадам Рузвельт выбрала меня любимчиком среди других друзей своего сына. Эта дружба зрела с ходом лет и эта великая леди, замечательная женщина теперь проявляет доброту уже к моим собственным детям. Во время учёбы в колледже Вассара она часто приглашала детей на чай в Гайд Парк к их величайшему удовольствию.

Моя мать была евангелисткой. Она восхищалась юным помощником военно-морского министра. Из всех молодых людей того периода он был ее настоящим любимцем. Она была совершенно убеждена, что однажды он станет президентом Соединённых Штатов.

В ранние годы его президентства Рузвельт часто предлагал мне присоединиться к его ближайшему окружению. Но я был сильно занят моей адвокатской практикой и не мог оставить её ради политики.

Мы засиделись за ланчем, вспоминая старые времена. Затем Президент сказал, что после обсуждений с государственным секретарём (Корделлом, как он называл его) он принял решение, что я должен поработать в его администрации на дипломатическом посту за рубежом.

(Примечание Мемуариста. Речь идёт о государственном секретаре Корделле Халле. Личность замечательная, рекордсмен по длительности нахождения на этом посту – одиннадцать лет. Нобелевский лауреат премии мира.

Друг Советского Союза ещё тот, в 1939-м году пробил запрет на поставки в СССР американских самолётов. Это за два года до начала Мировой Войны, неизбежность которой была уже очевидна всем.

Халл был ещё и большим другом нацистов. В 1937-м году принёс официальные извинения немцам за высказывания мэра Нью-Йорка Ла Гардиа против Гитлера. По его же инициативе в 1939-м году развернули обратно в Европу пароход "Сент-Луис" с почти тысячей еврейских беженцев от Гитлера. Более трети пассажиров парохода попали в нацистские лагеря и не пережили Войны. Прекрасные, в общем, друзья были у Дэйвиса и Рузвельта. Продолжаем.)

Он спросил куда бы я хотел отправиться. Я ответил – в

Россию или Германию. По моему мнению, именно они были наиболее важными на тот момент местами в Европе. Он ответил крайне характерно. Рузвельт сказал, что и сам в этих условиях "чрезвычайно сильно" хотел бы увидеть Россию.

Джесси Штраус, наш посол в Париже, недавно скончался. Я сказал очень откровенно, что ни миссис Дэйвис, ни я по множеству причин не хотели бы ехать в Париж. Пост в Германии был занят, но мог скоро освободиться, так как послу Додду не нравилось в Берлине и он подумывал об отставке.

Итак, решено, – сказал президент, я поеду в Россию. Но он настаивал, чтобы я был готов к переезду в Берлин не позднее чем через год, так как крайне хотел видеть меня именно там.

Он был рад узнать, что я владею немецким. Он также сказал, что Россия обречена быть жизненно важным фактором в связи с миром или войной в Европе. Он предпочёл бы получить мою оценку сильных и слабых сторон этой ситуации, основанную на личных наблюдениях.

Более того, служба в Москве окажется очень ценной в связи с последующей работой в Берлине. Обстановка в Германии, по его мысли, определит будет ли в Европе мир или война. Именно она решит: ждёт ли нас мир во всём мире или Мировая война.

Несмотря на то, что он не слишком верил в возможность сохранения мира, тем не менее хотел приложить все разумные усилия, чтобы предотвратить войну в Европе, если только это окажется возможным. Для нас, в Соединённых Штатах

тах, это было крайне насущным вопросом.

По его мнению, ответственность за всё лежала на Германии, или даже вернее – на Гитлере. Всё зависело от того, будет ли у Гитлера "стремление к миру" или "стремление к завоеванию". Если последнее, то, вероятно, с этим ничего невозможно поделать и война неизбежна. Но если первое, то Германия должна пойти на сотрудничество со всеми миролюбивыми нациями в усилиях уладить любые экономические или другие разногласия, которые порождают войну.

Если мир не хочет быть затоплен ужасами войны, с неизбежными кошмарными невзгодами, с которыми придётся столкнуться всем людям мира и последующим поколениям, то в равной мере необходимы: доступ к полезным ископаемым, политическая безопасность и разоружение. Он считал, что моя подготовка и опыт достаточно вооружили меня, чтобы помочь его плану попытаться сохранить или урегулировать мир, если это возможно.

Обе стороны, по его мнению, заявляли о желании сохранить мир и обе стороны обвиняли друг друга в обмане и желании заполучить особые преимущества или мировое господство с помощью силы. Простым способом выявить их истинные цели, к миру или завоеванию, было отношение к разоружению. Эта проблема осложнялась техническими моментами и степенями ограничения конкретных вооружений.

Он предложил идею, что все народы должны согласиться прекратить производство любого оружия, которое окажется

тяжелее, чем способен унести на плече мужчина. Такое соглашение о разоружении вместе с соглашением о справедливом доступе к природным ископаемым и тому подобным могли сохранить мир.

Вооруженные силы по этому плану будут уменьшены до полицейского уровня и ни одна нация не сможет военной силой угрожать своим соседям или достичь такого военного превосходства, чтобы представлять угрозу остальному сообществу народов. Президент сказал, что хотел, чтобы я продвигал эту идею и исследовал ситуацию в Европе с подобного угла зрения. Так или иначе, это станет проверкой откровенности отношения Гитлера к вопросу сохранения мира.

Он настаивал, что во время подготовки в госдепартаменте к моей работе, мне следует держать в уме последующее направление послом в Берлин в течение года. В промежутке, тем не менее, он хотел бы направить меня в Москву.

Я выразил ему моё удовольствие от возможности отправиться в Россию в качестве посла. Мы поболтали о старых добрых днях президента Вильсона. Рузвельт напомнил, что впервые мне предлагали посольство в Россию еще в 1913-м году. Тогда президент Вильсон предложил мне это назначение, но я отклонил его потому, что хотел участвовать в выборах Сената в Висконсине.

Следуя указаниям президента, я немедленно встретился с государственным секретарём, моим старым другом Корделлом Халлом. Он сказал, что обсуждал с президентом моё на-

значение, выразил своё искренне согласие и радость, что я присоединяюсь к его департаменту. Мы детально обсудили ситуацию в Европе, включая Германию и Советский Союз. Вот так я пришёл к поездке в Москву.

Читатель может спросить – зачем вообще издавать эту книгу? Вообще говоря, я не собирался писать мемуары, но времена изменились. Россия сейчас в самом разгаре сражений, исход которых определит – станут ли народы Земли жить упорядоченным и мирным сообществом или будут управляться шайкой бандитов и уголовников с уничтожением всего, что мы ценим в жизни.

(Примечание Мемуариста. Эти строки написаны непосредственно перед изданием книги в 1941-м году. То есть Дэйвис говорит о том, что Советский Союз, сражаясь с фашистами на своей территории, борется за мир во всём мире. Продолжаем.)

Совсем недавно СССР вёл переговоры с Гитлером. Было заключено официальное соглашение о ненападении друг на друга. Но сегодня сотни тысяч русских мужчин, женщин и Советских лидеров, чьи дома были атакованы в ночи мнимыми друзьями, храбро сражаются и умирают за дело, жизненно важное для нашей безопасности. Сегодня они наши союзники.

В нашей стране были распространены и во многом сохраняются навязанные мнения, некоторые предубеждения и, в значительно большей степени, неверные представления о

России и Советском Союзе. Не будучи ярким сторонником России, или, напротив, любителем поспорить, я надеюсь, что содержащиеся в книге материалы дадут читателю основательный набор фактов и, возможно, более точное понимание Советского правительства, его руководителей и народа.

Оценивая материалы этой книги, вынося Ваши собственные суждения о фактах и их толковании, я считаю справедливым, чтобы Вы знали немного о моём происхождении, моих убеждениях и моих политических взглядах. Если бы читателем был я, то хотел бы знать всё это, чтобы оценить весомость представленных материалов.

Как я заявлял мистеру Сталину, президенту Калинину и остальным, я определённо не являюсь коммунистом. Меня называют капиталистом. Я горжусь таким обозначением, но по мне лучше звучит "индивидуалист". Капитализм с присущими ему правами собственности – это просто результат индивидуалистического порядка в обществе, который предоставляет каждому из нас возможность обзаводиться собственностью в соответствии с нашими способностями в обществе честной конкуренции.

Настоящим признаком индивидуализма является не собственность. Это – личная свобода мышления и свобода возможностей. Капитализм – лишь одна из граней индивидуализма. Фактически, я непосредственный продукт такой индивидуалистической системы, построенной правительством и обществом нашей страны, которые представляют самое

лучшее, что пока создала цивилизация для простых людей.

Отрочество моё прошло на среднем западе. Образование я получил в Университете Висконсина. В политике я был прогрессивистом, искренним последователем Вудро Вильсона и "Нового курса" Франклина Делано Рузвельта.

С точки зрения веры, что привила мне матушка, у меня не было трудностей с принятием идеи, что все верующие во Христа и его учение являются теоретическими коммунистами. В той степени, что выступают за братские отношения человечества.

С другой стороны, я равно твёрдо убеждён, что коммунизм, как таковой, не будет работать на этой Земле, с той человеческой природой, что мы имеем. И не будет работать до следующей эры или двух, до той поры, пока человеческая природа не эволюционирует до точки, когда люди захотят работать "лишь каждый за счастье трудиться" и в бескорыстном обществе.

(Примечание Мемуариста. Вот что я Вам говорил! Не успела начаться книга, а Дэйвис уже всю цитирует Киплинга. Кстати, шутка про "эру или две", из того же стихотворения. У Киплинга любопытная игра слов – вздремнуть эру, вечность или парочку вечностей. К сожалению, в переводе удачно сохранить эту игру слов, не выбившись совсем за размер, не удаётся. То есть посол Дэйвис намекает, что коммунизм не настанет примерно никогда. Продолжаем.)

Также я твёрдо убеждён, что любая слишком быстро вы-

двинутая идея не только не победит соответствующие беды, но, вероятно, сама породит даже большие проблемы, чем те, которые собиралась врачевать. Я твёрдый сторонник эволюции в противовес революциям. Я считаю, наша система лучше справляется с делом для простых людей и делает это медленнее, но более надёжно. Потому что ищет способы развития скорее эволюционным, а не революционным путём.

Эти убеждения, с которыми я отправился в Москву, я вынес неизменными. Тем не менее, я увидел и узнал многое, что было мне неизвестно. Я вижу существующие силы, очевидно усиливающиеся, которые окажут далеко идущее влияние на общественные и политические условия будущего. Это обновило мою веру в христианскую религию, как нерушимую силу, а также в преимущества нашей формы правления и нашего образа жизни.

Выдержка из сказанной экспромтом прощальной речи персоналу посольства в Москве 9-го июня 1938-го года.

Конверт номер 1, доклад номер 6 от 21-го июля 1938-го года, из посольства в Брюсселе.

Я никогда не отправлялся домой из Европы, но почтительно благодарю бога моей матери, что мои предки имели смелость и уверенность в своих силах, а также отвагу бросить вызов неосвоенным территориям сто лет назад и эмигрировать в Соединённые Штаты Америки. Своими жертвами они дали возможность моим детям и внукам наслаждаться

ся преимуществами демократической формы правления и привилегией жить в Соединённых Штатах. Я никогда не отпраплялся домой из Европы, но чувствую насколько благодсловенен американский народ.

Подумайте, чем мы наслаждаемся в противовес многим европейским странам. У нас есть свобода – личная независимость. У нас есть право высказываться свободно. У нас есть право собираться мирно. У нас есть право свободно мыслить. У нас есть право поклоняться Господу как подскажет наша совесть. Наша свобода, наши жизни, наша собственность, наши права защищены даже от правительства как такового. Каждый человек – король в своём собственном замке.

Наши свободы и наши жизни защищены законами, согласно которым даже всемогущее правительство должно доказать вину превыше обоснованных сомнений, прежде чем человек может быть наказан. Что отдали бы миллионы мужчин и женщин в Европе сегодня, чтобы получить такие гарантии и наслаждаться этими благами!

Достоинство мужественности и женственности, святость человеческой жизни и свободы, самоуважение человеческого духа – это лучшие подарки, принесённые цивилизацией этому миру. Всё это может быть найдено в Соединённых Штатах и не может в значительной степени быть найдено нигде в мире ещё.

Мне всё равно сколько могут дать материальных или об-

ществленных благ детям или старшему возрасту тоталитарные государства и диктатуры, если свобода и независимость должны быть принесены для этого в жертву, цена слишком велика для уплаты.

(Примечание Мемуариста. Обратите внимание на последнюю фразу. Высокий пафос посла об американских свободах вдруг перебивается сожалениями о детях и стариках. Далее в книге посол прямо напишет насколько поразили его Советские Дома пионеров и пенсии по возрасту. Ничего подобного в США просто не было. Продолжаем.)

Когда я отправился в Россию, я решил для себя, что направляюсь туда без предубеждений и с объективным рассудком. Мои отчёты госдепартаменту, письма, что я писал домой, записки в моём дневнике – это честные записи фактов и моих реакций на ситуации, людей и события так, как я их видел.

Я всегда обдуманно старался быть честным, беспристрастным и объективным. Когда я покидал Россию, президент Калинин действительно сказал мне:

"Нам жаль, что Вы уезжаете. Несмотря на то, что Вы не согласны с нашими убеждениями и нашей политической идеологией, мы верим, что Вы были честны в Ваших оценках и честны в попытке увидеть, что было сделано. Худшее, что Вы имели сказать, Вы сказали нам, а лучшее, что Вы имели сказать, Вы сказали нашим врагам."

Один старинный французский философ сказал: "Когда

знаешь человека, то не можешь его ненавидеть." Я узнал лидеров Союза Советских Социалистических Республик достаточно. Это способные и сильные люди. Я не согласен с ними по многим аспектам, но я на их стороне, относя это и к самому себе, а именно, с точки зрения доверия к честности их убеждений и прямоте целей.

По моему мнению, эти люди уверены, что поступают правильно. С первого взгляда на записи могут возникнуть небольшие сомнения, но это увязано с их собственной безопасностью, они преданы делу мира и с идеологических, и с чисто практических соображений.

К русским людям я испытываю глубокое уважение и привязанность. У них выдающиеся качества идеализма и воображения, что отражено во всей их литературе, музыке и русском искусстве. В равной степени они наделены великими духовными качествами, которые реализуют в стремлении улучшить условия жизни простых людей, которые они героически показывают в способности идти на величайшие жертвы самой жизнью ради дела, в которое верят.

Когда я покинул Москву, я подготовил донесение, озаглавленное: "Сводка фактов о Советском Союзе". Это было попыткой сформулировать объективно и бесстрастно связанные с этой крайне необычной ситуацией факты, благоприятные и наоборот, на основании теории, что когда все факты представлены честно, то заключения естественным образом вытекают из фактов и нет нужды их доказывать до-

полнительно.

Эта книга предполагается как продолжение того отчёта и предназначена моим собратьям американцам. Таково общее положение, которое Вы должны знать, читая и оценивая записи, содержащиеся в этой книге.

Джозеф Дэйвис, Вашингтон, 1-е октября 1941-го года.

Примечание посла.

Материалы книги состоят из следующего: официальные отчеты, направляемые мною в государственный департамент, как из посольства в Москве, так и из Брюсселя, либо из других мест где я был с особыми поручениями; личных писем должностным лицам или друзьям; заметок из моего дневника; выписок из журнала, который я вел в дополнение к дневнику в рабочих целях, а также примечаний или особых заметок, разъясняющих или комментирующих определённые факты в тексте.

Официальные донесения говорят сами за себя и являются со всех значимых сторон "точными формулировками". Я признателен государственному департаменту за разрешение использовать эти материалы в общественных интересах. Разумеется, они убедительны и являются лучшим доказательством каково было моё мнение и оценка фактов и ситуаций в те самые даты, когда составлялись эти донесения. В редких случаях я опустил некоторые моменты, чтобы избежать повторов.

Оригинальные дневниковые записи были крайне сжаты и

едва ли не зашифрованы. Они предназначались мною, чтобы напомнить себе о событиях или людях и при этом давать настолько мало информации, насколько возможно, для любого другого, в случае, если дневник попадёт не в те руки. Некоторые из записей в дневнике, что становится очевидным из текста, были расшифрованы в целях большей ясности, другие оставлены в оригинальном варианте.

Имена людей там, где необходимо для защиты источника информации или самого человека, были намерено опущены и отмечены прочерками. Примечания или особые заметки неизменно датированы моментом их составления, чтобы читателю было предельно ясно, что эти записи сделаны после возникновения описываемых фактов. Помимо этого книга не содержит никаких записей, сделанных задним числом.

Материалы донесений, которые могут иметь особую ценность как базовые источники информации для студентов или представлять интерес другим читателям, но возможно, замедлят ход событий в моём рассказе, помещены в приложения к книге.

Я глубоко признателен моему другу Джею Франклину Картеру за помощь в отборе из большого объема доступных материалов того, что вошло в эту книгу. Его опыт дипломатического работника за рубежом и в общественных делах вместе с его общепризнанными редакторскими навыками оказались мне значительной подмогой.

Я также признателен Спенсеру Вильямсу, чьи знания и

опыт касательно Советского Союза были очень полезны. Я хотел бы выразить особую благодарность Стенли Ричардсону, моему другу и бывшему секретарю, выдающаяся работоспособность и преданность которого позволила сохранить большую часть этих дневников и записей.

В заключение, я хотел бы отметить большой вклад в эту книгу моей жены, которая постоянно дарила мне вдохновение, энтузиазм и верные суждения, точно так же, как и во всей другой моей работе.

Часть первая. Миссия начинается

с 16-го ноября 1936-го по 30-е марта 1937-го.

Дневник, Вашингтон, 16-е ноября 1936-го.

Сегодня президент подписал и передал мне документы о назначении меня послом Соединённых Штатов в Союз Советских Социалистических Республик.

Дневник, Вашингтон, 20-е ноября 1936-го.

Моё назначение представлено прессе.

Дневник, Вашингтон, 23-е ноября 1936-го.

Принёс присягу в офисе госсекретаря в присутствии многих старых друзей, включая: Пата Харрисона, Стива Эрли, Джесси Джонса, Дэна Ропера, Милларда Тайдингса, Джо Тамалти, Дика Вэли, Лео Кроули, Мерли Торпа, Джорджа Холмса и других. Дети и Марджори также присутствовали, что доставило мне особенное удовольствие.

Дневник, Вашингтон, 14-е декабря 1936-го.

Посетил обед, данный в нашу честь послом и мадам Трояновской в Советском посольстве. Это был замечательный приём, отлично проведённый. Мы все получили удовольствие.

Дневник, Вашингтон, 15-е декабря 1936-го.

Совещались сегодня с Самнером Уэллсом о положении дел в СССР. Он имел длительный и разнообразный дипломатический опыт. Его предложения оказались очень полез-

ны в ходе моей работы в департаменте по ознакомлению с положением дел в Советском Союзе и моими будущими обязанностями.

Представляется, что помимо рутинных обязанностей, таких как продвижение американских интересов и защита граждан США, важнейшими, с точки зрения этой миссии в Москву, являются следующие особые направления.

Первое. Переговоры по возобновлению истекающего в следующем году Советского торгового соглашения, которое предусматривает закупки у нас Советским правительством.

Далее. Вопрос урегулирования ситуации, возникшей из недопонимания в связи с интерпретацией так называемого долгового соглашения. Это было частью договорённостей, достигнутых президентом и Литвиновым когда СССР был признан Соединёнными Штатами. Советское правительство отказывается выполнять то, что представлялось его обязательствами совершить некоторые выплаты русского долга Соединённым Штатам, а также оплатить иски американских граждан.

(Примечание Мемуариста. Речь идёт о выплате царских долгов России, от которых большевики отказались. Этому вопросу посол еще уделит большое внимание. Американцы очень сильно хотели получить хотя бы часть этих денег. При этом обойдя тех же французов или англичан, которым царская Россия была должна намного больше. Продолжаем.)

Из-за этого возникло значительное охлаждение в отношениях. Это вопрос высокой важности, и если он может быть улажен сообразно с нашим самоуважением, то дружеские отношения и сотрудничество необходимо восстановить. Особенно, в виду китайско-японской ситуации и возможности начала в Европе Мировой войны.

Другим вопросом, который мне предложили подробно исследовать, являлась оценка сил Советского Союза: политических, промышленных и с военной точки зрения. А также определение политики СССР по отношению к Германии, Гитлеру и миру в Европе. С точки зрения текущего момента, это примерно то, чем я планирую заниматься в Москве.

Похоже, впереди меня ждёт очень интересное время, особенно, в связи с моим общим пониманием ситуации между Германией, ее отношениями с Францией, Англией и миром в Европе.

Дневник, Нью-Йорк, 30-е декабря 1936-го.

Марджори и я посетили прощальный обед в Отеле Мэй-флауэр, организованный группой старых друзей под председательством министра юстиции Гомера Каммингса. Устроено было щедро, мой старый друг Гомер и друзья взяли на себя множество хлопот. Это было выдающееся собрание с большинством лидеров всех трёх ветвей власти, безотносительно их партийной принадлежности. Я был весьма тронут.

Вне всяких сомнений, одной из неважных, но очень приятных частей этого назначения президента оказалась вели-

кодушная заинтересованность и доброжелательность старых друзей. Также был обед, данный моими старыми приятелями из Федеральной торговой комиссии, включая всех тех, кто работал со мной когда я был Уполномоченным по корпорациям при президенте Вильсоне, прежде чем это бюро было включено в состав комиссии.

Затем была группа в Нью-Йорке, возглавляемая Джимом Моффетом, договорившаяся дать обед в нашу честь в Ритце. Это оказалось совершенно неожиданным и отличным. Что удивило и по настоящему тронуло, так это большое количество прибывших из Вашингтона: Джим Бирнс, Джим Фарли, Билл МакАду, Пат Харрисон, Альбен Баркли, Фрэнк Мёрфи, Джесси Джонс и старый добрый Стив Эрли. Друзья долгих лет, они приняли участие, благодаря этой дружбе.

Конечно, вещи, которые были сказаны по доброте, были неумеренны и показывали, скорее, благородство выступающих, но они всё равно многое значили для меня. Также оказался очень полезен обед, данный прямо перед моим отъездом Ривом Шлеем, президентом Американско-Российской торговой палаты.

Дневник, Вашингтон, 2-е января 1937-го.

Я и Марджори были приглашены на неофициальный обед с президентом и миссис Рузвельт, перед посещением приёма в Белом Доме. Присутствовала вся семья, за исключением Анны и Джона Боттиджера. Президент был в ударе.

После обеда президент и я удалились в его Овальный ка-

бинет на втором этаже за последними наставлениями по моей миссии. Принимая во внимание разногласия, ожидающиеся между нами и Советским правительством по поводу долгового соглашения, он считал, что я должен демонстрировать исполненное собственное достоинство дружелюбие так долго, как между двумя странами будут существовать дипломатические отношения.

Такое отношение должно характеризоваться определенными оговорками, с прозрачным намёком, что президент и госсекретарь глубоко разочарованы в неудаче их правительства выполнять то, что представляется нам их явными обязательствами. Позиция, сказал он, состоит в том, что мы настаиваем на дальнейших переговорах по этому вопросу.

Мяч на стороне Советского правительства и это намного более важный вопрос для них, чем для нас. Подождем, сказал он, и увидим что произойдет.

Тем временем, он считал полезным для меня приложить усилия для сбора всей информации из первых рук, из личных наблюдений, где возможно, относительно сильных сторон режима с военной и хозяйственной точек зрения. А также постараться установить, какова будет политика их правительства в случае войны в Европе.

Я рассказал ему о предложении судьи Мура убедить посла Додда проработать еще один дополнительный год прежде, чем меня переведут в Берлин на его место. Президент немедленно решительно сказал – Нет. План должен выполняться

так, как был намечен ранее.

Журнал, Вашингтон, 3-го января 1937-го.

Встречался с послем Трояновским. Он выразил обеспокоенность как бы мое пребывание в Москве не осложнилось в начале некоторой небольшой холодностью со стороны части Советских официальных лиц, возникшей из имеющегося между США и Советским Союзом недопонимания. В этой связи он хотел бы уверить что меня примут очень радушно и что Советское правительство осведомлено о моих капиталистических взглядах, профессиональном и деловом опыте, также как о моей работе во времена президента Вильсона в качестве председателя Федеральной торговой комиссии.

Они были знакомы с моей работой и были уверены, я буду рассматривать их ситуацию и проблемы объективно и без предубеждения. Я подтвердил, что он совершенно прав, так как сам заинтересован в этом же. Я еду с непредвзятым рассудком. Он выразил надежду, что любые спорные вопросы могут быть улажены на основе точного понимания позиции каждой из сторон.

Принципиальным вопросом разногласий между правительствами оставался вопрос долга. Я сообщил Трояновскому, то что собирался в соответствии с указаниями президента и госсекретаря. Лично я считал, что большой ошибкой Советского правительства может стать недопонимание по долговому вопросу, что омрачит доверие, испытываемое президентом США и нашим правительством к честности и надёж-

ности обещаний Советского правительства.

Я хотел бы обсудить это с Биллом Буллитом.

Дневник, Вашингтон, 4-е января 1937-го.

Официальный обед, данный в нашу честь послом и мадам Саито в японском посольстве. Саито – старый друг и компаньон по игре в гольф в "Пылающем древе".

(Примечание Мемуариста. "Пылающее древо" – закрытый элитный гольф-клуб в Мэриленде. Участниками клуба в разные времена были большинство американских президентов и политиков. Название получил от яркой осенней листвы высокого дуба на холме. Вступительный взнос 75 тысяч долларов, то есть более пяти миллионов рублей. Женщины в клуб не допускаются. Продолжаем.)

Постараться развлечь нас – было весьма приятным жестом с его стороны. Тем не менее, я был несколько сбит с толку, так как я был назначен в Москву, а Япония и Москва были едва ли не в ссоре. Итак, я решил быть совершенно недипломатичным и отправился откровенно обсудить проблему с Саито.

Он сразу ухватил суть и сказал: "Это просто. Мы пригласим моего коллегу – Советского посла и мадам Трояновскую". Моя проблема разрешилась очень приятным вечером.

За кофе международные отношения были поддержаны предложением организовать международную группу "Гольф-клуба Пылающее древо" по аналогии с Международ-

ным Ротари-клубом.

(Примечание Мемуариста. Ротари Интернешнл – включает более тридцати трёх тысяч ротари-клубов по всему миру. Как правило, объединяет наиболее богатых и влиятельных персон. Во многом построено по принципам глобальной масонской ложи. История для западного истеблишмента типичная. Например, президент Франклин Рузвельт являлся открытым масоном и входил в Великую ложу масонов Нью-Йорка. Продолжаем.)

Было решено, что без сомнения Вашингтонское отделение "Пылающего древа" будет номером первым в такой организации. Мнения по вопросу кому отдать второй номер, Токио или Москве, яростно разделились. Мы предложили передать этот вопрос на рассмотрение Лиги Наций!

(Примечание Мемуариста. Про Лигу Наций, прообраз ООН, посол Дэйвис, очевидно шутит. Допилась, в общем, весёлая компания. "Если Вы не отзовётесь, мы напишем в Спортлото!" Продолжаем.)

Дневник, в море, 5-го января 1937-го.

Мой старый друг Оуэн Янг, председатель Совета директоров Джeneral Электрик, был достаточно добр, чтобы прийти и потратить пару часов обсуждая со мной Россию. Джeneral Электрик делает бизнес объёмом в миллионы долларов с Амторгом, официальным агентством Советского правительства в нашей стране.

Он рассказал мне, что Советское правительство имеет ис-

ключительно высокий рейтинг доверия в банковских и деловых кругах Нью-Йорка и всей страны. Что у них репутация педантично аккуратных плательщиков по своим финансовым обязательствам, безотлагательно и даже ранее требуемой даты.

Он утверждал, что в ходе деловых отношений Дженерал Электрик с Советским правительством, оцениваемых в миллионы долларов и длящихся уже десять или пятнадцать лет, Советы всегда были скрупулёзно точны в своих платежах и держались своих обязательств во всех отношениях. В противоположность людям, не связанным с бизнесом и политически ориентированным, с которыми я обсуждал Советы ранее, он подтвердил выдающуюся репутацию Советского правительства по выполнению своих обещаний.

Марджори, Екай (Эмлин Найт Дэйвис, моя дочь, выпускница колледжа Вассара) и я приплыли в Европу в полночь, в Бремен. На борту был Уолтер Дюранте.

Дневник, Берлин, 14-го января 1937-го.

Прибыл в Берлин и немедленно нанёс официальный визит послу Додду.

Дневник, Берлин, 15-го января 1937-го.

Советский посол в Берлине Суриц особенно любезен во внимании, которое проявляет к нам сам и его сотрудники. Он сообщил, что Москва дала недвусмысленные указания сделать всё возможное, чтобы наше пребывание было удобным и приятным.

Он добавил, что внешнеполитическое ведомство (Литвинов) получило чёткие указания из Кремля (от Сталина) вести новое дипломатическое представительство со всевозможной любезностью и не допустить, чтобы никакие трения, существовавшие ранее, повлияли на отношение к новому послу. Я был рад слышать это.

Дневник, Берлин, 16-го января 1937-го.

Мы остановились здесь, чтобы отдохнуть несколько дней. Посол и миссис Додд устроили очень приятный обед. Доктор Шахт и его супруга, бывший посол Германии в Вашингтоне фон Гаффрон-Притвиз, польский посол Липски, русский посол и мадам Суриц вместе с моим давним другом и одноклассником по Университету Висконсина Луисом Лочнером превратили обед в очень приятное событие.

Провёл подробное обсуждение с главой "Русского отдела" в германском министерстве иностранных дел. К моему удивлению, он утверждал, что мои взгляды на устойчивость внутренней российской политики и надёжность Сталинского режима не выдерживают критики.

Он считал, что мои сведения полностью не верны – Сталин вовсе не окопался во власти как следует. Он утверждал, что я, вероятно, обнаружу там большую революционную активность против власти, которая может вскоре перейти в открытую.

(Примечание Мемуариста. Сегодня принято утверждать, что предателей-троцкистов обвинили зазря. Что

никакого государственного переворота они не замыслили и с Германией о свержении Сталина не договаривались. Но отчего-то германский МИД уверен, что Советского вождя вот-вот свергнут. Очень любопытный штрих к процессам Радека и Бухарина, на которые вскоре лично попадёт посол Дэйвис. Продолжаем.)

Нанёс визит послу Додду, чтобы попрощаться и обсудить, что я узнал в его сфере ответственности.

В соответствии с приглашением, полученным на обеде, нанёс визит также доктору Шахту в Рейхсбанке. Он попросил оградить его от посетителей и у нас оказалась добрая пара часов для разговора. Он был весьма огорчен по поводу предполагаемого недостатка честности Британии и Франции и их ответственности за экономические проблемы Германии.

Шахт выразил высшую степень восхищения президентом. Он сказал, что президент США в наивысшей степени один из величайших людей мира, что ему присуща необычная способность сводить любую ситуацию к элементарным факторам и применять простой здравый смысл для ее решения. Подобное, – сказал он, – свойство гения и подлинного величия.

Дневник, Берлин, 17-го января 1937-го.

Был приглашён на чай к русскому послу, осмотрел его замечательные русские картины. Это был "сидячий" чай – полноценное угощение. Особенно красивы оказались "снеж-

ные" картины. Все принадлежали кисти старых русских мастеров.

Здание посольства досталось еще от старого времени, необычайно красиво – огромные комнаты, высокие потолки, всё в имперской манере.

Сам посол представляет тип старого революционного интеллектуала – высоко образованный и интересный. Бурной холодной ночью они сопроводили нас до самого поезда. Нам пришлось буквально протискиваться в вагон, так как он остановился только на короткое время, чтобы взять пассажиров. Но мы благополучно справились и слегка "выдохнули". Тронулись к Варшаве в одиннадцать сорок.

Журнал, Берлин, 17-го января 1937-го.

Любопытное заявление нацистов попало мне в газете вчера.

"Мы ждали смены эпох, полного разрушения политических и общественных идеологий. Именно для этого и созданы демократии. Но сегодня они сознательно или бессознательно ничто более, чем центры заразы, переносчики бактерий и подручные большевизма. Они – одна группа, мы – иные. Будущее отвратит коллективизм от неустойчивых реакционных масс. Демократии подобны песку, ползучему песку. Наш государственный политический идеал подобен пику гранитных скал!"

Это поразило меня в качестве весьма сжатого, ясного и угрожающего заявления о германском отношении к окружа-

ощему миру. Это пугающе. Боюсь, это указывает на дух завоеваний скорее, чем на желание мирно развиваться на своих землях.

Дневник, в поезде, 18-го января 1937-го.

Холодная, безрадостная страна, которую мы проезжаем – Польша. В Варшаве нас посетил Джон Кахади. Кажется, он всем здесь доволен. Поезд чистый, весьма серый и холодный в вагоне-ресторане и не слишком удобный в вагоне спальном.

Позднее, граница СССР.

Советник посольства Лой Хендерсон встретил нас в пограничном городке Негорелое. Все говорили мне, что он совершенно замечательный человек и выдающийся кадровый офицер. Я нахожу его скромным и очевидно, способным сотрудником. Он мне понравился, уверен мы с ним поладим. Бедняга Хендерсон прошлой ночью съел "плохой еды" (довольно частый случай здесь) и был весьма нездоров, тем не менее, держался достойно.

Путешествие на поезде в Россию.

Москва – первые впечатления.

Журнал, Москва, 19-го января 1937-го.

Москва стала для меня настоящим сюрпризом. Конечно, это – красивый старый город, но в дополнение к этому: бурление на улицах, множество строящихся зданий и удобная одежда, которая выглядит здесь вполне обыденно, очень меня удивили. Вне всяких сомнений, ритм жизни здесь бьет

ключом и эти люди развиваются гигантскими шагами.

(Примечание Мемуариста. Здесь у посла игра слов. Можно понять и так, что люди на улицах спешат и ходят размашисто. Одновременно, фраза посла означает, что дело не в походе, а в стремительных стройках и могучем развитии страны. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 19-го января 1937-го.

Прибыли этим утром. Мы все приятно удивлены зданием посольства, так называемым Спасо Хаус.

(Примечание Мемуариста. Также известно как особняк Второва. Историческое здание начала двадцатого века, колоннами и полукруглым фронтоном слегка напоминающее Белый дом в Вашингтоне. Посол Дэйвис почему-то в книге называет его не так, как принято сейчас у американцев, а слегка на итальянский манер Спаццо Хауз. Продолжаем.)

Если верить мистеру Хаддлу, инспектору Почт при госдепартаменте, это наиболее красивое из наших посольств. Оно выгодно отличается от любого другого посольства в европейских странах. Справа перед домом довольно необычная для Москвы история – очень приятный маленький парк.

Чуть далее направо – красивая старая церквушка, при взгляде на которую сжимается сердце от ее ветхого и несчастного вида. Сейчас она занята несколькими семьями и признаки недостатка ухода, а также приходящего в упадок внешнего вида удручают. Между церковью и Спасо Хаусом расположен некогда очаровательный старый особняк, быв-

ший городской дом российских дворян, но его настигла та же трагедия. Дом тоже в запустении, заселён семьями рабочих и солдат.

(Примечание Мемуариста. Посол Дэйвис так трогательно переживает за пришедшие в упадок лепнину и штукатурку. Еще бы, ведь в этих домах могли бы жить "приличные люди", а не какие-то "семьи рабочих и солдат". Очень типичный взгляд капиталиста. Продолжаем.)

Позднее.

Вручение верительных грамот внешнеполитическому ведомству.

Литвинов в Женеве и будет отсутствовать в Москве несколько дней. Было условлено, что мне следует представить мои верительные грамоты без отлагательства его первому заместителю – Крестинскому.

После визита к Крестинскому, мы также посетили мистера Стомонякова, второго заместителя, который произвёл на меня гораздо лучшее впечатление, чем Крестинский.

Крестинский – близорукий маленький человек с профессорскими очками и довольно отталкивающим лицом. Он произвёл на меня впечатление нечистого на руку человека. Я бы не стал ему доверять.

Первые впечатления.

Номер один, Москва, 19-го января 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю. Доклад посла Дэйвиса.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь доложить, что перед отплытием из Со-единённых Штатов я имел несколько бесед с мистером Трояновским, Советским послом в Вашингтоне. Внешне эти встречи носили неофициальный, светский характер. При последней встрече Трояновский, говоря приватно, выразил обеспокоенность, что моё пребывание в Москве может быть вначале осложнено некоторой холодностью части Советских официальных лиц, происходящей из разногласий и недопонимания, которые, как он слышал, возникли между мистером Литвиновым, народным комиссаром иностранных дел и послом Буллиттом.

Разумеется, на это я возразил, что полностью разделяю большое разочарование, испытанное послом Буллиттом после отказа Советского правительства выполнять то, что представлялось его явными обязательствами. Я не позволил данной теме развиваться в спорном ключе, но выразил надежду, что моя миссия может оказаться полезной в улучшении отношений между двумя странами.

(Примечание Мемуариста. Буллит был послом США в СССР до Дэйвиса. Причём настолько "замечательным" в кавычках, что умудрился переругаться со всеми. В итоге его с позором отправили домой еще до назначения нового посла. Это не помешало ему потом поливать Дэйвиса грязью как "непрофессионального дипломата". Хорош профессионал! Продолжаем.)

На предыдущей встрече посол Трояновский выразил надежду, что нам удастся смягчить некоторые в прошлом спорные вопросы и путём более точного понимания урегулировать некоторые из этих вопросов к обоюдному удовлетворению сторон. На прошлой встрече я откровенно слегка затронул то, что представлялось мне удручающим фактом, а именно, что великий человек, президент Соединённых Штатов достиг принципиального согласия с представителями Советского правительства по вопросу расширенного соглашения. Параметры этого соглашения, в свете существующих условий, были хорошо известны обеим сторонам и, по моему мнению, были недвусмысленно выражены в чётких определениях письменного меморандума.

Выполнено это соглашение не было. Ситуация продолжает развиваться и указывает на путаницу во второстепенных вопросах и последовательное умышленное сведение на нет общих принципов соглашения, которые Советский Союз обязался исполнять.

Далее я не распространялся по этому вопросу. Только выразил сожаление, указав в то же время на относительную неважность этого вопроса для Соединённых Штатов и высокую значимость для российского народа в будущем благожелательного либерального общественного мнения в Соединённых Штатах, особенно в виду неустойчивой международной обстановки. Эти события представляются значимыми с точки зрения отношения Советского правительства к долго-

вому вопросу.

Во время этих обсуждений я большей частью только слушал, за единственным исключением, указанной выше беседы с Трояновским.

В Берлине я совершил несколько визитов в германское министерство иностранных дел. Все эти беседы носили неформальный и неофициальный характер. Существо дела было ранее направлено Вам кодированным сообщением вместе с докладом о моей неофициальной беседе с доктором Шахтом.

(Примечание Мемуариста. Обратите внимание – посол охотно показывает нам совершенно секретные доклады о всякой ерунде. Но как только речь заходит о действительно серьёзных вещах, сразу извините – было направлено шифрограммой в Вашингтон. Очень любопытно было бы узнать, что за сообщение привёз главному банкиру Гитлера посол Дэйвис от президента накануне Мировой Бойни. Продолжаем.)

Мы покинули Берлин в одиннадцать часов вечера и прибыли в Негорелое на русской границе следующим вечером. Условия в первом классе немецкого поезда до границы указывают на некоторое ухудшение обслуживания по сравнению с качеством обслуживания в Германии несколько лет назад.

Спальный вагон от Негорелого (станция на Советской границе) до Москвы определённо был превосходен, безукориз-

ненно чист и с отличным обслуживанием. Дорожное полотно было неровным.

Объединённая железнодорожная станция и таможенная застава на русской границе представляли собой новое здание, аккуратное, солидное и впечатляющее. Официальные лица были учтивы, внимательны и хорошо знали своё дело.

На границе нас встретил секретарь Хендерсон и, вероятно, эти условия были созданы его стараниями. Следующим утром в одиннадцать тридцать мы прибыли на Белорусский вокзал в Москве.

В посёлках, что мы проезжали поутру, повсюду бросаются в глаза новые стройки. Люди на железнодорожных станциях кажутся тепло одетыми и не слишком отличаются в стремлении одеться потеплее, от жителей глубинки, которых можно увидеть в сельских районах запада Соединённых Штатов.

На вокзале в Москве нас встретил мистер Барков из протокольного отдела народного комиссариата иностранных дел и сопровождал нас в резиденцию посла (Спасо Хаус), который был подготовлен заранее к нашему приёму, благодаря предусмотрительности миссис Дэйвис. Дом оставался пустым с отъезда посла Буллитта и пришёл в некоторый упадок.

Глава протокольного отдела наркомата иностранных дел мистер Барков уведомил меня по прибытии (утром девятнадцатого января), что в связи с отсутствием мистера Литвинова, пребывающего в Женеве, меня будет рад принять заместитель наркома мистер Крестинский в три часа пополу-

дни того же дня.

В сопровождении мистера Хендерсона, первого секретаря посольства, я прибыл к назначенному часу к мистеру Крестинскому и обнаружил с ним мистера Неймана, главу третьего западного политического департамента наркомата иностранных дел, который занимается американскими делами.

(Примечание Мемуариста. Посол Дэйвис в первых заметках из Советского Союза сильно путается в названии должностей и ведомств. Наркомат иностранных дел он то называет министерством, то вообще кличет на британский манер Форин Офисом. Это вносит в текст некоторую путаницу. В данном случае речь идёт о департаменте советского наркомата. Ничего, со временем посол разберётся в этих тонкостях. Продолжаем.)

Я передал слова приветствия внешнеполитическому ведомству и мистеру Крестинскому от государственного секретаря. Также были переданы копии верительных грамот и запрашивающая приём у мистера Калинина нота, чтобы представить письмо с отзывом моего предшественника и мои верительные грамоты.

Он сказал, что в виду того, что проводится заседание Совета РСФСР и Центрального исполнительного комитета РСФСР, время мистера Калинина полностью расписано. Но он надеется, что мистеру Калинину удастся принять меня двадцать третьего или двадцать пятого января. Я ответил, что нужды в спешке нет и я не хотел бы доставлять мистеру

Калинину неудобства, особенно в виду неотложных и важных общественных дел.

Вместе с мистером Хендерсоном и мистером Нейманом я немедленно нанёс визит мистеру Стомонякову, второму заместителю народного комиссара иностранных дел. Мистер Стомоняков специализируется на делах регионов Дальнего и среднего востока, а также восточной Европы. Он также принял нас очень вежливо.

Двадцать первого января должно было состояться заключительное заседание Конституционного конвента РСФСР и по моей просьбе мистер Барков из протокольного отдела организовал нам приглашение. Доклад о моих впечатлениях вместе со справочной информацией будет направлен следующим дипломатическим пакетом.

(Примечание Мемуариста. Посол Дэйвис неверно называет это собрание по аналогии с американскими конституционными конвентами. На самом деле, речь идёт о семнадцатом чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, который в этот день утвердил новую Конституцию РСФСР. Продолжаем.)

Я не могу завершить этот отчёт, не выразив признательность за превосходную и действенную помощь, предоставленную мне сотрудниками посольства, замечательной командой, преданной и знающей своё дело.

Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Дневник, Москва, 20-е января 1937-го.

Спал допоздна. Послал поздравительную телеграмму президенту по поводу инаугурации. Потратил весь день, приводя в порядок мою канцелярию, разбирая бумаги и готовясь к работе.

Вечером устроил обед в посольстве для журналистов и их жён. Жёны привлекательны и милы. Очень впечатлила нас миссис Джо Барнс, она тиха и сдержанна, но при этом очень определённа в суждениях и строго придерживается их, что в наши дни "нелёгкая доля". Насколько мне известно, она намного более радикальна, чем ее муж.

Было довольно забавно, что они отправились в Россию. Вполне очевидно, что логично мыслящий Демари Бесс и его талантливая, изящная маленькая жена – прирождённые консерваторы, тогда как Барнсы – настоящие радикалы. Барнс и Бесс – люди выдающихся способностей, оба честные, но придерживаются диаметрально противоположных врождённых точек зрения.

Деуэлс и Чарльз Наттерс не слишком радикальны или консервативны и при этом очень умны и проницательны. К моему сожалению, Джо Филлипс покидает нас. Он хорошо знает Россию. Он передал мне заметки касательно его изучения коллективных хозяйств, сделанные на местах во время длительного путешествия по Украине в прошлом году.

Они представляют действительную ценность, так как основаны на фактических наблюдениях исключительно спо-

собного и опытного обозревателя и журналиста в этот переломный момент развития важного проекта Советского правительства. Обсуждения по поводу России были горячими и непростыми. Это было отличным погружением прямо в суть дела и оказалось весьма полезным. Они все мне нравятся. Думаю, мы с ними хорошо сработаемся.

Журнал, Москва, 21-е января 1937-го.

Совершил первый официальный протокольный визит к британскому послу Чильстону. Посольство живописно расположено на реке прямо напротив Кремля в красивом старинном особняке. Посол весьма дружелюбен и сердечен. Он произвёл впечатление очень разумного и уравновешенного человека. Он сделал выдающуюся карьеру на британской дипломатической службе. Сюда он прибыл из Вены и Будапешта.

Он считает, что это правительство надежно укрепилось, что европейская обстановка, учитывая тревожный мир, является угрожающей и выглядит не слишком хорошо. Он предложил обращаться к нему в любое время.

Я поблагодарил и сказал, что, по моему мнению, интересы Соединённых Штатов и Великобритании, без нужды в формальных соглашениях, всегда могут двигаться более или менее параллельными путями. Благодаря тому, что политические, юридические, этические и религиозные идеи обоих народов по существу – одни и те же. Более того, благодаря нашему общему языку и сходству общественных институтов

опасность взаимного недопонимания весьма мала.

Кремль и запреты в питании.

(Примечание Мемуариста. Телеграфный стиль дневников посла иногда очень трудно понять. Контекста мало, а отрывочные записи могут означать что угодно. Например, название этой главы буквально звучит: "Кремль, диета, не надо".

Дело осложняется тем, что в английском языке слово "диета" может означать как пищу, так и Парламент, Рейхстаг, Сейм, а также японское законодательное собрание или короткое судебное заседание.

Исходя из политической направленности книги, вполне уместно смотрелась бы глава про "Кремль и Рейхстаг не вместе". Но нет, далее, к счастью, выясняется, что имеются в виду банальные ограничения врачей в непривычной пище для новых дипломатов. Продолжаем.)

Москва, 21-е января 1937-го.

Достопочтенному Марвину Макинтайру.

Дорогой, Мак!

(Примечание Мемуариста. Имеется в виду Марвин Хантер Макинтайр, личный секретарь Рузвельта. Известный американский журналист, в своё время выступавший редактором "Вашингтон Таймс" и "Вашингтон Пост". Крайне влиятельный в политических кругах человек. Продолжаем.)

Москва – великолепный старинный город. Кремль грандиозен и красив. Он окружён кирпичной стеной в тридцать

или сорок футов высотой с зубчатым верхом и чем-то похожим на бойницы в защитных башенках. Фасад с одной стороны в определённо французском феодальном стиле с восточным влиянием. Купола и колокольни трех церквей каждая увенчаны звездой и полумесяцем. Косы и серпы на декоративных верхушках добавляют картине совершенно неожиданный восточный колорит.

(Примечание Мемуариста. Описание кремлёвских церквей Дэйвисом выглядит несколько не от мира сего. Посол слегка перебарщивает с восточной романтикой. Скорее всего, он обратил внимание на полумесяцы внизу купольных крестов, унаследованные от византийского канона. Впрочем, учитывая, что посол в тексте называет московские колокольни буквально минаретами, он не вполне понимает, что перед ним христианские храмы. Бывает. Продолжаем.)

Доктор посольства Банкли выдал нам лист "Спасибо, не надо", с перечнем того, что мы можем есть и что должны избегать на дипломатических приёмах. Здесь в пище достаточно распространены заразные инфекции, практически всё под запретом. Нет сливок, безопасных для мороженого, нет безопасных овощей, так что совет Билла Буллита привезти запас продуктов с собой оказался полезным со всех сторон и весьма разумным.

(Примечание Мемуариста. Не знаю уж чем таким кормили американских дипломатов, но опасения Дэйвиса явно преувеличены.

Невольно вспоминается старый анекдот, как товарищ Сталин интересуется – почему британские дипломаты долго не выходят из уборных? Товарищ Берия на это отвечает, что сам не может понять. Вроде расстарались, подавали всё лучшее, заграничное. Даже соль и та была английская!

В отличие от Берии из анекдота, Советские школьники помнят, что английской солью называли магнезию, сильное слабительное. Продолжаем.)

Погода замечательна. Воздух морозен, чист и безветрен. Снег и даже воздух чисты и свежи, а деревья сверкают на ярком солнечном свете изморозью на ветвях. Передавай привет нашим. Второпях, твой Джозеф.

Лист "Спасибо, не надо!"

Составлен и отпечатан для нас доктором Румрейхом и начальником медицинской части посольства доктором Банкли.

До тех пор, пока Вы здесь еще недостаточно долго, чтобы прошла иммунизация:

- Не пейте некипячёную водопроводную воду;
- Не пейте молоко или сливки;
- Не принимайте в пищу молочные продукты (мороженое, масло, заварной крем и т.п.) местного происхождения;
- Не ешьте сырые овощи;
- Не употребляйте консервированные овощи, если не уверены, что они из США;
- Избегайте сырого и плохо прожаренного мяса;

– Избегайте все колбасы;

– Будьте крайне осторожны по поводу рыбы (по двум причинам: рыба может оказаться не слишком свежей, кроме того рыбные ленточные черви очень распространены в Европе).

– Не ешьте фаршированную рыбу.

Британское посольство безопасно. Французское следует за ним. Все остальные под вопросом, так как зависят от местных продуктов.

Неудивительно, что персонал здесь имеет собственный продуктовый склад.

Дневник, Москва, 21-е января 1937-го.

В двенадцать сорок пять, благодаря любезности внешне-политического ведомства, мы посетили заключительное заседание Конституционного конгресса. Присутствовали Марджори, Эмлин, Джон Дэйвис Стамм (мой личный секретарь), Хендерсон и я сам под предводительством мистера Баркова из службы протокола. Нас разместили на почётных местах. Это оказалось неожиданно интересно. Зал новый и впечатляющий, на скамьях тысячи две или даже больше делегатов. Президиум около сорока человек на возвышении. Казаки (мужчины и женщины). Выступления молодых людей из воздушных и химических войск. От четырехсот до пятисот атлетов.

Прогулялись вокруг Кремля.

(Примечание Мемуариста. Не вполне понятно о чём кратко пишет в дневнике Дэйвис. Возможно, имеются в

виду выступления молодых участников ОСОАВИАХИМа. Полностью – общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Будущего ДОСААФ. Продолжаем.)

Конституционное собрание.

Москва, 25-е января 1937-го.

Достопочтенному Стивену Эрли!

Дорогой, Стив! Нам посчастливилось, прибыв сюда вовремя, попасть на заключительное заседание Конституционного собрания крупнейшей самоуправляющейся части Советского Союза.

Собрание состоялось в Кремле. Зал, в котором оно проходило, совершенно изумителен. Он примерно четырёмсот футов в длину и восьмидесяти в ширину с очень высокими потолками. На одной стороне помещения располагаются дипломатические ложи – там, где обычно расположены балконы. Другая стена состоит, в основном, из очень высоких, красивых окон примерно восьми футов ширины и тридцати или сорока футов высотой.

Освещение выполнено в модернистском стиле, в виде простых, но красивых матовых плафонов. Помещение украшено красивыми занавесами в белый и светло-голубой цвета. В конце помещения размещен высокий помост около восьми футов высотой, на котором заседают примерно пятьдесят высших должностных лиц. Председательствовал президент Калинин.

Непосредственно перед этим президиумом было что-то вроде трибуны или кафедры, на которую поднимались выступающие. Ниже размещались три места стенографистов, а в проходе перед ними бесчисленные фотографии, газетчики и яркие софиты. По залу свободно были расположены микрофоны.

Зал был заставлен чем-то вроде наших церковных скамей со спинками, причём на спинке каждой скамьи был прикреплён складной столик. В этом длинном, похожем на храмовый неф, зале разместилось около двух тысяч восьмисот делегатов с распечатанными копиями Конституции перед ними, а за ними с галереи наблюдало более тысячи зрителей. Зрелище грандиозное!

Даже люди сами по себе оказались очень интересны. Среди них я заметил несколько монгольских лиц. В центре зала лица, большей частью, довольно молодо выглядящие и если не интеллектуальные, то смышлёные и энергичные. Около четверти делегатов – женщины.

Среди делегатов были мужчины в военной и военно-морской форме, крестьяне и крестьянки, все удобно одетые и выглядящие вполне достойно. Некоторые дамы носили белые шали, другие в ярких свитерах, кое у кого волосы были явно завиты.

Они все были погружены в изучение своих распечаток Конституций статья за статьёй, по мере объявления голосований за эти статьи. Люди на помосте сильно отличались

внешне большей интеллектуальностью. Комиссар обороны, нарком транспорта и начальник кавалерии все были в военной форме, остальные в гражданских костюмах, включая женщин в чёрных платьях и белых воротничках.

(Примечание Мемуариста. Дэйвис называет наркома обороны ошибочно Военным комиссаром, буквально – комиссаром по Войне. Даже в названиях чувствуется разительное отличие Советского и американского подходов. Америка готовится воевать, СССР готовится оборонять свои рубежи. Продолжаем.)

Перед голосованием были три выступления, два мужских и одно женское. Все не старше сорока, с яркой индивидуальностью и большой долей ораторского искусства. Очевидно, сознающие свои возможности и добивающиеся своим мастерством выступления кульминаций, вознаграждаемых аплодисментами.

Выступающая дама прибыла во главе делегации Кавказа. Они прошествовали на трибуну. Казаки были в их живописной форме, а треть женщин нарядились в костюмы из блестящих атласных юбок и белого верха с красочными платками на голове. Это было настоящее представление.

Третьим выступал молодой человек двадцати восьми или тридцати лет в длинных бриджах. Он выглядел весьма атлетично и выступал с большим задором. Он возглавлял общество молодых людей и в качестве подготовки его речи нам было показано очень волнующее представление.

В задней части зала примерно на десять футов выше пола на галерее располагались восемь горнистов в небесно-голубой авиационной форме. Под звуки их серебряных горнов в каждый из четырех проходов промаршировали около четырёхсот молодых людей со штандартами, знамёнами, в пёстрой форме.

Парни и девушки с отличной выправкой и военной точностью стали по стойке смирно. Они представляли каждый из видов военных и военно-морских сил, даже химические войска и парашютистов. Обращали на себя внимание юноши с нашивками с числом парашютных прыжков.

Среди трепещущих знамён и флагов выступающий держал пламенную, но выдержанную речь, перемежаемую аплодисментами. Затем, снова сопровождаемые звуками горнов, они промаршировали обратно под восторженные аплодисменты. Это было здорово выполнено и впечатляло.

(Примечание Мемуариста. Да, это определённо были не "общества молодых людей", как пишет Дэйвис, и не молодые военные, а вполне гражданские курсанты кружков ОСО-АВИАХИМа, рабочие и студенты. Будущие ДОСААФовцы, в общем. Продолжаем.)

За Конституцию голосовали постатейно, путём поднятия руки. Каждый делегат поднимал в руке красную карточку, чтобы проголосовать "за". Когда голосование было завершено, заседание надолго было прервано овациями, делегаты призывали чествовать различных руководителей.

Затем небольшая группа в задней части принялась петь Коммунистический гимн. Мало-помалу его подхватили, зал сам слился в едином ритме и было спето несколько куплетов. Мелодия оказалась типично русской, в грустной протяжной тональности.

Она звучала неспешно, величаво и сильно контрастировала с воинственным стилем Марсельезы. Казалось, голоса разделились на гармонические группы, с чётко различимыми тенорами и контральто. Это оказалось по настоящему волнующе и оставило впечатление мощи и серьёзности. Собрание распалось и люди разошлись.

(Примечание Мемуариста. Сильно подозреваю, что пели они не какой-то абстрактный коммунистический гимн, а непосредственно Интернационал. Первая версия песни, названной гимном партии большевиков, появится только через год в 1938 -м. Она и правда протяжная.

Что любопытно, музыка будет хорошо знакомая нам – музыка гимна Александра, а вот слова были совсем другими. В 1943-м году будет особый конкурс, на котором Эль Регистан и Михалков напишут к этой музыке великий текст про Союз нерушимый.

А вот назвать протяжным и минорным Интернационал – это надо постараться. Песня как раз крайне бодрая и боевая. Кстати, посол совершенно напрасно противопоставляет Интернационал французской Марсельезе. Как раз в начале века он пелся на мотив рабочей Марсельезы. Позднее и

правда, стал несколько более протяжен и величественен.

Презренны Вы в своём богатстве,

Угля и стали короли!

Вы, ваши троны – туняядцы,

На наших спинах возвели.

Заводы, фабрики, палаты,

Всё нашим создано трудом.

Пора! Мы требуем возврата,

Того что взято грабежом.

Продолжаем.)

Мне сообщили, что у этих съездов, наряду с другими, есть и образовательные задачи. Делегаты должны вернуться в свои коллективы и обучать людей законодательству.

Марджори присоединяется в выражении любви детям и нежных пожеланий Хелен и тебе самому. Как всегда, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. При прочтении может создаться впечатление, что Дэйвис, мягко говоря, наивный и простоватый человек. Вместо доклада о действительной сути Конституции он повествует о трубящих в горны курсантах и пении гимнов. Это далеко не так.

Когда Дэйвис будет докладывать президенту о процессе над изменниками-троцкистами мы увидим крайне цепкого, профессионального и подробно разобравшегося в сути каждого протокола допроса специалиста. Сдаётся мне, американского читателя просто не нужно лишний раз драз-

нить правами Советского гражданина. Ни к чему. Поэтому и остаются только рассказы про гимны, а не про основной закон СССР. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 23-е января 1937-го.

Весь дипломатический корпус сильно взволнован тем, что семнадцать старых большевиков предстали перед Верховным судом СССР по обвинению в измене своей стране. Они называют это "процессом Радека". Этот человек, Карл Радек – очень известный публицист и выдающаяся личность, имеющий множество друзей за рубежом.

Процесс начался сегодня утром и проводится в благородном собрании, которое при старом режиме было светским клубом для дворянства.

(Примечание Мемуариста. Придётся немного поправить посла Дэйвиса. Суд этот назывался процессом "параллельного антисоветского троцкистского центра". Впрочем, википедия сообщает, что никакого центра не существовало и это всё выдумки Сталинистов.

А благородное собрание – это нынешний Дом Союзов, названный в честь центрального Совета московских профсоюзов. Характерно, что сегодня в здании, где судили изменников Родины, временно заседает Государственная Дума. Ирония судьбы. Продолжаем.)

В полдень, сопровождаемый советником Хендерсоном, я отправился на этот процесс. Дипломатическому корпусу специально были подготовлены пропуска на места для зри-

телей. Заседание длилось до трёх часов дня, затем суд прервался до шести вечера.

Я посетил также и вечерние слушания с шести до половины одиннадцатого. Для меня они оказались особенно любопытными и захватывающими. Во время перерыва вечернего заседания мы с одним журналистом сходили за пивом и бутербродами. Все старались помочь мне разобраться в этой ситуации.

Дневник, Москва, 25-е января 1937-го.

В соответствии с протоколом, весь официальный состав нашего посольства был должен сопровождать и сопроводил меня в Кремль по случаю представления верительных грамот. Они были формально представлены президенту, прежде чем мы удалились для беседы в его кабинет.

После мероприятия коллектив вернулся со мной на очень хороший обед, подготовленный Марджори. Джей Ди (Джон Стамм, мой личный секретарь) сделал групповые фотографии в большой обеденной зале.

Икра, икра везде и ни одного тебе яичка, кроме как за комиссарским столом. Мы попросту не могли найти ни одного! По крайней мере, когда нам было сказано, что они принесены на обед (яйца, а не икра).

(Примечание Мемуариста. Дэйвис старательно строит из себя идиота, которым опытный уголовный адвокат и один из богатейших людей США явно не является. Страдает совершенно в духе таможенника Верецагина из "Белого

солнца пустыни". Опять эта икра, хлебушка бы! Продолжаем.)

**Доклад президенту о долговом вопросе и Калинин.
Москва, 25-е января 1937-го.**

Достопочтенному Франклину Делано Рузвельту.

Дорогой мой, мистер президент! К счастью, обычай произнесения официальных речей на церемонии представления верительных грамот был отменён. Калинин уделил мне двадцать минут. Его приветствие оказалось очень сердечным, а когда я упомянул, что Вы говорили лично о нём, он попросил передать Вам наилучшие пожелания как "великому человеку". Встреча прошла очень тепло.

Он сказал, что уверен – все спорные вопросы между двумя странами могут быть урегулированы. Мой ответ был осторожен: я искренне на это надеюсь и верю, что это возможно, если подходить к вопросам с таким же ясным пониманием, с которым эти соглашения задумывались президентом Соединённых Штатов.

Я был бы рад обсудить эти вопросы по возвращении Литвинова, если им будет так угодно. Я хотел произвести впечатление (и как мне показалось, вполне преуспел), что это оставлено на их усмотрение и вопрос не слишком значим для нас. Калинин выразил удовлетворение, что, по его мнению, мой профессиональный опыт гарантирует объективность и независимость суждений, безотносительно того, что я мог слышать неблагоприятного от дипломатических источников

в Москве.

Я ожидаю возвращения Литвинова, чтобы понять будет ли он ставить на рассмотрение долговой вопрос. Есть признаки, что они хотели бы забыть его. Если так, буду следовать указанной Вами линии. С глубоким уважением, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Президент Калинин о Советской обстановке.

Номер одиннадцать, Москва, 25-е января 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Доклад посла Дэйвиса относительно представления верительных грамот мистеру Калинин.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь сообщить следующее касательно официального представления моих верительных грамот президенту Калинин. Представляется, что обычай обмена формальными выступлениями во время представления верительных грамот был отменён.

(Примечание Мемуариста. Этот момент отлично сыгран в кинокартине 1943-го года "Миссия в Москву". Посол Дэйвис церемонно передаёт Калинин свои грамоты и явно ждёт традиционного царского церемониала. А всесоюзный староста как бы рассеянно сует нераспечатанный конверт под пресс-папье и предлагает начать беседу.

У Советского руководителя просто нет времени церемонии разводить. Американский посол несколько ошарашен настолько деловым подходом большевиков. Продолжаем.)

Президент Калинин сел за свой стол и предложил мне стул напротив Крестинского рядом с мистером Нейманом и переводчиком. Присутствовали еще двое, а именно мистер Уншлихт, секретарь Союзного совета Центрального исполнительного комитета СССР и мистер Хацкевич, секретарь совета национальностей Центрального исполнительного комитета.

Президент Калинин предложил мне сигарету и я поблагодарил его по-русски словом "Спасибо", что вызвало смех. Я сказал, что хотел бы выразить от себя, семьи и персонала признательность за обходительность на границе и за всё прочее, что сделало наше путешествие в Москву комфортным и приятным. Затем я представил отзыв моего предшественника и мои собственные верительные грамоты.

Затем, я сообщил, что моё правительство через государственного секретаря мистера Халла хотело бы передать мистеру Калинину приветствия и душевные тёплые пожелания. Что перед моим отъездом я совещался с президентом Рузвельтом и он упоминал лично о президенте Калинине.

Мистер Калинин выразил удовольствие, что его упомянул "великий президент" и заявил, что вопросы разногласий между странами могут быть разрешены ко взаимному удовлетворению. На это я ответил очень взвешенно, что я также на это надеюсь и уверен в этом. Разумеется, это может быть сделано, если подходить к вопросу с расширенных позиций, с которых президент Рузвельт задумывал достигнутое с Лит-

ВИНОВЫМ СОГЛАШЕНИЕ.

(Примечание Мемуариста. По-моему, посол Дэйвис не до конца понимает, что большевики над ним слегка посмеиваются. Для жителя "самой свободной страны мира" почему-то естественно совершенно неприлично благоговеть перед своим президентом, как перед папой Римским.

Ему невдомёк, что отношение к руководящим кадрам в СССР совершенно иное. Они такие же люди, как и все остальные, только с большей возложенной ответственностью. Поэтому, когда Калинин говорит, что ему приятно "что его упомянул великий президент", уверен – присутствующие прячут от посла невольные улыбки. Продолжаем.)

Я заявил, что я не профессиональный дипломат и привык работать прямо. На это мистер Калинин ответил, что его правительство основано на поддержке народа и что их руководители приверженцы прямой и откровенной дискуссии. Затем, я заявил, что моему правительству особенно повезло в том, что мы изолированы и сильно удалены от всех возможных угроз других стран.

И что поэтому мы привыкли к прямой дипломатии, тогда как общая европейская дипломатия, возможно, находится под влиянием требований национальных страхов или национальных амбиций. Президент Калинин ответил, что настолько, насколько рассматривает этот вопрос сама Россия, у них нет страха перед внешней агрессией, так как они уверены, что армия и народ достаточно сильны, чтобы защитить

себя.

Затем он выразил надежду, что у меня сложилось благоприятное впечатление. Я ответил, что Москва очень красивый город, что меня повсюду впечатлила активная деятельность, как признак нового строительства и прогресса. Меня сильно впечатлило поведение и внешний вид людей на улицах, которые большей частью выглядят в порядке, тепло одеты и в основном заняты делом.

(Примечание Мемуариста. Читателю 1941-го года понять этот пассаж Дэйвиса мудрено. Сегодня, к сожалению, понять посла нам гораздо легче. Дэйвис приехал из Америки в самый разгар Великой Депрессии.

По всей видимости, типичный вид улиц Нью-Йорка или Вашингтона тех дней – это очереди голодных оборванных безработных, без тёплых вещей, которые стоят за бесплатной похлёбкой. Документальной хроники тех лет сохранилось достаточно.

А тут эти большевики, явно сытые, прилично одетые и все при деле. Не слишком приятное для американца сравнение с родной страной. Продолжаем.)

Президент Калинин затем заявил, что они добились очень существенных достижений, их промышленный выпуск чрезвычайно сильно вырос, потребности людей стремятся удовлетворить настолько быстро, насколько возможно, но, спрос настолько велик, что подобен всепожирающему пламени. Оно поглощает предложение сразу по мере произ-

водства, чтобы покрыть нужды людей.

Затем он заявил, что они очень рады получить посла, который в силу своего профессионального опыта будет смотреть на ситуацию объективно и не склонен к скоропалительным оценкам, пока все факты не будут должным образом рассмотрены в перспективе.

Затем, он намекнул, что его правительство, вероятно, испытывает лёгкое предрасположение к чрезмерно дружелюбным людям и порой бывает приятно поражено теми, кто изначально холодно в общении. Он сказал, что поспешные и поверхностные суждения о ситуации обычно пристрастны.

Он проиллюстрировал это, сказав, что гость может увидеть пару пьяных на улицах Москвы и сделать из этого заключение, что все русские – пьяницы, что, разумеется, не соответствует истине. Он выразил надежду, что я увижу как можно больше из того, что они делают и стараются делать для народа, и буду оценивать это справедливо и объективно.

На это я ответил, что являюсь продуктом индивидуалистической и капиталистической системы, начинал с весьма скромных позиций, тяжело работал всю мою жизнь и мои симпатии на стороне простых людей, точно так же как и симпатии моего правительства. Я заверил их, моя цель стараться наблюдать открытым рассудком, справедливо приходить к заключениям и доносить их до моего правительства в точности.

В этом они могут быть уверены, так как это не только мои

личные желания, но результат моего обучения и моей привычки мыслить таким образом, сложившейся за годы предшествовавшего опыта. Имею честь оставаться, с уважением, Ваш Джозеф Дэйвис.

Дневник, Москва, 25-е января 1937-го.

Калинин живёт в Кремле. Прихожая и кабинет, в который меня пригласили, опрятны и очень просто обставлены. Калинин производит приятное впечатление. У него серьезные глаза и простая любезная манера держаться. У него репутация очень популярного в Советском народе человека. Он начинал рабочим на одном из литейных заводов.

(Примечание Мемуариста. По всей видимости, имеется в виду работа Калинина токарем на заводе «Красный путилевец», он же – знаменитый «Кировский завод». Продолжаем.)

Он настолько комфортен в общении как «старый ботинок» из поговорки. Калинин произвёл на меня впечатление доброго, приятного и компетентного человека с простым обращением.

Неподготовленность Франции.

Журнал, Москва, 26-е января 1937-го.

В печати сообщается, что Рейно в Париже привёл некоторые любопытные факты о вооружённых силах Европы. Фактор скорости изменит всё. У Германии две тысячи аэропланов, у Италии тысяча девятьсот, у Франции же только тысяча триста.

Таким образом сделано было не многое: против каждого двух германских бомбардировщиков у Франции только один, а против нескольких сотен французских танков у Германии и России тысячи. Мне кажется, о неизбежности войны в Европе говорят все, но никто, кроме Германии и России, не принимает её всерьёз.

(Моим главным источником последних известий является радио на коротких волнах. Я прослушиваю его ежедневно и делаю заметки, чтобы иметь перспективу европейских событий. В моём карманном дневнике недостаточно места и я взял себе за правило вести записи в журнале, чтобы расширить отражение вопросов, которым не могу уделить достаточного внимания в дневнике.)

Дневник, Москва, 27-е января 1937-го.

Одиннадцать утра. Посетил японского посла Шигемитсу. Он инвалид и очень способный человек. Он рассказал о «Шанхайском инциденте», в котором лишился ноги и о помощи, которую оказал ему американский посол Нельсон Джонсон.

С четырёх до пяти вечера прогулялись с Марджори вокруг Кремля. Посетили в одном из музеев специальную выставку Рембрандта. Должно быть, там было представлено более тридцати полотен, включая Блудного сына, Рождение Христа и множество других. Весьма выдающаяся выставка.

Также мы посетили Третьяковскую галерею. Прекрасные картины Герасимова, "Орден Ленина", очень крупные полот-

на Сурикова, "Солдаты в Альпах" и тому подобное. Снежные картины Грабова, Юона и Шишкина. Посетил комиссионный художественный магазин и осмотрел картины современных Советских художников. Они поразительно интересны.

(Примечание Мемуариста. К своему стыду, имя Константина Фёдоровича Юона ничего мне не говорило. А ведь это известный академик Академии художеств СССР и лауреат Сталинской премии 1943-го года. Создавал совершенно удивительные, пронизанные светом пейзажи. Посмотрите в интернете – не пожалеете. А еще он нарисовал по рассказу Чехова замечательный советский мультфильм 1952-го года – Капитанку. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 28-е января 1937-го.

Начал раунд официальных визитов: китайский, германский, персидский, турецкий.

(Примечание Мемуариста. Посол по старинке называет Иран Персией. Впрочем, это немудрено, название официально изменилось только в 1935 году).

Провёл ланч с турецким послом. После ланча мы с Марджори снова вышли в город, чтобы осмотреть другую выставку современных русских художников в мастерской. Мы с большим интересом провели там два часа. Приобрёл несколько замечательных работ маслом (снег, Революция и т.п.) для моей коллекции в Университете Висконсина.

Извлечения из издаваемого Ассоциацией выпуск-

ников Университета Висконсина каталога коллекции русских полотен и икон имени Дэйвиса, которая была передана послом Университету.

Письмо посла Дэйвиса от 9-го марта 1937-го ректору Ла Фолетту с предложением коллекции Университету.

Дорогой Фил!

С тех пор, как я приехал в Россию, у меня в голове крутится одна мысль и я хотел бы в связи с этим попросить твоего совета.

Русские картины по своей художественной выразительности, силе и красочности исключительны. Несмотря на то, что это в общем-то может и не быть характеристикой изящества работы художников других школ, тем не менее, они создали некоторое число великих картин.

С моей личной точки зрения, меня всегда больше интересовала история, которую рассказывает картина и впечатление, которое она производит на чувства, чем техника её исполнения.

Итак, я собрал некоторые из этих картин. Большею частью это оригиналы. В некоторых случаях это копии. Художники, как тебе известно, работают здесь на государство, но мне удалось получить разрешение от властей заказать копии этих картин, выполненные теми же самыми художниками.

Моей целью было получить собрание картин, более или менее описывающих различные сферы жизни и деятельности страны: народ, солдат, действия в революционные мо-

менты, строительство гигантских предприятий и жизнь в удалённых уголках России.

Мне пришло в голову, что Университету Висконсина может быть интересным получить эту коллекцию. И я подумываю подарить её.

Эта коллекция, хоть и включает несколько выдающихся работ, не является со строго художественной точки зрения одной из самых значимых. Она может быть интересна и вызывать обсуждения.

При этом все иконы высшего класса этого вида искусства. Они исключительны и совершенно уникальны. Они отбирались ведущими техническими экспертами по иконам, связанными с Советским правительством и особенно с Третьяковской галереей. Они охватывают лучшие типы икон различных периодов.

Выдержка из официального объявления ректора Ла Фолетта о принятии коллекции от 20-го мая 1937-го.

Подарок посла Дэйвиса своей коллекции Университету – благородный и великодушный поступок. Это выдающийся художественный вклад в Университет, особенно ценный личностью дарителя.

Дневник, Москва, 29-е января 1937-го.

Одиннадцать дня. Нанёс визит посланник, старый добрый джентльмен. Обсуждали его отношение к процессу над изменниками. Он считает, обвиняемые виновны.

Двенадцать дня. Встречался с послом. Обсуждали экономическое развитие и золотые резервы. На некоторые утверждения он смотрит скептически, при этом считает, что по значимым вопросам они говорят правду.

(Примечание Мемуариста. Фамилии и страны посланника и посла умышленно опущены Дэйвисом. Это специально отражено в тексте. Характерно, что когда посол восхищается картинами или беседует о всякой ерунде, фамилии указываются. Как только появляются серьёзные государственные вопросы, фамилии публике знать не следует. Не так прост посол Дэйвис, как пытается казаться. Продолжаем.)

Час дня. Посетил последний день процесса. Слушал заключительные обращения к суду Радека, Сокольников, Сюкинско, Серебрякова и других. Слушания закрылись в три пополудни.

(Примечание Мемуариста. Не вполне понимаю, кто такой Сюкинский. Среди семнадцати обвиняемых по этому процессу никого с похожей фамилией не было. Подозреваю, что в дневнике посол ошибочно так записал Пятакова. Далее в официальном докладе госсекретарю посол указывает фамилии обвиняемых верно. Продолжаем.)

Четыре дня. Приглашён с Марджори и Эмлен на чай к мадам Литвиновой.

Пять пятнадцать. Посетил турецкое посольство.

Пять тридцать. Посетил персидское посольство.

Девять вечера. Ушёл спать, устал смертельно.

Когда мы только прибыли, мадам Литвиновой не было в Москве. В сообществе распространялись типичные слухи, что она была ликвидирована, исчезла и т.п. Марджори, Эмлен и я были приглашены на чай в Спиридоновка Хаус, старинный особняк, используемый правительством для приёмов.

(Примечание Мемуариста. Посол опять всё перепутал. Спиридоновка – это название улицы, на которой располагался особняк. Сам дом известный – это усадьба жены Саввы Морозова, того самого фабриканта, что активно поддерживал социалистов до Революции.

Особняк выполнен в староанглийском стиле, со стрельчатými окнами и вполне вписался бы в интерьер Лондона. Действительно, нарком Литвинов некоторое время там проживал. С 1938-го года в этом здании будет организован Дом приёмов министерства иностранных дел. Продолжаем.)

Мадам Литвинова приветствовала нас в манере очаровательной английской дамы, которой она и являлась. Она приехала с Урала, где преподавала "Бейсик Инглиш", которым очень сильно интересовалась.

(Примечание Мемуариста. Посол не шутит про английскую леди. Женой наркома Литвинова была Айви Лоу, гражданка Великобритании. Довольно известная английская революционная писательница.

Она действительно занималась изучением и преподаванием в Свердловске так называемого "Базового английского". Это такая упрощенная версия английского, одна из попыток создать язык международного общения вроде эсперанто.

Аббревиатура звучала красиво "Британо-американский научный международный коммерческий". Пока Черчилль не выступил с речью, что покорённые Британией туземцы не способны понимать приказы своих господ и срочно нужно придумать обрезанный английский для их обучения. Большого развития Бейсик Инглиш так и не получил. Продолжаем.)

Она ярко демонстрировала признаки очарования и ума, но при этом уделяла мало внимания внешности. Её руки были красными и обветренными. Она приходится сестрой моему старому другу, сэру Сиднею Лоу, с которым мы познакомились в Вашингтоне, во время Первой Мировой. С Литвиновым она познакомилась в Лондоне и вышла за него.

(Примечание Мемуариста. Дэйвис не мог знать, что грядёт еще и Вторая Мировая Война. Поэтому никто не употреблял устоявшееся у нас название Первой Мировой. Для Дэйвиса это была просто "Великая война". Продолжаем.)

Оборотная сторона московских процессов.

Номер пятьдесят семь, Москва, 17-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Процесс изменника Радека (с 23-го по 30-е января).

Совершенно секретно.

Сэр, имею часть доложить следующее по отношению к определённым деталям и моим впечатлениям от недавнего, так называемого, процесса изменников Троцкого-Радека.

Ближайшее политическое окружение.

Этот процесс является естественным следствием убийства Кирова первого декабря 1934-го. Киров, работавший в Ленинградской области, был одним из выдающихся лидеров партии и Сталинского правительства. В тот момент его убийство вызвало потрясение.

Доклады дипломатов департаменту того времени показывают, что это вызвало большое движение и беспокойство части руководителей правительства в Москве. Лично Сталин, Ворошилов – народный комиссар обороны и другие главы правительства поспешили прибыть на место преступления, по всей видимости опасаясь, что существует широко распространённый заговор с целью свержения Сталинского правительства.

С 19-го по 24-е августа 1936-го года в Москве состоялся процесс Каменева-Зиновьева, когда шестнадцать обвиняемых были привлечены к суду, признаны виновными и впоследствии расстреляны. Этот первый процесс также был следствием убийства Кирова.

Нынешний процесс происходит из тех же событий и по причине сделанных на процессе разоблачений, и на основании предполагаемых улик, обнаруженных впоследствии.

(Примечание Мемуариста. Официальное название первого процесса – процесс антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра. Шестнадцать подсудимых обвинялись в подготовке заговора с целью свержения Советской власти, убийстве Кирова, подготовке убийства Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Кагановича и ряда других партийных деятелей.

Всё совершалось на деньги и по указке из-за рубежа, в основном по линии Троцкого. Процесс был открытым. Все, кроме двоих, полностью признали свою вину под давлением предъявленных улик. В 1988-м году Горбачёв всех реабилитировал. По логике Горбачева, видимо, парни были ни в чём не виноваты, а Кирова они грохнули по ошибке. Продолжаем.)

На текущем процессе было семнадцать обвиняемых, в том числе пять или шесть известных политических деятелей. Остальные были различных типов: инженеры, искатели приключений и тому подобное. Без особой известности – просто не внушающие доверия инструменты для шпионажа, саботажа, терроризма и выполнения различных преступных деяний. Официальное обвинение строилось на особом уголовном уставе. Они обвинялись в измене своей стране, шпионаже, саботаже, а главное в исполнении террористических действий.

Уголовный кодекс.

Предписанные законом формулировки, запреты и назна-

чение наказания носят особый характер. Эти предписания были введены в силу с первого января 1927-го года. Соучастник имеет равную степень вины с исполнителем преступления.

Даже участие в любой организованной преступной политической деятельности, готовящей исполнение любых из этих деяний, влечёт за собой такое же наказание, какое предусмотрено для конкретного преступления. Уголовный кодекс направлен в первую очередь на возвеличивание роли государства.

Наказания за преступления против государства намного более суровы, чем за преступления против гражданской собственности или жизни. Их максимальное наказание за обычное гражданское убийство по мотивам алчности, скупости и тому подобным – десять лет заключения.

В то же время, максимальное наказание за покушение на государственную собственность – смерть. Другая черта уголовного законодательства, значение которой было наглядно в этом процессе, недостаток градаций наказания.

Например, в своих свидетельских показаниях Радек указывает, что тогда, в 1935-м году после четырёх лет участия в том, что переросло в заговор с целью свержения правительства, он решил чистосердечно раскаяться и признаться. Так как условия изменились таким образом, что его взгляды стали иными, чем в 1931-м году. Тем не менее, он обнаружил себя на позиции, на которой вменялось максимальное нака-

зание.

Происхождение главных обвиняемых.

Чтобы верно оценить эту ситуацию, необходимо держать в голове, что практически все главные обвиняемые с юных лет росли в атмосфере заговоров против установленного порядка. Как интеллектуалы, они устраивали заговоры против царя в свои молодые годы, в свои университетские годы, и ежедневно в силу своих занятий встречались со смертью "на пороге" до самых времён торжества Революции. Они пропитались заговорами до мозга костей.

После смерти Ленина в 1924-м между лидерами разразилась борьба за место преемника. Двумя самыми выдающимися соперниками выступили Троцкий и Сталин. Первый был блестящим, разносторонним, динамичным. Второй – грузин, был простым, работающим, с великой способностью к труду – гений организации, человек выдающейся физической и умственной силы и восточного терпения.

В качестве секретаря Коммунистической партии он медленно выстроил свою партийную машину, что привело к поражению Троцкого и его итоговой высылке в 1927-м.

Судя по всему, в тот момент борьба шла не столько между принципами, сколько между двумя личностями. Это подтверждается тем, что многие предлагаемые сейчас Сталиным вещи были частью программы Троцкого. Это следует некоторым образом уточнить тем фактом, что Сталин несомненно, даже в те дни был склонен к программе развития

коммунистической идеи в России как "вещи, которую нужно сделать в первую очередь", предоставляя мировую Революцию саму себе.

В то время, как Троцкий был и тогда, и сейчас яростным сторонником превыше всего именно мировой Революции. Тогда Троцкий привлёк большое число восторженных приверженцев из лидеров партии. Эти люди после падения Троцкого были отправлены в глубинку и лишены своих мест в государственном аппарате.

Некоторые позднее отрёкшиеся от идей Троцкого, были приняты обратно в партию и снова получили официальные посты. Тем не менее, над ними всегда висело облако подозрений. Ни одному из них не доверили должности перво-классной важности и было ясно, что нынешние власти никогда не станут настолько им доверять. Таковы были шесть главных обвиняемых.

Следует также держать в уме, что именно Сталин разработал Пятилетний план в 1929-м году после высылки Троцкого. Он включал программы индустриализации и сельскохозяйственной коллективизации. На протяжении 1931-го и 1932-го годов, когда возник предполагаемый заговор, эти планы накладывали на население ужасающие трудности.

Обстановка тогда была намного хуже, чем в 1935-м году. Результаты Пятилетки только начали показывать своё возможное выполнение в 1934-м или 1935-м. Общеизвестно, что Сталинский режим намного сильнее в 1935-м, чем

в 1931-м.

Это улучшение ситуации многократно упоминалось во время признательных показаний главных обвиняемых в качестве оправдания смены их взглядов и конечной причины их раскаяния и признания вины. Другим фактором, определяющим обстоятельства этого необычайного процесса, является то, что для этих людей коммунизм приравнивается к религии. Преданность ему – фанатична.

Зал суда и атмосфера.

Я посещал заседания процесса, который продлился шесть дней, со всем рвением. Он был ужасающим в своей человеческой трагедии. Заседания проходили в длинной комнате с высокими потолками, которая при старом режиме была частью московского светского клуба.

По обеим сторонам центрального прохода размещались ряды сидений, занятых на каждом заседании различными группами "рабочих", за исключением нескольких рядов по центру предназначенных для местных и иностранных корреспондентов и дипломатического корпуса. Насколько я осведомлён, различные группы "рабочих" были присланы с обязанностью проинформировать позднее о заседаниях процесса свои организации.

Выдержка из письма президенту от 4-го февраля 1937-го.

Во время дневного перерыва между четырьмя и шестью часами пополудни я наметил себе посетить различные учре-

ждения, магазины и тому подобное. В каждом из мест я обнаружил группы от двадцати до шестидесяти собравшихся, к которым обращался некий человек, описывающий процесс и преступления обвиняемых.

Меня проинформировали, что подобное происходит по всей стране с постоянно работающим радио. Их политические и пропагандистские организации простираются вглубь каждого сообщества. Самый нижний уровень, называемый "ячейка", состоит из трех членов партии, отвечающих за организацию своего конкретного подразделения. Джим Фарли мог бы дать некоторые дополнительные подсказки, если бы приехал сюда.

(Примечание Мемуариста. Посол Дэвис напрасно ставит слово "рабочие" в кавычки. Видимо, он привык за годы карьеры в американском суде к подставным слушателям, влияющим на мнение присяжных. Он не может понять, что это настоящие рабочие, делегированные на процесс товарищами по партии со своих заводов.

Разумеется, одна из задач делегатов – выступить по итогам перед товарищами на фабрике с рассказом что именно происходило на процессе. Это не правительственная пропаганда, именно так выглядит настоящая, подлинная демократия, власть народа. Продолжаем.)

На помосте в передней части зала заседали трое судей, все в форме. Это были члены Военной коллегии, части Верховного суда, уполномоченные проводить процессы по преступ-

лениям против государства. Помост был частью платформы примерно на пять футов выше пола, в центре которого был "колодец".

Для свидетелей предназначалось возвышение около фута высотой, примерно в восьми футах и лицом к заседающим судьям. В "колодце" также были столы для адвокатов защиты.

По правую сторону помоста сидели обвиняемые, отделённые простыми деревянными перилами на высоте примерно трех или четырёх футов (как у присяжных заседателей). Они сидели в четыре ряда по четыре стула каждый лицом к центру "колодца".

Каждые полчаса под командой офицера прибывали четыре солдата и сменялись на посту рядом с заключёнными почти на самом краю "колодца". На противоположной стороне "колодца" размещался обвинитель и его два помощника, один из них в военной форме.

Суд созывался в полдень каждого дня и продолжал заседание с тридцати минутными перерывами до четырёх дня. В шесть часов заседание возобновлялось и закрывалось только в десять вечера.

Процесс.

Судебное разбирательство открылось чтением официального обвинения секретарём суда. Это было длинное, подробное изложение предъявляемых преступлений, сформулированное в подробных деталях, с перечислением многочислен-

ных улик. Заявление о наличии представленных подтверждающих доказательств в форме письменных документов вызвало что-то вроде сенсации среди журналистов и дипломатических обозревателей.

Невозможно сказать, были ли серьезные расхождения между предъявленными обвинениями и представленными в ходе процесса документальными свидетельствами, так как в ряде случаев документы представлены не были. Утверждалось, что они были уничтожены обвиняемыми как свидетельства против себя, а в других случаях документы только упоминались в ходе признательных показаний, либо предоставлялись для рассмотрения только самому военному суду.

Каждый из обвиняемых в ответ на вопросы главного судьи поднимался на своём месте и признавал свою вину. Отделение для заключённых было уставлено микрофонами, расположенными удобно для их выступлений. Обвинитель с заметками, в которых, очевидно, содержались письменные признания, задавал сравнительно мало вопросов, после чего каждый из обвиняемых рассказывал о своих преступлениях в хронологическом порядке. Обвинитель вёл дело невозмутимо и с достойной восхищения выдержкой.

Во внешности обвиняемых не было ничего необычного. Они все выглядели хорошо упитанными и внешне здоровыми. В первые несколько дней процесса они проявляли значительное любопытство по отношению к толпе и, хотя были серьёзны, не казались слишком озабоченными. Однако по

мере продолжения процесса, всё же, в их позах проявлялись признаки отчаяния.

Они обхватывали головы руками или склонялись лбами к перилам. По большей части казалось, что они старательно слушают показания других главных обвиняемых. Могло показаться, что слишком многие из показаний стали для них сюрпризом в некоторых деталях.

Комментарии к показаниям и главные обвиняемые.

Основными обвиняемыми на процессе были Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и Муралов. Первым свидетелем вызвали Пятакова, он стоял перед микрофоном лицом к обвинителю через "колодец" и выглядел как преподаватель колледжа, произносящий лекцию.

Он работал помощником народного комиссара тяжелой промышленности. По общему мнению, успех пятилетнего плана в значительной мере его заслуга. Утверждалось, что он происходил из старой производственной семьи.

(Примечание Мемуариста. Посол забыл упомянуть, что семья-то производственная, да не с той стороны. Отцом Пятакова был директор сахарного комбината "Братьев Яхненко и Смирненко" в Киевской губернии. Продолжаем.)

Он излагал историю своих преступных деяний детально, спокойно и бесстрастно. По мере его показаний, так же как и в случае с другими обвиняемыми, обвинитель просил его прерваться и обращался к другим обвиняемым с просьбой подтвердить описанные им конкретные особые факты.

В некоторых случаях они уточняли или обсуждали отдельный факт, но в основном, подтверждали, что преступление имело место. Всё это производилось обвиняемыми с высочайшей степенью бесстрастности.

Особенно я заметил это за Серебряковым, старым железнодорожником, которого подняли, чтобы подтвердить факт особенно ужасного преступления. Он сделал это кратко, после чего уселся совершенно равнодушно и зевнул.

Радек, обвиняемый, вызванный вторым, был совершенно другого типа. Низкий и приземистый, но с энергичной и выдающейся индивидуальностью он неплохо владел публикой. Он был одет как крестьянин, а его индивидуальность подчёркивалась бакенбардами, переходящими в поросль под его подбородком.

Его позиция состояла в том, что, само собой разумеется, он являлся в заговоре одним из политических лидеров. Что, хотя он не принимал непосредственного участия в этих конкретных преступлениях, но соучаствовал им, знал об их подготовке, несёт на себе ответственность за них и не пытается избежать этой ответственности.

Тем не менее, он постоянно настаивал, что это "искусственно созданные" преступления и постоянно оправдывал себя на той основе, что они носили политический характер и совершались во имя целей, приверженцем которых он тогда был. У него произошло несколько резких перепалок с обвинителем, в которых он выступил не лучшим образом.

Во время своих показаний он держался хорошо, хотя во время последнего заявления суду попросил помнить, что это он раскрыл заговор Троцкого, с подтекстом, что именно благодаря ему Троцкому не удалось захватить власть.

Серебряков выглядел самым кротким из разбойников, какие только когда либо перерезали глотки (с ангельским лицом), мимоходом излагал ужас за ужасом, которые он замышлял. По своей манере он казался более-менее смирившимся.

(Примечание Мемуариста. Дэйвис называет в тексте Серебрякова "пиратом". В переносном смысле, конечно.)

Сокольников, бывший посол в Лондоне, заместитель народного комиссара иностранных дел, был человеком совершенно иного типа. Смуглый, круглолицый, с высоким лбом. Он также давал показания в стиле бесстрастной лекции о своём участии в заговоре, логично и чётко излагал доводы, которые побудили его и его соучастников пуститься в заговор с Японией и Германией.

Основой всего было отсутствие возможности реализации их планов улучшения жизни русских людей изнутри, так как Сталинское правительство было настолько сильно, что массовые волнения внутри страны не смогли бы его опрокинуть. Исторически у них были основания считать, что их лучшим шансом захватить власть было развязать войну с иностранной державой и создать меньшую страну буквально "из углей". Благодаря дружественному расположению победите-

лей (немцев) и вероятной позиции других западных стран Европы по итоговому мирному соглашению.

Муралов выглядел по-военному, с эспаньолкой на подбородке, копной седых волос и тонкими орлиными чертами. Он был прилично выше шести футов и носил простую тёмную русскую блузу, застёгнутую до шеи. Он держал себя с достоинством, выглядел мужественно и прямо. Одно время он занимал высший командный пост в вооружённых силах в Москве.

(Примечание Мемуариста. Муралов с самых первых дней Революции в 1917-м был комиссаром, а по факту командовал, Московским военным округом. С 1921-го года он уже официально был командующим войсками Московского военного округа.)

В естественной манере, с которой он давал показания о своих причинах поддержать Троцкого, как одного из старейших и лучших друзей, было много признаков правдивого рассказа. Он называл Троцкого великим человеком, который "был мужчиной, когда остальные вели себя как мыши". А также, когда он говорил о причинах отказа признать вину и публично отречься.

Он отрицал, что на него оказывалось какое-либо давление и утверждал, что на протяжении восьми месяцев отказывается признавать вину, так как возмущён своим арестом, разозлён и решительно настроен. Сперва он думал, что предпочтёт умереть героем и таким образом продвинет дело заго-

вора, но затем, постепенно осознав заговор целиком, пришёл к заключению, что правительство Сталина добилось значительных успехов и делает для русского народа великие вещи.

Он ошибался и видит свой долг в чистосердечном признании этого. Остальные обвиняемые давали длительные показания со ссылками на свои конкретные преступления и представляли собой сильно разные типы людей. Все обвиняемые, казалось, стремятся громоздить одно обвинение себя на другое – признавая максимальную вину.

(Примечание Мемуариста. Посол Дэйвис по старой судебной привычке, чтобы казаться умнее, любит в книге вернуть фразочку на латыни. Чтобы не перегружать текст, я привожу их в переводе на русский по смыслу. Продолжаем.)

Им требовался минимальный перекрёстный допрос от обвинителя. В случае с одним из обвиняемых обвинитель даже посоветовал тому вернуться к сути дела и не приукрашивать свои показания дополнительными преступлениями. Поведение обвинителя было совершенно лишено запугивания. Очевидно, в этом не было нужды.

(Примечание Мемуариста. То есть, в американском суде тех лет ситуация, когда обвинитель наводит страх на подсудимого, была нормой? Любопытное сравнение "кровавых Сталинских палачей" и "честных американских судов".)

По окончании заслушивания подсудимых обвинитель долго выступал перед судом, основываясь частично на доказательствах вины, но в значительной части на посторон-

них исторических вопросах. Это было эрудированное, компетентное выступление.

Заключительные выступления обвиняемых.

Обвиняемый Пятаков в своей заключительной речи не просил снисхождения, также как и Шестов, являвшийся главным организатором совершения некоторых наиболее гнусных преступлений. Фактически, Шестов заявил, что он заслуживает смерти и хотел бы умереть.

Радек не просил пощады, кроме того намёка, не просил и Муралов. Сокольников просил, но в очень горделивой манере. Остальные без исключения просили о прощении. В заключение этих последних слов суд объявил перерыв и пять часов спустя вынес свой приговор.

Вердикт суда.

Все обвиняемые были признаны виновными и получили приговоры соответственно тяжести своих преступлений. Пятаков и Серебряков, как члены антисоветского троцкистского центра и те, кто совершили измену, шпионаж, разрушительные и террористические действия, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

Одиннадцать других, включая Муралова, как организаторы и прямые исполнители преступлений были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Двое, Радек и Сокольников, будучи членами антисоветского троцкистского параллельного центра, неся ответственность за его преступные деяния, но прямо не участвуя в организации и исполнении кон-

кретных преступлений, были приговорены к десяти годам заключения.

Двое других, Арнольд и Строилов были приговорены к десяти годам заключения за конкретные преступления, в которых они обвинялись. Суд также постановил, что личное имущество осуждённых подлежит конфискации, а также что все осуждённые к заключению будут лишены политических прав на срок пять лет каждый. Снисходительность, оказанная по отношению к Радеку и Сокольникову, вызвала всеобщее удивление.

Общие замечания.

Самая необычная часть этого процесса, с точки зрения Запада, что такой процесс вообще должен был состояться. Все обвиняемые полностью признали себя виновными. Суду не требовалось ничего делать, кроме как заслушать возможные просьбы о снисхождении, утвердить факты и вынести обвинительный приговор.

Но здесь так называемый процесс был, длился шесть дней и обвинитель привёл предположительно все доступные ему доказательства. Совершенно бесполезное, с нашей точки зрения, судебное разбирательство.

(Примечание Мемуариста. Вот как! Либералы традиционно клянут Советское судопроизводство как полное беззаконие. Не говоря уже о процессах 1937-го года.

А тут оказывается, Дэйвис, один из самых дорогих адвокатов США, при таких вводных – вообще бы не устраивал

процесс. Приговорили бы за пять минут очевидных преступников и пошли с судьёй играть в гольф. Интересный взгляд на вопрос. Продолжаем.)

Вероятно, у властей были две цели проведения этого процесса.

Неофициальная, но общепризнанная, а именно: что процесс был разыгран в пропагандистских целях. Он был задуман, во-первых, как предупреждение всем существующим и потенциальным заговорщикам и подпольщикам Советского Союза. Во-вторых, чтобы дискредитировать Троцкого за рубежом. И в-третьих, чтобы укрепить народную поддержку правительства против вражеских стран – Германии и Японии.

По ходу процесса были задействованы все возможные средства пропаганды, чтобы донести до каждого уголка страны эти ужасные признания. Газеты были полны не только отчётами о признательных показаниях, но также комментариями самого яростного и бранного характера по отношению к осуждённому. Радио также старалось сверх меры.

(Примечание Мемуариста. Это ещё посол Дэйвис не видел массы открытых писем рабочих коллективов, которые возмущались на ряде процессов слишком мягкими приговорами суда. И написаны эти письма были простыми рабочими, а не по указке из Кремля в пропагандистских целях. Это просто невозможно.

Интересно, какие чувства испытывал бы посол Дэйвис,

если бы разоблачили заговорщиков, которые готовили проигрыш родной страны в войне с соседями, расчленение родной страны "на угольки" и убийство американского президента с десятком сенаторов. И более того, очень многое из этого успели подготовить. Не потянуло бы на "бранные комментарии", нет? Продолжаем.)

Другой вероятной причиной было показать публике на открытом процессе добровольность и правдивость признаний обвиняемых. Если бы эти признания были совершены на закрытом слушании или представлены письменно за подписью обвиняемых, их подлинность могла бы оспариваться. Теперь же факт признательных показаний никогда не сможет быть оспорен перед лицом публичного признания вины, совершённого в открытом судебном процессе.

(Примечание Мемуариста. Это посол Дэйвис недооценивает цинизм наших политиков. Казалось бы, как можно отрицать показания преступников. Их неделю заслушивали с перекрёстными доказательствами в том числе зарубежные журналисты и дипломаты. Оказалось, вполне можно.

Горбачёв реабилитировал большую часть осуждённых чехом, без глубоких разбирательств. А сегодня в серьёзной "исторической" в кавычках литературе можно прочитать, что все обвинения фальсифицированы Сталиным. А процесс использовался исключительно для захвата диктаторской власти.

Представляю, какие потоки откровений вылились бы на

нас, проведи большевики нормальный закрытый военный трибунал, как советовал Дэйвис. Продолжаем.)

Из отчётов с предыдущих процессов ясно, что нынешний процесс, по мнению многих наблюдателей, отличается практически единогласными признаниями вины и большим количеством перекрёстных доказательств. Общее мнение со стороны незаинтересованных наблюдателей состоит в том, что, похоже, существовал вполне настоящий заговор против Советского правительства.

С помощью нашего переводчика я внимательно следил за показаниями обвиняемых. Естественно, должен признать, я был предубеждён против надёжности показаний этих обвиняемых. Единогласие их признаний, факт их длительного заключения (в том числе в одиночных камерах) с возможностью принуждения и применения силы к ним самим или к их семьям – всё это давало мне веские основания сомневаться в надёжности их заявлений.

Тем не менее, рассматривая объективно и основываясь на моём опыте ведения судебных дел и способности оценивать убедительность показаний, данной мне предыдущим опытом, я пришёл к вынужденному выводу, что государство затеяло этот процесс, чтобы доказать существование широко распространённого заговора против Советского Союза. Заговор среди политических деятелей, что, в соответствии с законодательством, являлось преступлениями, изложенными в официальном обвинении.

Всё же я делаю оговорку, основанную на значительном различии нашей и Советской систем исполнения наказаний за нарушение закона и психологии этих людей, что, возможно, мои методы проверки достоверности могут быть не вполне точны здесь. Тем не менее, допуская, что человеческая природа в основном одинакова повсюду, я всё же впечатлён многими признаками достоверности, отмеченными мною по ходу процесса.

Предполагать, что эти слушания были задуманы и разыграны как театральная политическая постановка, значило бы полагать у сценаристов такого действия гений творца равный Шекспиру и Беласко.

(Примечание Мемуариста. Имеется в виду Дэвид Беласко – знаменитый в американской среде театральный сценарист и режиссёр. Активно ставился на Бродвее в начале двадцатого века и создал более четырёхсот пьес. Стремился к "фотографическому реализму" постановки. До сих пор в США действует театр его имени.

Кстати, ровно ту же мысль высказывает и присутствовавший на процессе Лион Фейхтвангер. Знаменитый немецкий писатель прямо пишет – если этот процесс театральная постановка – покажите мне режиссера, я хочу увидеть другие его пьесы. Репетировать такое нужно годами и с большим талантом. Продолжаем.)

Историческая основа и окружающие обстоятельства также придают показаниям достоверность. Доводы, которые

приводят в оправдание своих деяний Радек и Сокольников, и результаты, которых они надеялись достичь, вполне вероятны и совершенно правдоподобны. Подробные детали, временами наглядно удивляющие даже обвинителя, равно как и остальных обвиняемых, о которых сообщали различные свидетели, давали неумышленное подтверждение сути обвинений.

Манера давать показания различных обвиняемых и их поведение на трибуне также имели для меня значение. Бесстрастные, логичные, детальные заявления Пятакова и впечатление отчаянной откровенности, с которой он их делал, несли в себе основания для осуждения. То же самое с Сокольниковым. Старый генерал Муралов был особенно убедителен. Он держался с большим достоинством и прямоотой старого солдата. В своём последнем слове он сказал:

"Я отказался от защитника и отказываюсь говорить в свою защиту, потому что привык защищаться хорошим оружием и атаковать хорошим оружием. У меня нет хорошего оружия, с которым я мог бы защитить себя. Я не смею никого винить в этом, я сам – тот, кого нужно винить. Это моя трудность. Это моё несчастье..."

Менее значимые обвиняемые, которые выступали только инструментами, подробно излагали в деталях свою летопись преступлений, и во многих случаях демонстрировали признаки, что эти заявления произносятся впервые. Эти и другие факты, что я наблюдал, побуждают к мысли, что

в показаниях, конечно, могли присутствовать чрезмерные приукрашивания, но через материалы, устанавливающие наличие политического заговора с целью свержения текущего правительства, проходила последовательная нить правды.

Судя по записям этого процесса, мне было бы тяжело представить какой бы то ни было суд, в любой юрисдикции, который совершил бы что либо иное, кроме признания подсудимых виновными в нарушении закона, как установлено в обвинительном заключении и определено законодательством.

Я обсуждал со многими, если не со всеми членами дипломатического корпуса в Москве и, возможно, за одним исключением, они все придерживаются мнения, что слушания явно установили существование политического заговора с целью свержения правительства.

В дипломатическом корпусе нет единого мнения по отношению к показаниям о предполагаемом соглашении Троцкого с Японией и Германией. Разумное обоснование подобного плана, столь спокойно обсуждённого и объяснённого Сокольниковым и Радеком, имеет смысл для тех, кто указывает, что такой план хорошо согласуется с поведением Ленина при получении власти путём войны с Германией в 1917-м и подъемом социал-демократов в Германии "на углях войны".

Другими эта часть показаний не принимается в расчёт. При этом все согласны, что государство разоблачило заговор против текущего правительства. Процесс по своему воздей-

ствию на мои чувства был настолько же ужасен, насколько вдохновляющим было Конституционное совещание.

С момента процесса постоянно циркулируют слухи о массовых арестах интеллектуалов и политически мыслящих людей в различных частях России, которым приписывается участие в заговоре Троцкого. Вдобавок к этому, существуют нелепые слухи, что вдова Ленина, маршал Революции и действующий комиссар обороны и другие высокопоставленные лица брошены в тюрьму.

Из-за рубежа доходят слухи, что комиссар обороны Ворошилов наступает на Москву, комиссар иностранных дел Литвинов арестован и так далее, и тому подобное. Эти два последних – неправда, насколько мне известно. Остальные могут быть преувеличены.

Интересно отметить, что в первые дни Революции, по общему мнению, Ленин и другие интеллектуальные революционеры согласились между собой, что извлекут уроки Французской Революции и не допустят междоусобной борьбы внутри партии, чтобы не способствовать контрреволюции.

На деле же, сейчас остались только три первоначальных лидера большевиков: Сталин, Калинин и Ворошилов. Все остальные высланы или мертвы, многие ликвидированы или расстреляны. Несмотря на понимание опасности разрушения своих идеалов личным тщеславием, человеческая природа снова проявляет себя как и во времена Французской

Революции. Только здесь ход событий идёт медленнее.

(Примечание Мемуариста. Про всего трёх чудом не ликвидированных старых большевиков посол Дэйвис повторяет модную либеральную байку. Давайте немного позанудствуем и вспомним состав Советского правительства на 1937-й год.

Председатель Совета народных комиссаров СССР – Вячеслав Молотов, член РСДРП с 1906-го года. Возглавлял питерских большевиков и издавал "Правду" еще до приезда Ленина. Управляющий делами Совнаркома Мирошников, будущий замнаркома финансов. Член партии с 1917-года.

Нарком водного транспорта Пахомов, член партии с 1912-го года, меньшевик. Нарком Советского контроля Антипов, в партии тоже с 1912-го года. Нарком здравоохранения Каминский. Член РСДРП с 1913-го года.

Нарком земледелия Чернов, в партии с 1909 года. Нарком продовольствия Калманович, в партии с 1904-го года. Упомянувшийся уже нарком иностранных дел Литвинов – член партии с 1898-го года. Список можно продолжать.

Как-то многовато для "всего трёх выживших старых большевиков. Другое дело, что не все они переживут на своих постах 1937-й и 1938-й годы, но это другая крайне непростая и трагическая история внутрипартийной борьбы, предательства и вредительства в органах. Продолжаем.)

В дипломатическом корпусе, точно так же как среди американских журналистов главенствует мнение, что власть

правительства Сталина очень крепка и при отсутствии международной войны останется таковой на долгое время.

В заключение я хотел бы отметить, что весь этот процесс и окружающие его обстоятельства потрясают наш рассудок. Тем не менее, это наиболее мощная демонстрация благ, которые даёт настоящая конституционная защита личных свобод.

Право обвиняемых на защитника до начала процесса, право отказаться свидетельствовать против себя самого, и, превыше всего, презумпция невиновности и применение старого принципа общего права, что лучше тысяча виновных людей избегут наказания, чем один невиновный будет несправедливо осуждён – всё это получает практическое значение когда сталкиваешься с процессом наподобие этого.

Имею честь оставаться, сэр, с уважением Джозеф Дэйвис.
(Примечание Мемуариста. Честно говоря, я так до конца и не понял финальный пассаж Дэйвиса. То ли он намекает, что в США настоящая защита прав личности, а у "этих большевиков" так себе.

То ли, наоборот, удивлён присутствием традиционных принципов законности на Советском политическом суде. Напомню, когда всего через несколько лет в Штатах грянет Маккартизм и начнётся "охота на ведьм", никаких "конституционных прав" у заподозренных в симпатии к коммунизму попросту не будет.

Вот где начнутся совершенно незаконные театральные

постановки в виде судов с заранее известными приговорами. Продолжаем.)

Заступничество за Владимира Ромма.

Номер сорок семь, Москва, 12-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю касательно инцидента Ромма в ходе процесса изменника Радека.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь доложить об инциденте, произошедшем в связи с процессом изменника Радека, который должен попасть в досье департамента для документального засвидетельствования. Во время слушаний процесса Радека ко мне пришел мистер Уолтер Дюранте из Нью-Йорк Таймс и показал телеграмму, полученную от группы журналистов из Соединённых Штатов. Телеграмма гласила следующее.

(Примечание Мемуариста. В тексте Дэйвис говорит о каблограмме, то есть о телеграмме, переданной по подводному трансатлантическому кабелю. Сейчас так уже никто не говорит, поэтому пусть будет просто телеграмма.)

"Все члены газетных коллективов Вашингтона с тревогой прочли об аресте нашего коллеги из "Известий" Владимира Ромма. В наших деловых отношениях Ромм показал себя настоящим другом и защитником СССР. Ни единожды он даже слабо не проявил недостатка поддержки или нелояльности к действующему правительству.

Он делал больше любого другого Советского представителя для популяризации Сталинского режима в нашей стра-

не. Надеюсь, что письмо в его защиту может быть настойчиво представлено на свидетельство его судьям и что Вы попросите посла Дэйвиса также передать это заявление."

Я очень внимательно ознакомился с показаниями Ромма. Когда они подошли к концу, стало совершенно очевидно, что делать какие-либо официальные комментарии по этому вопросу было бы неуместно, по крайней мере, на тот момент. Правильность такого отношения была единогласно признана американскими журналистами в России.

Прилагаю копию личного и конфиденциального письма, направленного мною мистеру Артуру Кроку из Нью-Йорк Таймс с объяснением ситуации.

Приложение. Номер один, копия письма от 26-го января 1937-го, адресованного послом Дэйвисом мистеру Артуру Кроку.

Лично и конфиденциально.

Дорогой Артур!

Уолтер Дюранте показал мне телеграмму, полученную от членов ассоциации прессы при Конгрессе, касающуюся тяжёлого положения Ромма, с листом подписей, включающим и твою подпись. Разумеется, мои симпатии были на твоей стороне и я изучил его показания с глубочайшим интересом и участием.

Ромма вызвали на свидетельское место в тот самый день, когда я получил твоё сообщение. Его показания были совершенно необычны. Без побуждения обвинителя или исполь-

зования наводящих вопросов он рассказал в хронологическом порядке очень простую и ясную историю.

Он раскрыл, что являлся близким другом Радека, перенял от последнего его позицию и в подробнейших деталях описал как в нескольких случаях служил посредником между Радеком, Троцким и сыном Троцкого Седовым. Как передавал туда и обратно письма, зашитые в переплёт немецких книг.

Он заявил, что изначально являлся сторонником Троцкого и с момента обсуждений с Седовым в 1931-м или 1932-м годах стал частью троцкистской организации. Эти письма, по которым давали показания Ромм и другие обвиняемые, были основой обвинения в заговоре против них. На их основании обвинение планировало установить, что Троцкий готовил с помощью этих обвиняемых свержение текущего русского правительства путём саботажа, терроризма, убийств и распространения пораженческих настроений среди населения.

А также на основе активного участия Японии и Германии через иностранных шпионов в развязывании ранней войны против России, ведомой в основном Германией. В результате войны предполагался приход заговорщиков к власти в новой, меньшего размера Советской республике после распада Советского Союза, передачи Украины Германии, а приморских областей и Сахалинских нефтяных полей Японии.

Официальное обвинение включает многочисленные нару-

шения действующего законодательства Советского Союза и типичный контрреволюционный террористический заговор. Ромм также заявил, что использовал государственные агентства, то есть телеграфное агентство ТАСС для связи с Троцким.

Бедняга не оставил себе ни единого шанса. Он заявил, что с 1934-го года, когда он прибыл в Соединённые Штаты, он планировал всю дальнейшую совместную работу. Несмотря на несколько подавленный вид на трибуне, внешне он выглядел в порядке и, насколько я могу судить, его показания имели признаки убедительности.

В этих обстоятельствах, помочь ему на процессе сделалось совершенно невозможным.

Я с радостью сделаю всё, что могу, чтобы помочь бедному парню, особенно в виду заинтересованности твоих сотрудников дома. Но, в конце концов, он Советский гражданин, знал Советские законы и знал на что шёл. Разумеется, эта ситуация – исключительно русское дело, и любое моё вмешательство, особенно, если мою просьбу отклонят, может поставить администрацию в неловкое положение. Фактически, в этих обстоятельствах это было бы совершенно неуместно.

Сразу по завершении слушаний я пригласил наших корреспондентов, включая Дюранте, Диуэла, Наттера и Бесса в резиденцию перекусить и мы подробно обсудили ситуацию. Они пришли к единому мнению в анализе ситуации, как я писал выше.

(Примечание Мемуариста. С Роммом всё очень непросто. Сейчас есть данные, что он много лет работал на Советскую разведку. С 1922-года работал нелегалом в Париже и Берлине под руководством местных резидентов Сташевского (Верховского), Бортновского и Тылтыня.

В 1924-м году был назначен уполномоченным иностранного отдела ОГПУ – то есть внешней разведки. Далее официально работал корреспондентом в Токио, Женеве, Париже. С 1934-го года работал спецкором в Вашингтоне. Сколько хозяев было у этого агента – сегодня судить сложно. Мы не можем полностью исключить и судебную ошибку. Продолжаем.)

Среди корреспондентов наиболее распространённым мнением было, что, независимо от мотивов, которые могли повлечь эти необычные массовые признания, вообще говоря, обвиняемые говорят правду, хотя бы частично. И что обвинение завело обоснованное дело о существовании широко распространённого заговора Троцкого с целью уничтожения действующего правительства.

Опять повторяется Французская Революция. Лично я с большим интересом следил за этим судебным процессом и не пропустил ни одного заседания.

Если требуется какая-либо демонстрация мудрости и желательности принципов англо-саксонского права для защиты обвиняемых на основе презумпции невиновности, права на защитника, права на отказ свидетельствовать против се-

бя, приказа о доставке в суд и прочности англо-саксонского права от Великой хартии вольностей до Билля о правах, она может быть обнаружена в этих слушаниях.

Даже подобные процессы иногда могут установить правду, равно как дьявол не врёт Христу, когда говорит: «Знаю кто ты, святой сын Божий!», но Бог оберегает личную свободу и права независимо от того установлены ли они законом.

(Примечание Мемуариста. Дэйвис хочет сказать своему другу большие, чем пишет. Закон Божий в США преподавался повсеместно и существовала распространённая традиция передачи как бы намёков в виде ссылок на стихи Евангелия. Например, на бомбардировщике было написано «Павел двенадцать девятнадцать» и всем сразу понятно – это отсылка к стиху «мне отмщение и аз воздам».)

Со словами, приведёнными Дэйвисом, та же история. Это первая глава Евангелия от Марка. Иисус проповедует в синагоге и один из прихожан начинает вопить, что тот пришёл всех погубить. Тогда оказывается, что прихожанин одержим злым духом, которого Иисус успешно изгоняет.

Намёк посла прозрачен – Россия это такой же прихожанин, одержимый, очевидно, злым Сталиным. А Штаты должны этого злого духа изгнать. Выдумщики американские. Продолжаем.)

Пишу тебе это лично и вне официального дипломатического протокола. Искренне твой.

В письме моему другу Артуру Кроку я не сказал, что со-

бираюсь поднять этот вопрос с Советским правительством неофициально, потому что не был до конца уверен в уместности этого. Хендерсон, как и всегда, оказался полезен. Мы обсудили вопрос с ним и он склонялся к мысли, что дипломатической неуместности в моём личном ходатайстве перед властями не должно возникнуть, если я очень чётко укажу, что это не входит в мои официальные дипломатические полномочия.

В соответствии с договорённостями, я посетил президента Калинина, премьера Молотова и министра иностранных дел Литвинова. «Очевидно», – сказал я, – «целью дипломатического представительства в США и Москве является развитие дружеских отношений и улучшение понимания». Поэтому, я взял на себя смелость лично и весьма неофициально обратить внимание на желательность серьёзного рассмотрения дела Ромма.

Я обрисовал, по возможности, высокую репутацию, положение и место в обществе американских журналистов и, что даже если это не поможет, то возымеет благоприятный эффект на общественное мнение Соединённых Штатов, если бы Советское правительство могло высказать свои соображения касательно преданности Рома своему правительству и его поведения в этой связи в Вашингтоне.

Было бы правильно, чтобы свидетельства подобного рода рассматривались в связи с вопросом виновности Ромма. Моё предложение было воспринято учтиво. Молотов заявил,

что высоко ценит мои добрые намерения и приветствует мои предложения.

С другой стороны он сказал, что к сожалению, джентльмены из прессы в Вашингтоне не владеют всеми известными ему фактами. Поэтому он надеется, что они придержат свои оценки пока не будут раскрыты все факты. Его правительство не может никого заключить под стражу пока не будут подробно исследованы все обстоятельства.

Если, тем не менее, останется место для сомнений, они серьёзно примут во внимание заявления американских журналистов из Вашингтона. Я ушёл с ощущением, что если что-то можно будет сделать, это будет сделано. Бедняга Ромм, конечно, не оставил себе ни единого шанса после своих признательных показаний на открытом процессе.

Во всяком случае, его больше не вызывали на открытый процесс и меня проинформировали, что он был направлен на работу внутри страны. Посол Уманский, когда я позднее беседовал с ним об этом деле, сообщил, что это благодаря американским журналистам, которые спасли его, так как «отчёты о деяниях Ромма выглядели очень плохо».

(Примечание Мемуариста. Посла Дэйвиса не стали расстреливать, но американские журналисты помогли не очень. Владимир Ромм был расстрелян 8-го марта 1937-го года. Важная история – в список обвиняемых по процессу Радека он не попал.

Осуждён был позднее, закрытым заседанием Военной

коллегии Верховного суда СССР. Скорее всего, это говорит о том, что расстреляли его не за связи с Троцким, а за чисто шпионские дела.

Судя по всему, были данные о его работе не только на Советскую разведку, но и на чужие спецслужбы. Случай, увы, нередкий. Как бы то ни было, пока не раскроют архивы, правды мы не узнаем. Был ли Ромм честным разведчиком или предателем, кто знает. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 30-е января 1937-го.

Час дня, принимал визит посла.

(Примечание Мемуариста. Опять фамилия и страна посла вымарана Дэйвисом из соображений секретности. Чем дальше перевожу, тем сильнее кажется почему-то, что посол этот из Германии. Уж больно хорошо ложатся его мнения в колею современных либеральных антисоветских баек. Продолжаем.)

Он крайне ожесточён против Советского режима. Что касается процесса Радека, который на этой неделе стал для дипломатического корпуса сенсацией, он считает это сфабрикованным делом и внутренней борьбой между старыми большевиками.

Он считает, что все эти признания выбиты разнообразными угрозами и силовыми полицейскими методами. Он рассказал мне весьма необычную историю, которую только что сам услышал.

Некий польский гражданин был арестован на Украине

по обвинению в шпионаже. Насколько он понял, польскому посольству не удалось добиться его освобождения, поэтому польское правительство взамен арестовало двух видных коммунистов в Польше. Это привело к обмену заключёнными на границе. Поляк казался очень больным и был взят под наблюдение польских врачей, а затем госпитализирован.

Они пришли к заключению, что больной был одурманен без его согласия путём введения атропина или какого-то другого наркотика в пищу с целью ослабить его волю. По его мнению это было одной из причин этих признаний на процессе.

Он также предположил, что причиной признания Ромма был вынужденное возвращение его жены и ребёнка в Россию и что Ромм понёс наказание из-за страха, что им причинят вред. Он сказал, что с его стороны это чистая догадка, не подкреплённая доказательствами.

Это было первым конкретным утверждением, что я услышал в связи с общими слухами об использовании наркотиков и это тоже оказалось слухами, да притом из предвзятого источника.

(Примечание Мемуариста. Если сегодня включить некоторые либеральные радиостанции – услышим там слово в слово доводы этого самого неназываемого посла. Процесс – театральная постановка, подсудимые одурманены наркотиками, семьи в заложниках и т.п. Восемьдесят лет прошло, а методички доктора Геббельса работают на непод-

готовленные умы всё так же хорошо. Продолжаем.)

Комментарий Дэйвиса.

В последующей беседе об этом "атропиновом" докладе другой дипломат из соседней страны сказал, что он не принимал бы эту историю в расчёт из-за предубеждённости и враждебности рассказчика. Он ссылаясь на Брюса Локкарта и его описание в мемуарах "Британский агент" как обращались с ним в ГПУ, когда его арестовали по подозрению в участии в неудачном покушении на Ленина. Он также цитировал сделанные обвиняемыми на процессе заявления о неприменении к ним насильственных мер третьей степени. Значение этим заявлениям можно придавать разное, тем не менее, они были сделаны.

(Примечание Мемуариста. Не сразу понял, что посол Дэйвис очень странно передал название главного политического управления ГПУ. У него в тексте это звучит как Гей-Пэй-Оу. Платите, в общем, эти самые, которые не совсем парни, оу. Непонятно, то ли это неудачная транскрипция, то ли посол так странно шутит. Продолжаем.)

Советское правительство опубликовало английские переводы слушаний на этих двух процессах чисток, которые я посетил. С согласия внешнеполитического ведомства мне удалось добыть пятьдесят или шестьдесят копий каждого, которые я разослал различным друзьям в Соединённых Штатах.

Читателю может быть любопытно узнать, что два наиболее выдающихся юриста, один – заместитель министра юсти-

ции при администрации президента Вильсона, почтенный Чарльз Уоррен, автор действующей книги стандартов для Верховного суда Соединённых Штатов и другой, почтенный Сет Ричардсон, заместитель министра юстиции при администрации Гувера, сказали мне, что с интересом внимательно прочитали протоколы слушаний. Оба пришли к заключению, что по их мнению, из представленных доказательств невозможно вынести никакого другого приговора, кроме как о виновности обвиняемых.

Еще один комментарий Дэйвиса.

В деле Бухарина годом позже одной из самых необычных особенностей процесса стало финальное заявление – "последнее слово" Бухарина. Он обсуждал признания. Он прочёл книгу Фейхтвангера о последнем процессе, которую нашёл в тюремной библиотеке, и пункт за пунктом рассмотрел выдвинутые в ней разнообразные объяснения или теории. После чего заявил, что все они "ошибочны". Теория о наркотиках тоже была в их числе.

(Примечание Мемуариста. Речь, очевидно, идёт об известной книге Лиона Фейхтвангера "Москва. 1937". Немецкий писатель как и посол Дэйвис лично присутствовал на процессе параллельного троцкистского центра и оставил достаточно схожие записи. У него тоже почему-то сложилось впечатление, что заговор имел место и судили подлинных преступников, а не просто личных врагов Сталина. Продолжаем.)

Продолжение дневника от 30-го января 1937-го.

На Красной площади проводилось народное празднование вынесенных военным судом приговоров. Этим вечером на площади открывался крайне необычный вид. Толпы марширующих с энтузиазмом мужчин и женщин выражали удовлетворение от того, что "изменники разоблачены и наказаны".

(Примечание Мемуариста. Позволю себе немного поправить посла Дэйвиса. народ праздновал всё-таки не приговоры. Праздновали разоблачение гибельного для страны и народа заговора.

Праздновали то, что врагам не удалось устроить войну, привести к распаду Советского Союза, оторвать от России Украину и всё то, что так хотели сделать заговорщики, если верить их показаниям.

Сегодня может и хотелось что-нибудь такое отпраздновать, но где тот Союз и та Украина? А ведь обошлись без всяких заговорщиков. Продолжаем.)

Сенатору Джеймсу Бирнсу, Москва, 18-е февраля 1937-го.

Дорогой Джим.

В процессе изменника Радека главным пороком процедуры, с нашей точки зрения, являлось подчинённое положение прав личности интересам государства. В этих судебных процедурах, как и в ряде других европейских стран, предполагается, что после того, как будут представлены убедитель-

ные доказательства, государством налагается на обвиняемого обязанность давать показания.

Такие гарантии общего права, защищающие личную свободу человека от возможного угнетения правительством, как: право обвиняемого на совет защитника после ареста, право отказаться свидетельствовать против себя самого, право на доставление в суд, право требовать, что государство должно доказывать виновность, вместо требования обвиняемого доказывать свою невиновность, – никогда все эти гарантии не впечатляли меня своим благом для общественных интересов настолько, как впечатлили на этом процессе.

Все эти обвиняемые содержались в одиночном заключении неделями и месяцами. Один за другим они поднимались и рассказывали свои истории совершенно бесстрашно и в самых подробных деталях, нагромождая одно обвинение себя самих на другое. Главенствующее мнение таково, что объективно глядя в лицо услышанному, правительство доказало свою правоту по меньшей мере в том, что разоблачило заговор против текущего правительства.

Нейман о германской агрессии.

Достопочтенному государственному секретарю.

Меморандум об обсуждении, имевшем место первого февраля 1937-го года между послом Дэйвисом и мистером Нейманом из народного комиссариата иностранных дел.

Секретно.

В полдень первого февраля 1937-го в компании мистера

Хендерсона, первого секретаря, я нанёс визит мистеру Нейману, главе третьего западного политического департамента народного комиссариата иностранных дел. По ходу этой беседы я по существу сказал ему следующее.

Я сильно впечатлён увиденным в Советском Союзе. Совершенно удивительно видеть попытки Советского Союза провести за пять или шесть лет индустриализацию, которая потребовала в Соединённых Штатах нескольких поколений.

Я особенно заинтересован Вашими производственными вопросами и надеюсь, если это будет возможно, в самом ближайшем будущем совершить путешествие по промышленным регионам и посмотреть фактически, что именно происходит. Я хотел бы изучить из первых рук в точности что сделано уже, что Вы делаете сейчас и что еще остаётся доделать.

Особенно сильно я хотел бы понять условия развития Вашей металлургической промышленности. Много лет назад я сделал исследование американской металлургической промышленности и объединил мои изыскания в двухтомном труде, который всё еще расценивается как авторитетная работа по этому вопросу.

Естественно, я заинтересован в развитии американо-советских коммерческих отношений, но я также искренне симпатизирую усилиям Вашего правительства провести индустриализацию и улучшить условия жизни всего населения.

Могу добавить, что я не дипломат. Я юрист с экономическими знаниями и бизнесмен и говорю в большей степени

как деловой человек, а не как дипломат. Фактически, Соединённые Штаты географически расположены настолько удачно, что можно сказать, – у нас нет большой нужды в дипломатии в международных делах, в той степени как это обычно понимается в Европе. Наше главное желание – жить в мире с другими странами и поддерживать мир во всём мире.

Я предложил в ближайшем будущем посетить Ленинград, а также некоторое число индустриальных районов Украины. Я уже обсуждаю вопрос получения железнодорожных билетов и народный комиссариат путей сообщений был очень добр помочь мне в этом.

Мистер Нейман ответил, что Советскому правительству отраднo узнать, что я планирую приложить старания и получить информацию о происходящем в стране из первых рук. Он заверил меня, что Советские власти сделают всё возможное, чтобы содействовать мне в этом. Он сказал, что обсудит этот вопрос с соответствующими комиссариатами и будет готов предложить названия конкретных фабрик, которые могут оказаться мне интересны.

Он сказал, что знает, что я присутствовал на процессе и поинтересовался каковы мои впечатления. Я ответил, что процесс был особенно интересен мне, так как я некоторое время выступал уголовным адвокатом в Соединённых Штатах и процесс дал мне возможность сравнить Советские юридические процедуры с аналогичными процедурами Соединённых Штатах. Я сказал, что базируясь на моем личном

опыте адвоката и рассматривая вопрос объективно, считаю, что в рамках их законодательства и судебной системы правительство очевидно доказало свою правоту.

При этом, тем не менее, были некоторые психологические и другие факторы, связанные со слушаниями, которые я не вполне могу оценить, так как они лежат вне моего предыдущего опыта.

Мистер Нейман отметил, что для него интересной чертой процесса явилось то, как он безжалостно раскрыл планы Германии. Он сказал, что был недавно информирован из заслуживающих доверия источников, что нацисты классифицировали войны, в которых может участвовать Германия, на две категории. А именно: полностью зарубежные и частично зарубежные.

Нацистские лидеры и германские военные власти придерживаются мнения, как он знает, что Германия не успевает подготовиться до 1938-го года для участия в большой полностью зарубежной войне. То есть войне, в которой стремительная атака снаружи не сопровождается восстанием внутри. Но что она может без большого риска участвовать в частично зарубежной войне, то есть войне, в которой нападение извне будет сопровождаться гражданской войной изнутри.

Испания и Чехословакия уже определены как страны, в которых может вестись частично зарубежная война, и судебный процесс разоблачил устремления Германии с помощью

Троцкого настолько разрушить Советское единство, чтобы поместить Советский Союз в ту же категорию.

Мистер Нейман заявил мне позднее, что некоторые члены промышленных и хозяйственных подразделений Советского правительства в курсе моих отчётов в качестве уполномоченного по корпорациям и председателя федеральной торговой комиссии и эти отчёты известны с лучшей стороны. Я ответил, что мне доставит удовольствие направить им для использования подборку отчётов, подходящих к их промышленности и проблемам.

Комментарий Дэйвиса.

Через несколько недель я снабдил их полным набором моих отчётов в качестве уполномоченного по корпорациям и как председателя федеральной торговой комиссии по стали, лесу, углю, сельскохозяйственной технике и т.п.

Дневник, Москва, 2-е февраля 1937-го.

Полдень. Встречались с посланником. Он был в США и Вашингтоне несколько раз. Мнение по процессу – виновны. Обсуждали Коминтерн.

(Примечание Мемуариста. Опять фамилия посланника вымарана Дэйвисом из дневника.)

Четыре часа дня. Приходил Дженкинс, американский инженер. Он строит листопрокатный стан на Донбассе. Дал интересное описание промышленности этого региона и плотины Купера, уступающей только плотине Боулдера. Описал алюминиевый комбинат, листопрокатную фабрику и т.п. У

него высокое мнение об умственных способностях русских инженеров.

(Примечание Мемуариста. Плотина Боулдера, на самом деле, – это Дамба Гувера. Одна из крупнейших плотин с гидроэлектростанцией в США. Высота плотины более двухсот метров.

Забавно, что до 1932-го года плотина называлась Дамбой Гувера. Но как только Президент Гувер проиграл выборы Рузвельту, она превратилась в плотину Боулдера.

Дэйвис, как последовательный сторонник Рузвельта, называет её только так. Занятно, что через два года после ухода Рузвельта дамба опять обрела имя Гувера. А нам говорят, что это большевики любили города переименовывать.

С плотинной Купера еще любопытнее. На самом деле имеется в виду легендарная ДнепроГЭС. Действительно, при её сооружении привлекали в качестве консультанта известного американского строителя плотин Хью Купера.

Про этом главным проектировщиком плотины и станции был Советский инженер и академик Иван Александров. Впрочем, за помощь в работе мистер Купер таки получил свой Орден Трудового Красного Знамени. Продолжаем.)

Пять пятнадцать вечера. Внешнеполитическое ведомство пригласило нас на просмотр Советских кинофильмов. Смотрели хронику нашего прибытия и встречи с Калининным в качестве "короткого" ролика и основной фильм – драму о

Революции.

Французский оборонный бюджет.

Журнал, Москва, 3-е февраля 1937-го.

Французское казначейство одобрило расходы на национальную оборону в четырнадцать миллиардов франков (примерно семьсот миллионов долларов) на следующие три года.

Насколько разительный контраст с Советами! Франция одобрила около двухсот пятидесяти миллионов долларов в год на 1938-й, 1939-й и 1940-й. Россия планирует потратить только в 1938-м году в золотом пересчёте в десять раз больше.

Дневник, Москва, 3-е февраля 1937-го.

Полдень. Встречались с посланником. При обсуждении процесса конфиденциально проинформировал, что, по его мнению, обвиняемые были виновны.

(Примечание Мемуариста. Опять безымянный посланник из дневника. По всей видимости, уже другой. Не вполне понятно, посол Дэйвис встречается с крупными дипломатами других стран или это к нему наши наркомы в посольство бегают.)

Опять же, вне контекста непонятна должность. Британское слово "министр" может означать как настоящего министра, так и дипломатического советника или чиновника высокого ранга. Продолжаем.)

Пять тридцать вечера. Приехал германский посол, граф фон дер Шуленбург. Он очень жизнерадостен и привлекате-

лен на свой германский манер. Обсуждали процесс и тяжелое положение немецких заключенных под арестом, к которым не допускаются германские дипломатические представители.

Он сказал, что сорок или пятьдесят немцев находятся под арестом или постоянно содержатся в заключении, троих новых арестовали только вчера. Это его занимает! Он саркастически смеялся при ссылках на процессе на предполагаемые действия Германии.

Литвинов предостерегает против Гитлера.

Номер тридцать три, Москва, 6-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Конференция с народным комиссаром иностранных дел Литвиновым в три пополудни 4-го февраля 1937-го.

Сэр, имею честь доложить, что встречался с народным комиссаром иностранных дел, мистером Максимом Литвиновым 4-го февраля 1937-го.

Я начал обсуждение с объявления мистеру Литвинову, что я привёз приветствия президента Соединённых Штатов и государственного секретаря, мистера Халла, ему, как главе внешнеполитического ведомства и правительству, которое он представляет.

На это мистер Литвинов ответил, что у него в памяти осталось неизгладимое впечатление о президенте Рузвельте, он считает его "великим человеком" и привержен тем же идеалам в двух отношениях, которые преследует и Советское

правительство. А именно: облегчение страданий народных масс путём гуманитарных усилий и его заступничество за мир во всём мире.

Он также добавил, что восхищен государственным секретарём мистером Халлом, особенно, говоря о его южно-американской дипломатии. Моим ответом было, что по моему мнению, он толкует отношение президента к этим двум вопросам корректно и это представляет отношение всего американского народа в общем.

С той оговоркой, что многие люди, такие как я, несмотря на глубокую симпатию к правительственным целям облегчения жизни и возвышения масс, могут сомневаться в мудрости некоторых из применяемых методов и верят, что эволюция лучше революции. Опасаются, что побуждаемые благими намерениями усилия произвести это ускоренно, вместо поступательного развития, могут нанести вред делу человеческого счастья.

Я воспользовался случаем, чтобы заявить мистеру Литвинову, что он может без всяких оговорок положиться на мои личные симпатии целям и усилиям, предпринимаемым его правительством в попытках добиться для Советского народа лучших стандартов жизни и большей свободы. Он и его правительство могут быть вполне заверены, насколько будет касаться моего личного отношения, оно будет объективно направлено на честное и беспристрастное изложение фактов, условий, тенденций и сил так, как я нахожу их.

А также, что у нас отсутствуют дипломатические проблемы в европейском смысле, благодаря нашему удачному географическому положению и мы не собираемся точить томагавки.

Вслед за этим мистер Литвинов предположил, что мы заинтересованы в международной торговле. На это я ответил, что, будучи на государственной службе, я провёл экспертное изучение американской внешней торговли за шесть лет и, по моему мнению, величайшим иностранным рынком в мире были сами Соединённые Штаты.

Международная торговля важна для нас, в основном, как резервы для выравнивания наших собственных деловых условий и мы весьма независимы от нее, как от насущного фактора нашей национальной политики.

С другой стороны, мы, разумеется, заинтересованы в развитии международной торговли, но она не слишком жизненно важна или заслуживает столь же серьёзного обсуждения, как у не столь щедро одаренных народов. Мистер Литвинов предположил, что несмотря ни на что Америка не настолько хорошо изолирована от мировых проблем и мировая обстановка всё сильнее вторгается в нашу изоляцию.

Также он заявил, что у нас могут возникнуть проблемы с Японией. Что, судя по развитию событий, даже в Америке мы не можем чувствовать себя полностью защищенными в уверенности, будто мы полностью изолированы от мировых событий. На это я ответил, что нам повезло в том, что и Япо-

ния, и все наши соседи знают, что мы не претендуем ни на что из того, чем они обладают, и что Тихий океан, Скалистые горы и наши силы таковы, что мы можем быть уверены в сохранении дружественных отношений.

Благодаря продвижению в южной Америке, демократическая идея твёрдо установилась в этом полушарии и существует глубокое понимание между президентом, секретарём Халлом и основными правительствами западного полушария по сохранению наших общих интересов на основе мира. Одним из величайших достижений секретаря Халла является, возможно, наиболее тесное сотрудничество и взаимное доверие между народами обеих Америк, чем когда либо.

Я спросил мистера Литвинова о его оценке европейской ситуации и есть ли признаки снижения напряжения. Он ответил: «к сожалению, нет» и энергично выразил непонимание почему Англия и Франция «постоянно носятся» с Гитлером в Германии.

Он не может понять почему они должны выпускать ноты и запросы, постоянно подстёгивать германскую ситуацию, таким образом подчёркивать значение Гитлера, «подкармливать его тщеславие» и самомнение, что он (Гитлер) самая главная фигура в Европе. Он считает, нужно позволить Гитлеру «вариться в собственном соку».

Политика Гитлера остаётся неизменной с момента публикации книги «Моя борьба». Гитлер одержим жадной завоеваний и господства в Европе. Литвинов не в состоянии по-

нять почему Великобритания не видит, как только Гитлер захватит Европу, он также проглотит и Британские острова.

Казалось, он сильно взволнован этим и испытывает тревогу как бы разногласия между Англией, Францией и Германией не пришли к компромиссу. Я не делал никаких заявлений касательно желательности урегулирования германской проблемы для сохранения мира в Европе, потому как хотел получить его полное видение, без влияния моих собственных оценок.

В завершение беседы я поблагодарил мистера Литвинова за обходительность, с которой нас встретило внешнеполитическое ведомство и которую продолжает уделять нам до настоящего времени. Он сказал, что очень рад отметить, что мы приняли его старания и выразил сожаление, что не мог лично приветствовать нас по прибытии, так как находился в тот момент в Женеве.

Также он сказал, что перед отъездом дал чёткие распоряжения уделить нам всё возможное внимание, потому что и он и его коллеги в правительстве, со ссылкой на мою профессиональную карьеру, очень рады назначению на этот пост человека моего типа. Это даёт им уверенность в объективности и справедливости моих отчётов о том, к чему они стремятся и что уже сделано.

Я также поблагодарил его за заботу, проявляемую к сотрудникам посольства до моего приезда. Придерживаясь определённой до беседы политики, я не затрагивал спорных

вопросов. Также поступил и он.

Имею честь оставаться, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Дневник, Москва, 5-е февраля 1937-го.

Потратил утро на диктовку донесений. Полдень, визит посланника. Он сказал, что у процесса было три цели: для внутреннего потребления, для внешнего потребления и страх войны для укрепления позиций правительства Советского Союза.

Он рассказал забавную историю про Гитлера и его войска, расположенные поблизости от психиатрической лечебницы. К постовому пристал сумасшедший и сказал: «Этот человек – не настоящий Гитлер. Фюрер – это я!». Посланник подумал, что, возможно, сумасшедший был прав.

(Примечание Мемуариста. Опять секретный визит человека без фамилии.)

Первые обсуждения по урегулированию русского долгового вопроса.

Номер 68, Москва, 18-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Американо-Советские отношения. Неофициальное обсуждение долгового и кредитного вопросов.

Совершенно секретно.

Народный комиссар внешней торговли Розенгольц пригласил нас на обед в свой загородный дом (дачу) пятого февраля. К нашему удивлению, мы встретили там Ворошилова, народного комиссара обороны, Микояна, народного комис-

сара пищевой промышленности, Вышинского, обвинителя, который вёл процесс Радека и Розова, нового главу Амторга в Нью-Йорке.

За кофе и сигарами после ланча Розенгольц явно повернул беседу от торговых вопросов к ситуации с долгом. Розенгольц заявил, что спорные вопросы могут быть урегулированы при практическом подходе. Их правительство не видит моральных обязательств платить по долгам Керенского, но даже в этом случае он надеется, что вопрос может быть урегулирован.

Проблема долгов перед другими странами ставит его правительство в неудобное положение. С Великобританией и Францией они согласовали временное соглашение рассматривать долговую и кредитную историю отдельно. Он сказал, что спорные вопросы между нашими странами могут продвигаться к разрешению подобным же подходом и спросил нет ли у меня идей как нам подойти к этому вопросу.

Я ответил, что у меня нет точных указаний моего правительства начать обсуждения долгового вопроса или предложить какой-либо план. Он сказал, что полагает, вопрос может быть скорее проработан путём переговоров частным порядком Розовым, как главой Амторга, чем решён через министерства иностранных дел.

На это я ответил, что не могу говорить за моё правительство, но обсужу это с государственным секретарём и, разумеется, хотел бы узнать больше об конкретных планах уре-

гулирования этого вопроса путём частных переговоров. Он сказал, что полагает целесообразным, чтобы Розов изучил ситуацию и где-нибудь в июле вернулся к вопросу уже с возможными предложениями. Я сказал, что лично я не вижу никакого вреда в таких изысканиях Розова, если таково желание его руководства.

Розенгольц настаивал на позиции, принятой Англией и Францией, по рассмотрению своих внутренних сложностей и отделении долгового вопроса от ситуации с кредитованием. На это я ответил, что по образованию не дипломат и не вполне уверен, но моей первой обязанностью является обсудить долговую проблему с мистером Литвиновым и наркоматом иностранных дел когда он сочтёт удобным обговорить это со мной.

Но поскольку, они облечённые ответственностью члены Совета народных комиссаров и заинтересованы в разрешении проблемы, то я готов говорить с ними вполне откровенно, особенно в виду того, что они сами начали этот разговор.

Затем я заявил, что вполне понимаю трудности, столкнувшиеся друг с другом государственных деятелей обеих стран, по причине особых условий, которые налагаются силами, независимыми от того, что может требовать простой здравый смысл. А именно, с одной стороны, возможно, требования Акта Джонсона в Соединённых Штатах, которые я детально объяснил и затруднения, которые Россия может испытывать по причине наличия договорных обязательств вести себя по

отношению ко всем своим кредиторам точно так же, как Россия поведёт себя по отношению к Соединённым Штатам.

(Примечание Мемуариста. Акт Джонсона, он же Акт об иностранных ценных бумагах был принят в 1934-м году. Смысл очень простой и на первый взгляд логичный. Закон запрещает США покупать иностранные бумаги, по сути давать другой стране в долг, если она не платит по другим своим долгам перед США.

Хитрость, как обычно, в деталях. Акт принимался по итогам Бреттон-Вудского соглашения и был направлен, в первую очередь, против Советского Союза. Всем было понятно, что Советский Союз не может нести ответственности за сотни миллионов, что назанимал по всему миру царь.

Приняв такой акт, власти США по сути ввели санкции против СССР – никаких кредитов, в том числе и торговых, пока не признаете и не вернёте царские долги. Что характерно, Акт Джонсона не отменён до сих пор. Продолжаем.)

Говоря от себя лично, по моему мнению, долговые обязательства по отношению к нам имеют особую важность для СССР в силу особых обстоятельств. В этой ситуации существует крайне важное различие между их отношением к Англии и Франции и их отношением к Соединённым Штатам.

Их обязательство вести себя со всеми нациями-кредиторами одинаково – противостоит им. Сложности в связи с этим были хорошо известны им еще до момента заключения

соглашения с Литвиновым.

Необратимый факт состоит в том, что президент Соединённых Штатов великодушно предложил план, крайне ценный для Советского правительства в то время. Соглашение между джентльменами было заключено с полным пониманием фактов и условий там, где не могло быть недопонимания о том, что подразумевается под этим джентльменским соглашением в принципе.

Я внимательно изучил меморандум джентльменского соглашения и он предусматривает, что ссуда могла быть выдана как национальным правительством, так и его соотечественниками. Основной долг, который может достигать двухсот миллионов долларов или более, был для нашей национальной экономики относительно, но "мушиной какашкой" на огромной стене и значил для нас не более, чем дело принципа.

При этом для них являлось серьезным делом сохранить доверие нашего правительства при выполнении этого соглашения. У нас нет агрессивных милитаристских соседей, угрожающих нашему миру. У нас есть огромный корпус гуманитарной демократической мысли, оказывающей сильное влияние на мировое мнение среди либерально-настроенных людей повсюду, что может оказаться неоценимо важно для России когда-нибудь в будущем.

Говоря как друг гуманитарных побуждений и целей русских людей, лично я чувствую себя обязанным сказать, что

будет очень жалко, если Советское правительство позволит затуманить доверие, которое могло бы иметь моё правительство к честности и характеру ведущих здесь дела людей.

По моему мнению, это особенно верно оттого, что среди великих наций Земли нет руководителей, рассматривающих с настолько большой симпатией фундаментальные гуманитарные цели русских людей, насколько это делают президент Рузвельт и госсекретарь Халл. Будет очень плохо, если Советское правительство допустит условия, которые подорвут или уничтожат доверие в честность русского руководства. Финансовые кредиты и деловые соображения по своей значимости абсолютно тускнеют по контрасту с этим затронутым делом принципа.

(Примечание Мемуариста. Подумать только, вся эта высокая патетика о мире во всём мире, гуманитарных принципах и всяком таком затеяна ровно с одной целью. Выцарапать у СССР какие-то двести миллионов старых царских долгов.

Ещё и показать нос Британии и Франции, долги перед которыми у царя были намного больше, чем перед США. На словах "мушиные какашки" и только "дело принципа", а на деле – гоните звонкую монету, да поскорее. Продолжаем.)

На это Ворошилов ответил, что обсуждаемая финансовая величина относительно мала и вопрос должен быть урегулирован целиком на общих принципах, нужно только найти способ. Он высоко оценивает величие президента Соединён-

ных Штатов и в сказанном мною было много убедительного.

Затем он заявил, что хотя он дружил с послом Буллиттом, он уверен, многие трудности были созданы этим послом. На это я немедленно ответил, в совершенно точных выражениях, что восхищаюсь послом Буллиттом, знал его как сильного, откровенного человека, кто действовал прямо с уверенностью, что данные обязательства будут выполнены в том же духе, в котором заключались. А также, что важнее факт продолжающегося наличия этих условий, а не причины их возникновения.

Розенгольц также сообщил, что у них есть информация о наличии в конкретных подразделениях государственного департамента серьезной оппозиции по вопросу выработки какого бы то ни было соглашения с Россией и спросил действительно ли это так.

Я ответил, что не верю в правдивость этого, и не нахожу это действительным фактом. Возможно, подобное может оказаться правдой "где-то внизу", так же как может оказаться правдой, что "где-то внизу" в наркомате иностранных дел России могут быть резко враждебные к американскому правительству люди, рассматривающие нас как представителей ненавистного капиталистического общественного порядка.

Но мне неизвестно о подобном отношении. Также, я уверен, что подобное не соответствует действительности по отношению к моему президенту, государственному секретарю, судье Муру, другим ответственным лицам в департаменте

или ко мне самому.

В заключение я очень ясно обозначил, что у меня нет особых инструкций прорабатывать долговой вопрос. Отношение моего правительства таково, что этот вопрос находится на стороне Советского правительства, ввиду взятых на себя обязательств. Мяч на их стороне.

(Примечание Мемуариста. Вместо "мяч на их стороне" Дэйвис употребляет довольно редкую идиому о том, что проблема находится у них на коленях. То есть её, как маленького ребенка, нужно вынянчить и вырастить. Продолжаем.)

Моё отношение к ним исключительно дружеское, я всегда к их услугам, если они считают нужным поднять этот вопрос. Я обсужу с департаментом планы мистера Розова и буду ожидать их дальнейших пожеланий по ситуации.

Ворошилов, Розенгольц и Вышинский заявили, что высоко ценят мою откровенность, весьма рады, что мой прошлый опыт и, как они убеждены, мой объективный взгляд на ситуацию, характеризуют американское дипломатическое представительство здесь. Во всяком случае, они надеются, моё пребывание в России окажется приятным. На это я заверил их, что всё именно так и обстоит.

В сухом остатке получается, что эти руководители правительства знакомы с фактами из первых рук. Наша позиция состоит в том, что значимое соглашение было заключено при полном знании всех фактов, еще до его заключения. Это со-

глашение ими не выполняется.

Дело это сравнительно малой важности для нас и может иметь жизненно важные последствия для них в будущем. Это их проблема и следующий ход на их стороне. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

**Официальный обед на даче Розенгольца.
10-е февраля 1937-го.**

Достопочтенному Стивену Эрли.

Дорогой, Стив. События здесь развиваются в стремительном темпе. Я здесь примерно две недели, а событий набежало уже столько, что кажется – будто два месяца.

Данный комиссаром внешней торговли обед был необычен и интересен. Ясным холодным днём мы проехали по заснеженным окрестностям примерно тридцать пять миль дорогой Сталина, широкой асфальтовой магистралью, вероятно около ста пятидесяти футов шириной. Это часть новой военной трассы.

На другом конце этих миль оказался лес белых берёз с одной стороны и зелёных елей с другой, оба очищенные от подлеска. Это был район загородных дач, с заборами около десяти футов высотой, обычно выкрашенными в зелёный цвет. Все выглядели заботливо ухоженными.

Извилистый подъезд от дороги к даче был весьма живописен. Дом, большой и удобный, возвышался посреди красивейшего вида запорошенного снегом пейзажа. Он был неплохо и приятно обставлен в довольно тяжеловесном со-

временном германском стиле.

На пути домой мы проезжали дачу Сталина. Она также была окружена высоким крашеным забором с несколькими солдатами рядом. К нему почти невозможно прорваться, но думаю, я увижу его прежде, чем уеду.

Эти комиссары, конечно, ведут себя достойно. Живут они или в Кремле, окружённом стеной городе внутри города, с красивыми старинными дворцами старого двора и церквями, или в загородных домах. Или там и там.

Ворошилов произвел на меня чрезвычайно сильное впечатление, впрочем как и все они. Ворошилову пятьдесят четыре, а выглядит примерно на тридцать шесть.

(Примечание Мемуариста. На самом деле, Ворошилову зимой 1937-го стукнуло не пятьдесят четыре, а уже пятьдесят шесть.)

Он не высок, но держится с большим достоинством и крайне эффектной военной выправкой. Более того, я думаю, он человек большой интеллектуальной силы, способный выхватывать из ситуации главное, выметая наружу всё несущественное.

Генеральный прокурор – человек примерно шестидесяти лет и во многом напоминает Гомера Каммингса. Спокойный, бесстрастный интеллектуал, способный и мудрый. Процесс над изменниками он вёл в манере, сыскавшей моё уважение и восхищение как адвоката.

(Примечание Мемуариста. А вот с Андреем Януарьевичем)

чем Вышинским история обратная. Дэйвис ему набавил на взгляд целых семь лет. В декабре Вышинскому исполнилось всего пятьдесят три. Непростая была жизнь и работа у главного обвинителя СССР. Продолжаем.)

Микоян, комиссар пищевой промышленности, – характерный южнорусский тип, грузин. Смуглый, выдающийся нос, высокие скулы, волевой подбородок и стремителен как рапира.

(Примечание Мемуариста. У посла Дэйвиса в некоторых вопросах в голове форменная каша. Анастас Иванович сильно бы удивился, что его, природного армянина и по рождению, и по фамилии, посол почему-то считает грузином.

Еще сильнее удивились бы грузины, если б узнали, что представляют собой "южных русских". Впрочем, "я не грузин, я – русский грузинского происхождения", сказано по делу, хоть и совсем другим товарищем. Продолжаем.)

Розенгольцу около пятидесяти, темный, совершенно не еврейской наружности, с довольно узкими глазами, довольно атлетичный (у него есть крытый теннисный корт, чтобы поддерживать себя в форме). Он полностью отвечает за всю внешнюю торговлю и контролирует эту гигантскую монополию. Он один из наиболее тяжело работающих здесь людей. Думаю, он может оказаться полезен.

Все они в крайней степени восхищены президентом, их информированность о том, что удалось ему совершить и манере, в которой он работает, совершенно исключительны.

Все они засыпали меня вопросами и выражали величайший интерес во всём, что касается его, выражая мнение, что он величайшая в мире фигура в правительстве.

(Примечание Мемуариста. Я с большим трудом могу представить, как тот же Ворошилов или Микоян восхищаются американским президентом, как очарованные кавалергардом юные девицы.

Скорее всего и посол малость преувеличивает восторги большевиков, да и большевики, отметив неумеренные восхваления послом своего начальства, перемигнулись и стали лить елей в пользу Рузвельта. Не исключено, что Дэйвис принимал всё это за чистую монету. Продолжаем.)

Все говорят, что Сталин – человек простой, но человек потрясающей целеустремлённости и способности к работе. Он держит ситуацию в своих руках. Он скромн, живёт порядочно и несомненно, предан целям установления социалистического государства и полного коммунизма, с достаточной твёрдостью и гибкостью натуры, чтобы зарекомендовать себя как политика, так же как и великого лидера.

Пишу наспех, Джозеф Дэйвис.

Дневник, Москва, 6-е февраля 1937-го.

Потратил беспокойное утро, отправляя депеши и письма с дипломатической почтой.

Полдень. Встречался с литовским посланником – человеком в возрасте. Обсуждали процесс. Он заявил, что, несомненно, существовал разветвлённый заговор. Сталин, по-

прежнему, полновластный правитель и держит ситуацию в руках.

Обсудили дурацкие слухи, курсирующие в иностранной печати, про наступающего на Москву Ворошилова и т.п. Настолько же глупый слух, что арестована жена Сталина. Обсудили условия жизни – выразил мнение, что ситуация стала намного лучше и в ближайшие несколько лет покажет еще более значительное улучшение.

Час дня. Нанёс визит финскому посланнику.

(Примечание Мемуариста. По прежнему, не могу с уверенностью разобрать идёт ли речь в тексте о действительных министрах или о дипломатических посланниках. Из коротких заметок Дэйвиса понять это невозможно. Второе, вернее. Но тогда неясно, отчего бы не называть их просто послами. Возможно, имеется в виду некий подчинённый дипломатический ранг. Продолжаем.)

Международный звонок из Лондона. "Интернэшнл Ньюс" спрашивали о сообщениях, будто Ворошилов с армией наступают на Москву. Также спрашивал литовского посланника об истории с атропином.

Старый джентльмен не выразил к этому доверия. Он в подробностях обсудил различные теории почему обвиняемые сознались. Он не верит в применение прямого физического насилия (противопоставляя этому давление на нервы) и пустился в дальнейшие рассуждения о своих доводах в пользу такого мнения. Он во многих отношениях высокого мнения

об этом режиме.

Выдержка из письма сенатору Милларду Тайдингсу.

5-е февраля 1937-го.

Протокол требует потратить такую уйму времени на обмен визитами с послами и дипломатическими советниками. Это бывает скучным, но по факту я обнаружил это занятие полезным и даже интересным. Из этих визитов мне удалось извлечь множество ценной информации.

Более того, среди них попадаются любопытные типажи, все они произвели на меня крайне сильное впечатление как множество талантливых людей. У многих из них большой опыт работы здесь и суждения этих людей весьма ценны. Разумеется, нет нужды говорить, что слушал я больше, чем говорил, кроме утверждений общего характера.

Вечерами я провожу время с различными членами коллектива, экспертами в различных областях и чувствую, что получил хорошее понимание ситуации и цельный взгляд на общую картину. Это, по меньшей мере, окажется базой для более взвешенной оценки фактов так, как я их вижу.

Журнал, Москва, 9-е февраля 1937-го.

Провёл очень любопытную встречу с послом Афганистана. Он – старшина дипломатического корпуса здесь и пробыл здесь дольше всех. Леди Чильстон, блестящая, очаровательная, ухоженная дама из британского посольства сказала с озорным огоньком в глазах, что «московский официальный

сезон всегда открывался обедом у афганского посла».

Мы также посетили обед в нашу честь, данный афганским посольством другим вечером. Моя драгоценность, дочь Екай также была включена в приглашение. Это оказалось очень приятным мероприятием.

Посол, выпускник Оксфорда и кузен короля своей страны – человек больших способностей и обаяния. Он поддерживает дружеские отношения с необычными и артистичными людьми Советского Союза и приглашает на свои вечера замечательных артистов, щедрых на пение и выступления.

При обсуждении процесса посол отметил, что, с нашей точки зрения, уголовная процедура в России основана на Кодексе Наполеона, а потому не обеспечивает обвиняемым в полной мере ту защиту, которую даёт система общего права. Затем он пустился в объяснения как установления магометанских законов в его стране создают условия для такой защиты.

Ничто, сказал он, не возвеличивает достоинство человеческого ума и личности настолько, насколько установленная законом защита его свободы от преследований могущественными людьми любой страны. Он считает, что мерой развитости цивилизации является степень защищенности человека от обвинений в преступлениях даже от самого государства.

Он имел в виду право обвиняемых отказаться свидетельствовать против себя самого и право на презумпцию невиновности. Он сказал, что эти принципы охраняются в его

стране магометанской системой права.

(Примечание Мемуариста. Насколько я понимаю, афганский посол имеет в виду исламскую средневековую систему права. Те самые суды шариата. С милыми обычаями отрубания вора́м рук или побивания камнями подгулявших барышень.

Сравнивать ее с Советским правосудием, да еще и в пользу афганского – даже как-то неловко. В своё время исламское право было большим шагом по сравнению с царившим вокруг беззаконием. Но, мягко говоря, времени с тех пор прошло немало. При всём уважении к пророку Магомету и его почитателям. Продолжаем.)

Также он считает, что Советы совершают множество хороших вещей по самым разным направлениям. Но мудрость веков, – сказал он, – свидетельствует, что лишь небольшого прогресса можно достичь, не задействуя личный интерес в качестве стимула.

Человеческая природа всё еще не достигла, и вероятно еще долго не сможет достичь момента, когда люди работают просто ради радости труда. Побуждения к работе и развитию – всегда лежат среди личных интересов и так будет еще очень долго.

Этот мудрый и добрый человек впечатлил меня своей искренностью и своим философским взглядом на мир. Может случиться так, – сказал он, – что этот эксперимент сработает и будет успешно развит путём некоторых допущений и изме-

нений на основе фундаментальных черт человеческой природы. Он может стать одним из шагов эволюции и развития. Время покажет, – завершил посол.

Дневник, Москва, 10-е февраля 1937-го.

Полдень. Конференция с посланником. Здесь шесть лет, очень умён, хорошо начитан.

Уверен, что заговор существовал, а подсудимые виновны. Обсуждал тот факт, что обвиняемые с юных лет, со своих университетских дней вплоть до высылки в Европу, были погружены в психологию подпольных заговоров.

Финляндия между Россией и Германией.

Номер семьдесят восемь, Москва, 19-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

О визите в Москву доктора Хольсти, министра иностранных дел Финляндии.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь доложить следующее относительно недавнего визита в Москву доктора Хольсти, финского министра иностранных дел.

Высказано множество предположений о значении и цели этого визита. Русское и финское правительства теперь связаны пактом о ненападении. Возникли обсуждения, может ли это означать возможное расширение соглашения до пакта о взаимной обороне.

Я обсуждал эту ситуацию со множеством дипломатов и

общее мнение сошлось в том, что это просто общий обмен дружественными обсуждениями по торговым делам. Возможно, с тем подтекстом, что Финляндия хотела бы опровергнуть как беспочвенные некоторые слухи. А именно, слухи, что существует понимание между Германией и Финляндией в связи с возможным германским нападением через Балтику.

Основной причиной визита явилось решение Финляндии определённо занять позицию нейтралитета между Германией и Советским Союзом и стать членом нейтрального Скандинавского блока, в настоящее время состоящего из Норвегии, Швеции и Дании. За последние шесть месяцев проведено множество неформальных обсуждений между представителями финского правительства и скандинавских стран.

Целью этих обсуждений было исследовать, возможно ли Финляндии быть принятой в качестве дружественного члена скандинавского блока. Скандинавские страны дали Финляндии понять, что прежде, чем она сможет стать тесно связанной с ними, она должна убедить в своей нейтральности Советский Союз. Визит Хольсти выступил конкретным шагом в этом направлении.

Доктор Хольсти, которого я принимал в посольстве, заявил мне, что принципы его правительства полностью демократичны, посвящены сохранению мира, и строгой приверженности Лиги Наций. Он произвёл на меня впечатление выдающегося человека, приверженного демократиче-

ским принципам.

Он принимал участие в заключении соглашения по возврату нам финских долгов, а также в приготовлениях к выплатам. По профессии он журналист и одно время читал лекции в Университете Лиланда. Имею честь оставаться, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. Грешным делом был уверен, что господин Хольсти окажется таким же любителем Гитлера, как и многие собеседники посла. Но нет, похоже, министр был весьма приличным человеком.

Позволил себе даже несколько раз публично покритиковать нацистов. Но к 1938-му стало понятно, что Финляндия крепко стала на фашистские рельсы и Хольсти был вынужден уйти в отставку.

Впрочем, его труды по возврату царских долгов Америке не прошли даром. Он получил почётную профессорскую должность в Стэнфорде. Переехал с семьей в США, где и прожил до конца своих дней. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 11-е февраля 1937-го.

Бельгийский посланник, де Теллье пробыл здесь долгое время. Имел с ним сегодня крайне интересную беседу. Он опытен, способен, проницателен и мудр. Хорошо знает свою Европу. По его мнению, обвиняемые на процессе были виновны. Слабостью СССР в отношениях с зарубежьем является Коминтерн.

Примечание посла. Коминтерн – организация коммуни-

стической партии со штаб-квартирой в Москве. Утверждают, что она оказывает помощь и направляет действия и пропаганду коммунистов в странах за пределами России.

Говард, – сказал он, – в своём разговоре со Сталиным руководствовался верной идеей. Говард? – сказал я, – кого Вы имеете в виду? Как же, – сказал он, – разумеется Вашего великого редактора и издателя Роя Говарда.

Вы знаете Роя Говарда? – удивился я. Нет, – сказал он, – также как я не был здесь когда он встречался со Сталиным. Но я следил за всем, имевшим отношение к этим вопросам и Рой Говард попал не в бровь, а в глаз в интервью со Сталиным, как это сообщалось в печати.

(Примечание Мемуариста. Посол использует очень образную американскую идиому "забил гвоздь в голову", то есть попал в самую точку. Имеется в виду интервью, данное товарищем Сталиным Говарду и опубликованное в "Правде" от 5-го марта 1936-го года.

Ознакомиться с ним можно в четырнадцатом томе полного собрания сочинений Сталина. Учитывая, что тома, начиная с четырнадцатого, издавались только с 1965-го года, причём издавались в США, достоверность их материалов всегда нужно проверять.

К счастью, сейчас доступны сканы архивов газеты "Правда". Открываем газету. Большое интервью на целую страницу:

Говард: В чём, по Вашему, заключается основная причина

современной военной опасности?

Сталин: В капитализме... В его империалистической фазе – такая система, которая считает войну законным методом разрешения международных противоречий, методом законным если не юридически, то по существу. Продолжаем.)

Он считает, что Гитлер резко выступал против Советов, чтобы заработать политический капитал для домашнего потребления. Но что для Гитлера вполне возможно объединение со Сталиным, если Сталин согласится не распространять пропаганду в Германии.

Он уверен, что Сталин – практический реалист и националист, в противовес интернационалисту Троцкому. По его мнению, Сталин моментально выбросит Коминтерн за борт, если будет уверен в мире. Он держится за него как за военное оборонное агентство. Политика Сталина состоит в том, что для развития СССР и удержания правительства у власти, необходим мир.

Дневник, Москва, 12-е февраля 1937-го.

Четыре тридцать дня. Чай и фильм "Сан-Франциско", который произвёл большое впечатление на английского, итальянского, турецкого и китайского послов и их персонал, пришедших на просмотр.

Примечание посла. Когда посол Буллит расположил посольство в Спасо Хаусе, он отвёл одну из больших комнат для показа кинофильмов. Это оказалось очень полезным в

налаживании контактов как с дипломатическим корпусом, так и с представителями правительства.

Билл Хейс продолжил объединяющую традицию и регулярно поставлял новые киноплёнки. Они могли доставляться курьерами. Когда бы ни демонстрировались эти картины, двери всегда были широко распахнуты для всего американского сообщества, равно как для дипломатического корпуса.

Соотечественники, разумеется, высоко ценили эти показы. Все ценили. Они превратились в заведённую традицию. Это не было бы возможно, если бы не сотрудничество и помощь киноиндустрии и Билла Хейса.

Это доставляет море удовольствия многим американцам в Советской России и существенно помогает посольству в наведении контактов.

(Примечание Мемуариста. Имеется в виду Уильям Хейс, глава американской ассоциации производителей и распространителей кино. Это главное объединение кино-деятелей Голливуда с двадцатых годов и до сих пор.

Известен своим "Кодом Хейса" – сводом правил жесточайшей цензуры для кино-деятелей. Именно благодаря ему, в ранних американских картинах преступники всегда наказаны, романтические сцены исключительно скромны, никто не сквернословит и не рекламирует различные скотские качества личности. Продолжаем.)

Продолжение дневника.

После обеда Марджори и я предприняли прогулку в мете-

ли, сопровождаемые парнями из ГПУ. Обнаружили на Арбате, главной деловой улице неподалёку от посольства, пять магазинов губной помады, парфюмерии и три цветочных магазина.

Примечание посла. Миссис Дэйвис и я часто говорили об этих цветочных и парфюмерных магазинах. Один из важных показателей дрейфа этого правительства от принципов марксистского коммунизма.

Здесь есть государственные магазины, продающие цветы в корзинах по цене от двух долларов в золотом эквиваленте до пятнадцати долларов. Пятнадцать долларов – двухнедельная зарплата среднего рабочего.

Из продажи предметов, находящих спрос в фундаментальных инстинктах человеческой природы, извлекается капиталистическая прибыль. Молодые люди страны, в силу биологических побуждений, стремятся доказать своим любимым девушкам, что они во всём превосходят соперника.

Насколько лучше цветы он ей пришлёт, настолько же он показывает свою большую желанность по сравнению с соперником. Поэтому он вынужден больше зарабатывать.

Делать это он может только применяя мотив к прибыли, проклятие чистого коммунизма. Более того, самая суть коммунизма состоит в бесклассовом обществе.

Здесь же присутствует стимул создать классовое общество, побуждаемое к мотиву выгоды, благодаря государственной торговле товарами, желанными в силу совершенно

первобытного человеческого инстинкта.

(Примечание Мемуариста. Очень хочется обозвать посла Дэйвиса последними словами. Во-первых, он представляет социалистов как неких голодранцев или идеологических отшельников. Наличие цветочного магазина повергает его в недоумение.

Во-вторых, он сводит высокое чувство любви к первобытным инстинктам кролика, ищущего возможность размножиться. И в-третьих, нужно обладать очень вывернутым умом, чтобы за пару шагов дойти от цветочного магазина до предательства Советским правительством коммунистических идей. Продолжаем.)

Москва, 18-е февраля.

Выдержка из письма сенатору Кею Питтману.

Москва выглядит во многом как и другие европейские города. Красные и зелёные огоньки светофоров, большие автобусы на улицах, трамваи, автомобили, грузовики и тому подобное. Повсюду толпы людей.

Люди из глубинки съехались сюда, чтобы работать на автомобильных заводах, в результате чего город за очень короткое время вырос с миллиона восьмисот тысяч до четырёх миллионов населения.

Жилищные условия очень скудны и Москва явно ужасно перенаселена. При этом на улице нет даже признаков нуждающихся. Все вполне выглядят в порядке.

Притеснение католического духовенства в Герма-

нии.

Журнал, Москва, 14-е февраля 1937-го.

Если верить печати, между нацистами и церковью произошёл серьёзный раскол. Кардинал Фаульхабер, проповедуя в Мюнхене, привёл множественные примеры нарушения Конкордата с Римом, заключённого по личной инициативе Гитлера. При этом сказал, что несмотря ни на что, католики должны добросовестно придерживаться его, так как он был торжественно подписан в качестве инструмента честного сотрудничества.

(Примечание Мемуариста. Этот Конкордат – штука похуже Мюнхенского сговора. В 1933-м году Гитлер договорился с папой Римским о заключении договора. Нацисты давали церкви в Германии некоторые права и преференции, а Рим в свою очередь платил полной монетой.

Были запрещены все политические организации католиков, а с церковных кафедр зазвучали хвалы нацизму. Римская католическая церковь, точно так же, как и ведущие капиталистические державы, бережно выкармливала нацистское чудовище.

Говоря словами товарища Сталина: Вам интересно, что скажет по этому вопросу папа Римский?! А сколько у него дивизий? Продолжаем.)

Кажется, Гитлер решил вырвать с корнем нашу религию, как препятствие его власти и планам. Зловещий знак его истинных целей. Боюсь, Гитлер захвачен стремительным пото-

ком сил, что он привёл в движение и остаётся лишь небольшая надежда на успокоение европейского мира с подобной заносчивой, антихристианской нацистской философией, политикой травли и жестокости.

Примечание посла. Всё это время я с живейшим интересом наблюдал развитие ситуации в Европе и особенно, ситуации внутри Германии в связи с возможностями сохранения мира в Европе на основе согласования интересов главных действующих сил. Разумеется, это полностью зависело от целей Гитлера и нацистской партии.

Либо как вопрос обдуманного намерения, либо как последовательное влияние сил, приведённых ими в движение. Одним из наиболее важных флюгеров, показывающих куда ветер дует, с точки зрения оценки целей Гитлера, явилось его отношение к религии.

Невозможен никакой настоящий мир, если десятки тысяч немецких католиков и лютеран станут объектом преследования. Более того, подобные преследования показывают степень, до которой нацистская партия готова дойти в распространении своих идей расового превосходства.

Частью которых является концепция новой германской религии, основанной на мифах Рихарда Вагнера и концепции Гитлера, обожествляющей силу, власть, войну и умаляющей добродетели альтруизма братской любви, мира, человечности и доброты. Я продолжал поэтому с живейшим интересом следить за ходом усиления различных преследова-

ний в Германии.

Человеческая природа и коммунизм.

Москва, 18-е февраля 1937-го.

Достопочтенному Пату Харрисону.

Дорогой, Пат. Обстановка здесь стала для меня большим сюрпризом. Книги, прочтённые мною во время подготовки к приезду, а я прочёл большую их часть, имели изъясн слишком крайних суждений, как в одну, так и в другую сторону. Правда лежит где-то посередине.

Не возникает даже вопроса, что человеческая природа проявляется и здесь всё тем же старым путём. Многое на это указывает. Чиновники живут очень хорошо и многие имеют загородные дома, дачи.

Многие рабочие зарабатывают больше денег по сдельной системе оплаты, которую ввели, чтобы ускорить развитие промышленности. Здесь на улицах в изобилии роскошные магазины: свежие цветы, лавки полностью занятые парфюмерией, лаком для ногтей и прочими дамскими штучками.

Древние биологические позывы заставляют и мужчин, и женщин добывать капиталистические деньги в большем количестве, чем у других, чтобы баловать себя роскошью. Зато в правительстве они призывают к патриотизму, прославляют родную землю, поют национальный гимн. Мировая Революция ушла на второй план.

Те же самые древние процессы, возникшие после Французской Революции, начинают проявлять себя и здесь, толь-

ко гораздо медленнее. Во Франции чиновники и военные объединились с буржуазией и банкирами, чтобы сохранить собственную власть против рабочих.

Здесь чиновники имеют стальные связи с промышленными рабочими против крестьян. У них сильная армия и они думают, что способны защитить себя от Германии, или Японии, или от обеих сразу. Они добывают большие объёмы золота и накапливают его. Баланс их торговли и платежей за последние два года положителен.

Они более не вывозят золото. Как мне сказали, в армии они посвящают столько же времени политической информации, сколько уделяется военным и техническим вопросам. Они откровенно соглашаются, что пытаются изменить человеческую природу в этом поколении. Та еще работёнка!

Дневник, Москва, 15-е февраля 1937-го.

Конференция с Кулондром, французским послом. Подробно обсудили Коминтерн и то, что он является преградой на пути действительного международного доверия. Он подчеркнул насущные военные угрозы Советам и советовал делать им скидку с этой точки зрения.

Предположил, что процесс над изменниками может облегчить России охлаждение отношений с Коминтерном, потому что Троцкий притянет всех радикалов и с этого момента будет противопоставлен Сталину.

(Примечание Мемуариста. С Коминтерном всё очень не просто. Посол говорит о том, что не располагая самой

сильной армией в Европе, Советы вынуждены удерживать капиталистов от нападения в том числе и Коминтерном. Это постоянная угроза революционных выступлений внутри той же Германии, если они попытаются напасть на Советский Союз.

В определённый момент стало понятно, что для мировой Революции время еще не пришло. И Сталин прекращает тратить гигантские деньги и силы на поддержку коммунистических партий за рубежом. В мае 1945-го года Коминтерн распускается.

Это позволило нашим заклятым союзникам слегка выдохнуть и всё-таки хоть как-то включиться в борьбу с Гитлером. Была в роспуске Коминтерна и ещё одна положительная сторона. Сталин выбил из рук западных пропагандистов тезис о том, что все коминтерновцы – платные агенты Москвы. Рабочие партии за рубежом смогли более свободно бороться за свои права. Продолжаем.)

Последние выборы во Франции показали, что сорок процентов членов коммунистической партии склоняются вправо по направлению к социал-демократам, вместо того, чтобы придерживаться линии партии. Он сказал, что Советы ведут честную игру с Францией с той поры, как был подписан договор между двумя странами и ссылаясь на вышеупомянутый как доказательство их добросовестности.

Литвинов предупреждает против войны и "нейтралитета".

Номер семьдесят девять, Москва, 19-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Американо-Советские отношения. Беседа между послом Дэйвисом и народным комиссаром иностранных дел мистром Литвиновым.

Совершенно секретно.

Имею честь доложить о беседе между мной и мистром Литвиновым, народным комиссаром иностранных дел 15-го февраля по случаю обеда в посольстве, данного в честь мистера Литвинова и его подчинённых в качестве ответной любезности за официальный обед, данный в честь нашего прибытия.

В беседе наедине Литвинов дал комментарии касательно визита Рансимена к президенту и прямо спросил не имела ли отношения беседа с ним к участию в экономической помощи Германии.

(Примечание Мемуариста. Имеется в виду первый виконт Доксфорда Уолтер Рансимен. Один из виднейших политиков Британии. На 1937-й год возглавлял британскую торговую палату.

Это не объединение торговцев, а часть правительства Британии, существующая с семнадцатого века. Политик высокого уровня. Впрочем, несмотря на благородную кровь, виконт оказался тем еще мерзавцем.

Именно он улаживал вопросы с отторжением от Чехо-

словакии Судетской области. В пользу Гитлера, естественно. Продолжаем.)

На это я ответил, что не располагаю подобной информацией, кроме как из печати. Казалось, он сильно взволнован этим визитом и снова озвучил крайне резкое отношение к тому, чтобы Англия и Франция вообще вовлекались в обсуждения с Германией.

Я ответил в том смысле, что не владея точными фактами, считаю, что президент Соединённых Штатов и госсекретарь заинтересованы в любом плане, направленном на восстановление нормальной международной торговли и стабилизации условий, которые сохранят в Европе мир. При этом я уверен, что они будут требовать весомых гарантий. Любой предлагаемый план будет включать в себя более или менее постоянное решение, рассматривающее не только экономические и торговые условия, но и взаимную программу разоружения.

Затем я спросил не замечает ли он в речах Гитлера признаков установления различий между русским народом и русским правительством и благоприятную возможность, которая позволит сделать некоторые заявления со стороны официальных лиц русского правительства с целью, что оно обязуется не продвигать пропаганду в Германии, при условии, что Германия не будет проводить пропаганду в России. Я также рискнул предположить, что подобное заявление лишит Гитлера его главного аргумента против России, который он постоянно вдалбливает дома.

Он ответил отрицательно. Германия озабочена только завоеваниями и было бы ошибкой преувеличивать значение Гитлера, вовлекая его в обсуждения такого характера, как предлагают Англия и Франция. В этой связи я хотел бы сообщить, что очень осторожно прозондировал мнение некоторых долго пробывших здесь дипломатов, относительно их взглядов лежит ли соглашение между Россией и Германией в сфере возможного, несмотря на их наглядные резкие отношения в настоящее время.

Общее мнение заключается в том, что обе стороны могут уладить любые сложности, если выгоды будут стоять того.

Литвинов затронул тему и выразил озабоченность по поводу готовящегося в Соединённых Штатах законодательства о нейтралитете. Он настаивал, что все законы о нейтралитете разрабатывались как протест против войны. В настоящее время такое законодательство о нейтралитете отклонилось от подобной точки зрения и более не содействует установлению мира. Он настаивал, что в текущей ситуации с Испанией результатом такого законодательства о нейтралитете будет только увеличение опасности войны в Европе.

На это я ответил, что главенствующее общественное мнение в Соединённых Штатах, как я его чувствую, склоняется в пользу некоторых форм законодательства о нейтралитете. Оно основано на двух идеях: первая – сохранить мир, и вторая – предотвратить втягивание Соединённых Штатов в войну. Я не изучал различные предложения Конгрессу, но

без сомнения, президент и госсекретарь уделяют им большое внимание. Я уверен, что исполнительная ветвь правительства проявляет разумную и действенную степень осторожности.

Приложение к донесению номер семьдесят девять, подготовленное присутствовавшими сотрудниками посольства.

Совершенно секретно.

Семнадцатого февраля посол принимал на обеде Советское официальное лицо "барона" Штейгера, известного тем, что пользуется большим доверием Кремля. Мистер Хендерсон и мистер Кеннан также присутствовали.

Примечание посла. Когда я вспоминаю этот эпизод меня впечатляет замечательная точность информации Штейгера. Штейгер весьма загадочный для Москвы человек. Его официальный пост во главе Культурного бюро не является особо значительным по своему функционалу.

Он считается кем-то вроде посредника между Кремлём и дипломатическим корпусом, позволяющим контактировать вне обычных дипломатических каналов наркомата иностранных дел. Его зовут "бароном" Штейгером.

После обеда я отвёл его в сторонку и спросил конфиденциально как ему удаётся выживать среди террора и чисток. Он выразительно пожал плечами и показал указательным пальцем на заднюю часть шеи за ухом.

Жест очевидно относился к тому, что казни приговорён-

ных преступников исполняются не у каменной стены перед расстрельным взводом, а в подвалах тюрьмы на Лубянке. Приговорённый неожиданно вызывается к коменданту, а по пути охранник без предупреждения стреляет ему в затылок.

Предчувствие Штейгера имело твёрдые основания. Одним вечером позднее мы были приглашены правительством в бывшую королевскую ложу на премьеру новой оперы. Штейгер тоже был на спектакле. После представления моя дочь Екай и мисс Уэллс, Стэнли и Джоан Ричардсон были приглашены бароном Штейгером перекусить и потанцевать в ночной клуб отеля Метрополь.

В соответствии с той историей, вскоре после полуночи, прямо за столиком, барона Штейгера похлопали по плечу двое в гражданском платье. Он, извинившись, сказал, что скоро вернётся и ушёл с ними. Он не вернулся и никто больше его не видел.

(Примечание Мемуариста. Так вот откуда берутся столь любимые либералами байки про расстрелы пачками в подвалах Лубянки. Есть большие сомнения, что приговоры исполнялись таким образом. С бароном Борисом Штейгером история еще более непростая. В кавычки посол ставит барона совершенно напрасно – барон вполне был настоящий.

Есть сведения, что с начала двадцатых годов Штейгер активно работал на ГПУ. Впрочем, удивительно, если бы такой вот неофициальный посредник для иностранных послов действовал самостоятельно. В августе 1937-го года

действительно арестован, осуждён и расстрелян. Не за дворянское происхождение, за шпионаж.

Реабилитирован не был даже в лихие девяностые, когда щедрой рукой прощение развешивали даже откровенным бандитам. Видимо, не просто так. Хранится где-то в архивах Лубянки заветная папочка с железными доказательствами работы барона на вражескую разведку.

Но послу Дэйвису, не разбираясь, и так всё понятно. Отвели беднягу барона в подвалы Метрополя, да там и шлёпнули без суда. Коммунисты, что с них взять. Продолжаем.)

Продолжение приложения к донесению посла.

Касательно недавнего визита финского министра иностранных дел барона Хольсти, гость посла Штейгер заявил, что визит не следует ни переоценивать, равно как нельзя недооценивать. С финской стороны он побуждался желанием финского правительства, в виду грядущих выборов, как-то компенсировать критику, что правительство является прогерманским.

Идея визита была поддержана шведским правительством. Когда гостя спросили о природе настроений финского народа, приведших к обвинениям правительства в про-германизме, тот ответил, что по природе эти настроения скорее носят не анти-российский, а попросту пацифистский характер. В Финляндии общее чувство против России, неважно царистской или большевистской, по прежнему очень сильно.

Обращаясь к ситуации в Польше, гость выразил мнение,

что единственной чётко выраженной ориентацией Польши является анти-российская. Польское правительство столкнулось с патовой ситуацией, которая делает невозможным полностью принять про-французскую или про-германскую политику.

Русско-польские отношения, добавил он, до некоторой степени пострадали от недавно опубликованной книги чехословацкого посланника в Бухаресте, к которой министр иностранных дел Чехословакии написал введение. Эта книга увеличила подозрения по поводу Советско-Чехословацкого пакта касательно Польши.

(Примечание Мемуариста. Еще одна байка тех лет про очередной пакт Молотова-Риббентропа. Теперь, видимо, Сталин тайно поделил Польшу с чехословаками. В настоящей истории вышло совершенно наоборот.

Это поляки по сговору с Гитлером поделили Чехословакию. Через полтора года после этой встречи посла, осенью 1938-го состоится Мюнхенский сговор и Польша военным путём захватит у чехов Тешинскую область.

Причём, Советский Союз тогда потребовал у Польши прохода для войск, чтобы оказать Чехословакии защиту от польской агрессии. Поляки, разумеется, такого разрешения не дали, а объявлять Польшу войну было неуместно. Западные державы Польшу остановить даже и не пытались. А в 1937-м все подозревали пакт Сталина. Ну кого же еще. Продолжаем.)

Затем беседа свернула к Германии. Гость посла выразил мнение, что любые агрессивные действия Германии в настоящее время или в ближайшем будущем будут иметь катастрофические последствия для самой Германии. Это было особенно верно касательно любых попыток расширения на восток.

Было только два пути, которыми Германия могла атаковать Россию. Один через Литву и Балтийское море. Второй через Чехословакию и Румынию. В обоих случаях линии снабжения окажутся слишком длинными а подходы для атаки слишком узкими.

Более того, германская военная машина всё еще не готова к действиям. Самолеты слишком медлительны, а танки слишком лёгкие. В настоящее время шансы Германии на вторжение гораздо лучше по направлению на Австрию, Венгрию и Югославию.

Последняя страна особенно сильно впала в необычную форму зависимости от Германии в экономическом смысле. Германия задолжала ей за последние поставки настолько много денег, что выплатить их можно только товарами. Так что можно уверенно сказать, что в структуре югославского импорта вскоре наступит полное господство германских товаров.

Когда были затронуты экономические условия в Германии, джентльмен сказал, что Гитлер может, вероятно, продержаться без трудностей следующий год или два. Даже если

из-за рубежа не будет сделано ничего для облегчения ситуации. Он считает, что Британия согласится на возврат Германии других колоний, лишь бы не своих собственных.

По отношению к американо-российским отношениям гость посла выразил уверенность, что если подходить к делам спокойным, терпеливым путём, всё будет в порядке. Имею честь оставаться, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Дневник, Москва, 18-е февраля 1937-го.

Встречались с посланником. Относительно процесса: нет сомнений, что широко распространённый заговор имел место и обвиняемые виновны.

Касательно мира в Европе: наступает решающий год. Угрозой является не испанская ситуация, а Германия и Гитлер, побуждаемый отчаянием и вынужденный сражаться прежде, чем к войне подготовится Англия.

СССР хочет мира превыше всего остального и за достижение мира, по его мнению, заплатит даже цену соглашения с Гитлером. Весьма необычный взгляд перед лицом того яростного пути, которым Гитлер и Сталин обзывают друг друга всеми подлыми именами, что есть под солнцем.

Дневник, Москва, 19-е февраля 1937-го.

Полдень. Конференция с Молотовым и Литвиновым в Кремле. Во время неё я воспользовался возможностью неофициально обсудить доводы журналистов из Вашингтона по поводу верности Ромма СССР во время пребывания в нашей столице.

Восемь тридцать вечера. Ужин в германском посольстве. Советник графа фон Шуленбурга, генерал фон Кёстринг, родился в России. Отец был крупным землевладельцем. Он дал интересную оценку сил Красной армии. Считает, что правительство сможет устранить промышленные сложности в скором времени.

(Примечание Мемуариста. Речь о генерале Эрнсте-Августе Кёстринге, бывшем в тот период военным атташе Германии в СССР. Родился под Москвой и отлично владел русским языком. Его отец управлял до Революции имением графов Шереметьевых.

Генерал – личность любопытная. При всей его многолетней службе в Москве и дружбе с Советскими дипломатами – оказался убеждённым врагом. Во время Войны занимался формированием карательных отрядов из коллаборационистов на Северном Кавказе. Продолжаем.)

Рассказал интересную историю о "бароне" Штейгере. Что его отец – бывший украинский немец, а его семье было разрешено большевиками проживать в Швейцарии, но при условии, что сын останется здесь в качестве заложника.

За кофе я напрямую спросил генерала Кёстринга о его мнении по поводу боевых качеств Красной армии. В ответ на мой недипломатичный вопрос он сказал, по существу, следующее. Русская армия, вообще говоря, хорошая армия.

Человеческий материал – личный состав – превосходен. Физически сильные, храбрые и отличные солдаты. Механи-

зированные силы хороши. Не настолько хороши, как в германской армии, но хороши.

Воздушные силы численно сильны. Их истребители и самолёты разведки отличны, но вот бомбардировщики слишком тяжелы и слабы. В целом, исключая превосходство в численности, они не могут сравниться с германскими военно-воздушными силами.

Русские истребители, хотя и замечательны, но не самые лучшие. Их парашютные войска превосходны (всего несколько лет назад на показательных учениях русской армии впервые целый полк с полным снаряжением был десантирован в нескольких милях за условной линией фронта).

(Примечание Мемуариста. Возможно, речь идёт о крупных учениях 1936-го года в Белоруссии. Тогда проводились показательные выступления, в том числе для иностранных военных представителей и дипломатов.

С самолётов десантировано более трёх тысяч парашютистов. Ещё более восьми тысяч бойцов, с техникой и полевыми орудиями были перевезены самолётами на заранее подготовленные полевые аэродромы. Впечатление иностранцев от мощи десантников Красной армии оказалось весьма ошеломляющим. Продолжаем.)

Доклад по урегулированию долга.

Москва, 25-е февраля 1937-го.

Совершенно секретно.

Мой дорогой, мистер президент!

С момента моего последнего письма я встречался с Литвиновым дважды. В соответствии с протоколом, я условился нанести официальный визит Молотову, главе кабинета. К моему удивлению, на встрече присутствовал Литвинов.

После общепринятых фраз Молотов заявил, что его правительство надеется на продвижение отношений между двумя правительствами по линии большего взаимопонимания. Конкретные, достигнутые ранее, договорённости всё еще не выполнены полностью. Он уверен, эти вопросы могут быть урегулированы на основе практического подхода к проблеме.

Я снова заявил крайне взвешенно, что надеюсь на это и снова подчеркнул факт, что президент Соединённых Штатов путём открытого подхода пошёл на конкретное соглашение, которое не исполняется. Президент Соединённых Штатов внёс неизмеримый вклад в содействие улучшению отношений. Он украсил великое здание либеральной демократической мысли своими действиями по признанию Советского Союза.

Обе страны, несомненно, имеют одну великую общую цель – сохранить мир. Лично я испытал бы огромное сожаление, особенно с русской точки зрения, если будет брошена тень на доверие, которое президент Соединённых Штатов и наше правительство питают к добросовестности и честности ответственных за решения Советского правительства людей.

(Примечание Мемуариста. Не устаю поражаться высо-

кой патетике американских капиталистов в чисто шкурном для них вопросе. Мы за мир, доверие и всё хорошее. Демократия, либерализм, спасём планету. А теперь дайте денег, а не то плохо будет. Как это может уживаться в одной голове? Продолжаем.)

Молотов снова выразил уверенность, что вопросы могут быть доработаны практическим путём. Затем он заявил, что полагает частью моей миссии здесь как раз – урегулировать данные проблемы. Я ответил, что не получал конкретных указаний по этим вопросам, но это часть повседневной работы.

Я готов участвовать в любых обсуждениях с Литвиновым, если окажется желательным проработать в принципе некоторое соглашение, удовлетворяющее обе стороны и способное восстановить степень доверия и взаимного уважения, которая характеризовала начало этих переговоров между двумя правительствами.

(Примечание Мемуариста. В тысячный раз посол Дэйвис повторяет как не важен долговой вопрос для США. Что он не получал никаких инструкций от президента по этому поводу, что, как мы видим из начала книги, прямая ложь. И вообще строит из себя неприступную барышню.

Если же посмотреть на ситуацию взглядом орла – всё становится очевидно. Выбить из Советского правительства царские долги – самая важная, если не единственная цель миссии Дэйвиса.

*Выбить, потратив на это не более года и уехать по-
слом к Гитлеру договариваться о совместной борьбе про-
тив коммунистов. Указания президента вполне недвусмыс-
ленны. Продолжаем.)*

Литвинов практически не принимал участия в дискуссии, кроме вопроса когда я планирую вернуться из моей поездки по промышленным районам. Также он сказал, что очень хотел бы пригласить меня на дачу на пикник и я согласился с целью обсудить там эти вопросы. Следуя Вашей мысли, я создал у них впечатление, что вопрос намного более значим для них, чем для нас и что следующий ход за ними. Искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. Не уверен, что Молотов и Литвинов разделяли это впечатление. Трудновато поверить в неважность для американцев долгового вопроса, если на каждой встрече посол только про него и говорит. Нам это настолько неважно, что я, пожалуй, расскажу Вам об этом еще раз. Смешно. Продолжаем.)

Молотов склонен разрешить долговой вопрос.

Номер девяносто пять, Москва, 26-е февраля 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Формальный визит к комиссару Молотову, 19-го февраля.
Американо-Советские отношения.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь доложить, что согласно установленного

здесь протоколом обычаю, я совершил формальный визит к комиссару Молотову, главе Совета народных комиссаров в его кабинете в Кремле. К моему удивлению, также присутствовали комиссар по иностранным делам Литвинов и мистер Нейман, глава американского отделения наркомата иностранных дел, выступавший в качестве переводчика. Ниже следующее – отчет об имевшей место дискуссии.

Я заявил этим джентльменам, что привёз приветствия от президента Соединённых Штатов и государственного секретаря. Молотов сказал, что его правительство надеется на улучшение отношений между двумя правительствами по линии углубления взаимного понимания. Было заключено конкретное соглашение, которое еще не полностью выполнено.

Он считает, что эти вопросы могут быть завершены ко взаимному удовлетворению. Он заявил, что предполагает, что моё правительство послало меня сюда, имея в виду эти вопросы.

Далее он заявил, что, сожалеет, что вопросы разногласий не двигаются с места и он уверен, все вопросы могут быть урегулированы на основе практического подхода. Я ответил весьма взвешенно, что искренне надеюсь на это. Я всегда с сожалением рассматривал ситуацию, в которой было принципиально разработано широкое соглашение, при исполнении которого вопросы пришли в результате в неудовлетворительное состояние.

Взаимное доверие между американским и российским на-

родами, а также их правительствами, – это важный вопрос цивилизации и мира во всём мире. Молотов сказал, что согласен со мной и чувствует убеждённость, что вопросы могут быть доработаны практическим путём. Они полагают частью моей миссии как раз урегулирование данных вопросов.

Я заявил, что не имею точных указаний по этим вопросам, но разумеется, это часть ежедневной работы. И хотя это не является для нас вопросом серьёзной значимости, было бы весьма благоприятно, если бы соглашение могло быть доработано ко взаимному удовлетворению.

Таким образом может быть восстановлена та степень доверия, которая привела к началу этих переговоров. Далее я заявил, что был бы рад обсудить этот вопрос подробнее с Литвиновым когда ему будет удобно.

Молотов выразил удовлетворение, что человек моего типа с судебным и экономическим опытом и юридическим образованием прибыл сюда в качестве представителя Соединённых Штатов. Он выразил интерес и удовлетворение тому факту, что я планирую лично осмотреть некоторые промышленные районы страны.

Литвинов не принимал участия в обсуждении. Встреча прошла приятно. Литвинов пригласил меня приехать в свой загородный дом на обед. Я ожидаю очень откровенного разговора с ним когда у нас будет достаточно времени для подробного разбора этой темы. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Визит в кремль, слухи об арестах.

19-е февраля 1937-го.

Мистеру Марвину Макинтайру.

Мой дорогой Мак.

(Примечание Мемуариста. Напомню, это тот самый Макинтайр, личный секретарь президента Рузвельта.)

Кажется, мы здесь сильно оторваны от настоящего мира. Все новости мы получаем из английской прессы тремя днями позднее. В данных о последних событиях мы вынуждены полагаться на коротковолновые радио-отчёты из Лондона.

Они весьма поверхностны в том, что касается Соединённых Штатов. Американские газеты привозят дипломатической почтой с интервалом в десять дней. В иных случаях мы зависим от русской печати и "Московских новостей" на английском, которые полны пропагандой и крайне ограничено дают новости из-за рубежа. Кажется, до дома лежит долгая дорога.

(Примечание Мемуариста. Речь идёт об издании на английском языке "Москоу дейли ньюс". Начала печататься с 1930-го года и охватывала пятьдесят четыре страны мира. Никакой нынешней "Раши тудей" такое распространение и не снилось.

Газета предназначалась для английских и американских специалистов, работающих в СССР. Что еще любопытнее на тему мнимой Советской пропаганды. Основала газету американка Анна Луиза Стронг.

Видная писательница и религиозная деятель. Более того, в 1949-м году ее вышлют из СССР как американскую шпионку, а её книги несколько лет будут под запретом издания. Такая вот "пропаганда". Продолжаем.)

На днях Марджори, меня и весь коллектив провели экскурсией по Кремлю. Это окружённый стенами город, построенный в пятнадцатом веке. Стены поднимаются от улицы на высоту от сорока до шестидесяти футов, или даже выше.

Он расположен в центре города и выглядит как красивая темница для роскоши. Его средний диаметр, я бы сказал, половина мили. Внутри стен красивые здания старого царского двора, просторные внутренние площади и величественные улицы.

Трое главных ворот хорошо охраняются солдатами. Он широко используется в качестве жилых квартир для комиссаров, контор и залов собраний. Внутри также есть три больших церкви, похожих на соборы, кроме золочёных куполов как у мечетей.

Мы обошли весь Кремль, благодаря любезности наркомата иностранных дел. Одно впечатляющее здание превращено в музей. Оно совершенно уникально. В нём содержится старое геральдическое оружие вплоть до времён крестовых походов.

Мантии и парадные одеяния царей, драгоценности короны, облачения священников, иконы и украшенные библии, посуда и фарфор царского двора, королевские экипажи, сёд-

ла, сбруя и тому подобное за последние пятьсот лет. Драгоценности короны поразительны. Одежания царской семьи и священства, иконы, алтарные покровы, драгоценные переплёты, эфесы мечей и даже седла инкрустированы россыпями жемчугов и неисчислимым количеством крупных изумрудов, рубинов, сапфиров и алмазов. То еще зрелище!

В вестибюле размещены транспаранты с надписями: "Узникам капитализма, жертвам фашизма! Рабочие России шлют привет рабочим мира!". Предположил, что я вхожу по все три класса и почувствовал себя поприветствованным.

Фрески снаружи церковей очень красивы, но плохо ухожены и в ряде случаев почти полностью стёрлись. Именно в Кремле я представлял мои верительные грамоты президенту. И здесь же проводилось Конституционное собрание.

(Примечание Мемуариста. Не вполне понял как крупный капиталист Дэйвис, которого готовили стать послом в Германии, причисляет себя к узникам капитализма и жертвам фашизма. Да еще и к рабочим мира. Но нам не жалко, пролетарский привет и ему. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 20-е февраля 1937-го.

Полдень. Встречались с посланником, крайне интересным человеком. Отдали должное книге Фрэнка Симондса "Цена мира". У него полнейшее недоверие к пактам в связи с любыми обещаниями Германии о мире в Европе.

Несмотря на выпады Гитлера по отношению к Советам, он предвидит возможный союз между Россией и Германией,

если он будет отвечать целям Гитлера и российским интересам.

25-е февраля 1937-го.

Дорогая, Рахиль О'Фон!

(Примечание Мемуариста. Это вторая дочь Дэйвиса от предыдущего брака. И наша и английская википедия отчего-то уверены, что у Дэйвиса была только одна дочь. Это не так, их было трое – Элеанор, Рахиль Вирджиния и Эмлен Найт.

Последняя – та самая Екай, с которой посол прибыл в Россию. Екай – семейное прозвище по первым буквам имени.

Посол в примечании указывает, что письмо адресовано его дочери, миссис Рахиль Уолкер. Любопытно, что посол обращается к дочери – Рахиль О'Фон. Это валлийское поэтическое прозвище матери Дэйвиса. Она же – проповедница Рахиль с острова Энглси.

К моменту составления письма, матери Дэйвиса уже более 20 лет как не было на свете. Судя по всему, Дэйвис пишет своей дочери, ласково называя её именем знаменитой бабушки. Возможно, это какой-то старинный валлийский обычай. Продолжаем.)

Ленинград.

Получили замечательные впечатления в Ленинграде. Конечно, мы осматривали его в лучших возможных обстоятельствах. Весь город укрыт снежным покрывалом и весь день падали крупные хлопья.

Город очень красив, с замечательными конными статуями, разбросанными по площадям, паркам и мостам. Это практически город островов. Главная улица очень длинная и порядка ста или ста пятидесяти футов в ширину. К нашему удивлению, витрины красиво и совершенно блестяще украшены выставленными товарами на любой вкус, что появилось, как нам сказали, только в прошлом году.

Эрмитаж.

Мы потратили несколько часов в Эрмитаже и Зимнем дворце, расположенных на большой открытой площади, которую они перерезают как диаметр большого круга. Всё это окружено зданиями, с миниатюрной триумфальной аркой в центре.

(Примечание Мемуариста. Когда посол Дэйвис называет Эрмитаж и Зимний дворец через запятую, формально он прав. Эрмитаж составляет лишь часть комплекса Зимнего дворца. Но звучит странно.

Кстати, если имеется в виду триумфальная арка главного штаба напротив Эрмитажа, то не такая уж она и миниатюрная. Весьма внушительное сооружение. Продолжаем.)

По другую сторону дворца течёт река Нева. Зимний дворец – огромная штукавина, очень красив в красном кирпиче и богато украшен. Эрмитаж – очень красивое здание, построенное Екатериной Великой для хранения ее сокровищ искусства.

Он соединяется Зимним дворцом мостом и дополнитель-

но другим мостом с той стороны, поднятым впоследствии. Эрмитаж всегда был сокровищницей искусства. Сейчас он, вероятно, даже расширился, так как весь Зимний Дворец превращён в галерею искусств и музеев.

(Примечание Мемуариста. Не могу удержаться от комментария. Мы привыкли, что Эрмитаж зеленовато-голубого цвета, а ведь исторически это красный дворец. Впервые голубой цвет на стенах появился только после Войны. Более того в Войну Эрмитаж и вовсе перекрасили в унылый серый цвет, чтобы вражеские бомбардировщики не могли его опознать. Продолжаем.)

Сокровища искусства.

Комнаты совершенно не поддаются счёту и наполнены красивейшими вещами. Коллекциями древнегреческой и римской керамики, статуями, картинами, камнями и так далее, и тому подобное. Многие комнаты сами по себе полностью украшены на стенах и потолке мрамором различных оттенков и гигантскими мраморными колоннами. Здесь обширные коллекции Рембрандта, Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Рейнольдса, Ван Дейка. Всё на свете от первобытных поделок до искусства двадцатого века, рассортированное по странам и периодам.

Мадонна Литта кисти Леонардо да Винчи, небольшая картина, размером примерно в пятнадцать дюймов – одна из самых красивых вещей, что я когда-либо видел. Скульптура скорчившегося мальчика Микеланджело надолго останется

в моей памяти.

Самые необычные наши впечатления посвящены трем сокровищницам, которые закрыты от публики и держатся под замком. Директор провёл нас туда и обратил внимание на самые интересные экспонаты. Там содержится знаменитая Скифская коллекция древних украшений. Кроме того: часы, камеи, инкрустированные седла и упряжь Петра Великого, Екатерины и других русских монархов.

Древние реликвии, выкопанные в Крыму на Чёрном море, показывают жизнь греческих торговцев и представлены украшениями из захоронений правителей. Мы видели там знаменитые золотые серьги, которые действительно замечательно красивы.

Они примерно двух с половиной дюймов длиной и выглядят выдающейся филигранной работой. Под микроскопом можно рассмотреть резные орнаменты лошадей и возничих на колесницах. Все выполненные с величайшей красотой и утончённостью. Нам сказали, что современным мастерам неизвестны инструменты для столь тонкой работы.

Мы потратили довольно много времени в картинных галереях и музеях. Там совершенно очаровательная коллекция картин Репина, знаменитого художника царских времён. Его портреты Толстого, Листа и Рубинштейна – великие творения.

Исаакиевский собор.

Мы проехали по городу и остановились у Исаакиевского

собора, изумительного строения, законченного около ста лет назад. Картины святых и апостолов, алтарь и прилегающие стены, потолки – очень красивы. К нашему удивлению, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что они сделаны из мозаики с совершенно удивительным мастерством.

Собор даёт впечатление, схожее с собором святого Петра. Его монолитные колонны из красного гранита, внешнее и внутренне убранство очень выразительны. Украшения из яшмы лазури и малахита в конструкции этих зданий потрясают своей щедростью и красотой.

(Примечание Мемуариста. В описании собора мне видится, возможно, невольная игра слов посла. Когда он говорит, что собор даёт впечатление, схожее с главным христианским собором святого Петра в Риме, это можно прочесть буквально и так, что Исаакиевский собор даёт представление о Санкт-Петербурге. Вносит лепту в архитектурный облик города. Вообще, аллюзии между городом святого Петра и собором святого Петра напрашиваются. Продолжаем.)

Сильно впечатляет массивная бронзовая статуя Петра Великого, обозревающего Неву с коня на большой площади между собором и рекой. Она расположена в парке между бывшим Сенатом и Адмиралтейством, окрашенными в жёлтый и белый цвета. За рекой красивые старинные здания бывшего Университета Санкт-Петербурга.

(Примечание Мемуариста. Почему бронзовая-то? Мед-

ная. Медный всадник же! Эх, не читал посол Дэйвис Пушкина. Впрочем, посол формально прав – памятник действительно сделан из бронзы. Это у Пушкина была двойка по металловедению. Но с гением не поспоришь. Продолжаем.)

Промышленные предприятия.

Я не буду пытаться рассказывать о промышленных районах, которые я посетил, или больших фабриках, которые я видел. Я был впечатлён многими новыми зданиями для расселения рабочих. На самой известной старинной фарфоровой фабрике, благодаря любезности директора, были изготовлены три чайных набора, по одному для каждого из твоих детей.

Это копии известных наборов прошлого, которые, я надеюсь, тебе понравятся. Каждая часть расписана вручную и запечена в красивейший фарфор. На задней части каждого из предметов содержится надпись, что он выполнен для меня как американского посла.

Чтобы изготовить их потребовалось целых три месяца. Я был рад воспользоваться этой возможностью, так как это станет милыми сувенирами для твоих детей.

Художники и их мастерские.

Другие очень интересные впечатления мы получили, благодаря доброте директора художественных мастерских. Все современные художники работают на государство и большей частью заняты в изображении сцен Революции или обычной русской жизни.

Эти картины дышат большой энергией и цветом. Мастерские расположены в большом доме, в котором художники и работают, и живут и очень любопытны. Мы осмотрели как создаются крупные полотна исторических событий.

Ленинградский балет.

Воскресным вечером мы отправились в оперу в красивый старинный оперный театр. Во вторник были на балете. Публика выглядит во многом похоже на толпу, которую можно увидеть у Кейфа. Никаких вечерних платьев, но все в выходных костюмах и с некоторыми признаками попыток выглядеть стильно, особенно в части женских причёсок.

(Примечание Мемуариста. По всей видимости, имеется в виду известный водевильный театр Бенджамена Франклина Кейфа в США. Театр для простой публики и сравнение с ним явно слегка уничижительное. Очевидно, посол ожидал увидеть в Ленинградской опере старую аристократию в смокингах и вечерних платьях. Продолжить.)

Несколько недель по всей стране отмечали столетие смерти Пушкина. Для русских людей это смесь Байрона и Шекспира. Он мыслил свободно и женился на благородной даме, которая, как предполагается, была любовницей царя. Его убили на дуэли, которая, как говорят, была подстроена.

И опера, и балет основаны на работах Пушкина, а музыка принадлежит великому Чайковскому. Опера "Евгений Онегин" – романтическая история двух молодых людей с положением, чья дружба была разрушена непониманием и лю-

бовными раздорами.

Это всё вылилось в дуэль, на которой поэт был убит. Это указывает на кончину самого Пушкина и было им же самим написано, что достаточно удивительно. Сценические эффекты, постановка и актёрская игра необычайно хороши и отлично исполнены. Пение было хорошим, но не великим.

Балет "Рождественская ночь" был великолепен в каждом отношении и самая красивое, что доводилось мне видеть из подобных постановок.

История основана на сие маленькой девочки под рождественской ёлкой. Там куклы оживают, танцуют, игрушечные солдатики устраивают битву с игрушечными крысами. Игрушечный Прекрасный принц спасает маленькую девочку и тому подобное. Уланова, наиболее известная сейчас из балерин, и Сергеев выступили замечательно и почти столь же хороши как Павлова и Мордкин.

(Примечание Мемуариста. Посол Дэйвис не силён в искусстве. Описан явно балет Щелкунчик. Автор либретто и постановщик – великий Мариус Петипа, а саму сказку написал Гофман. Пушкин никакого отношения к этому не имеет. Продолжаем.)

Некоторые сцены оказалась столь красивы, что практически брали за душу. Во второй сцене тридцать или сорок маленьких детей, участвовавших в первой сцене спустились в оркестровую яму, где сидели около сотни музыкантов.

Их чистые сопрано поддерживали воздушность темы

"Танца фей" Чайковского. В это время на сцене сорок или пятьдесят девушек в белом танцевали в кружащихся снежинках на фоне красивейших белых декораций. Это было эффектно и по-настоящему трогательно.

Дневник, Москва, 26-е февраля 1937-го.

Потратил день на подготовку к путешествию на Донбасс, в Харьков и Днепропетровск, затем на большую дамбу. Приехали с Марджори на вокзал в пять двадцать вечера.

Вагон-ресторан и спальный вагон были в полном нашем распоряжении, включая московских американских корреспондентов.

Доклад по развитию долгового вопроса.

Москва, 5-е марта 1937-го.

Совершенно секретно, лично в руки.

Достопочтенному Франклину Рузвельту.

Мой дорогой, мистер президент.

С моего прошлого доклада я потратил десять дней, путешествуя по стране. Мне удалось охватить промышленные районы – Ленинград, Харьков, большую дамбу Купера и Донбасс, которые вместе с московским промышленным районом дают примерно от семидесяти до восьмидесяти процентов Советской тяжёлой промышленности. Я хотел осмотреть оборудование, персонал, условия проживания и мощности в работе, чтобы доложить и объяснить Вам более компетентно эту исключительную ситуацию.

(Примечание Мемуариста. Как мы помним, дамбой Купе-

ра посол называет могучую плотину ДнепроГЭС.)

Объемистый и детальный доклад будет направлен департаменту следующей дипломатической почтой. Думаю, он будет иметь значительную ценность.

Мои наблюдения подтверждают и живо возвращают к Вашей беседе с Литвиновым о том, куда они движутся. То, что совершили за последние семь лет в тяжелой промышленности эти люди – совершенно уникально. Они "рисуют на гигантских полотнах кистью из кометы хвоста".

(Примечание Мемуариста. Посол снова цитирует Киплинга. Очень похоже, что это одно из его любимых стихотворений. Он часто упоминает в тексте неявные отсылки к нему. Когда говорит про "на вечность или на две", когда ссылается на "работать ради радости труда" и т.п. Продолжаем.)

И в задумке и в исполнении это – выдающееся дело. Голые степи были превращены в гигантские промышленные районы всего за шесть лет! Фабрики и оборудование, которые я видел, первоклассны. Это результат обобщения лучших инженерных решений капиталистических стран.

Большинство руководителей заводов в возрасте около тридцати пяти. Они серьёзны, усердны, выглядят хорошо подготовленными и сильными управляющими. Около четверти рабочих – женщины.

Целых восемьдесят процентов моложе тридцати лет. Рабочие-станочники на этих заводах набираются примерно на

двадцать пять процентов с действующих промышленных предприятий и на оставшиеся семьдесят пять процентов из сельского населения. Крестьяне нанимаются на строительство предприятия, а затем обучаются в вечерних технических училищах для работы станочниками и машинистами.

Все эти предприятия имеют собственные лаборатории, технические библиотеки, вечерние школы. Заводской учёт себестоимости отображается на графиках, показывает операции и тенденции с точностью до минуты.

У каждой фабрики свой детский сад (ясли для кормящих матерей), клубы для рабочих, рестораны и прочее социальное обеспечение. Средняя зарплата – двести пятьдесят рублей в месяц, что в золотом эквиваленте (по курсу чёрного рынка) двенадцать с половиной долларов.

Коммунистические принципы здесь фактически отменены. "От каждого по способностям, каждому по потребностям" ушло. Они получают столько, сколько заработали.

Главной движущей силой является стремление заработать и собственный эгоизм. Сверху донизу выпуск продукции поощряется премиями и дополнительной зарплатой за работу лучше "нормы". Это относится к управленцам, инженерам и рабочим.

Само предприятие должно зарабатывать прибыль и зарабатывает обычно от пяти до тридцати процентов, которые уходят центральному правительству. Основанная ими система необходима для успеха. Это социалистическое предпри-

ятие, основанное на капиталистических принципах прибыли и эгоизма. Они были вынуждены придти к этому, чтобы заставить машину работать.

Конечно, есть много вещей не в порядке. Их фабричное производство, хотя и порядочное, не идёт ни в какое сравнение с тем, как выглядит эффективная организация производства у нас дома. Цена доброй пары туфлей – от двадцати пяти до пятидесяти процентов средней зарплаты. Предположительно, среди вялых и менее эффективных рабочих существует сильное недовольство более высокими зарплатами квалифицированных рабочих.

Большим невидимым фактором, который делает эту работу сравнительно простой, является громадное богатство страны и используемая руководством диктаторская власть. Без сомнений, существуют гигантские потери и громадные ошибки, но они незначительны по сравнению с доступными им ресурсами и теряются на фоне общей картины.

Говоря в общем, мои оценки подтверждают общее впечатление дипломатического корпуса, а именно, дай им пять или десять лет мира и будут достигнуты выдающиеся результаты этой промышленной программы. С глубоким уважением, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. Вольно или невольно посол Дэйвис обыгрывает знаменитые слова Столыпина: "Дайте нам двадцать лет покоя и Вы не узнаете нынешней России". Но капиталисты покоя не дали, ни при Столыпине, ни при

Сталине. Капитализм без войн обойтись не может. Продолжаем.)

Русская промышленность. Как и почему она работает.

Номер сто шестнадцать, Москва, 12-е марта 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

О посещении послом Дэйвисом промышленных районов Советского Союза.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь доложить следующие наблюдения в связи с моим недавним посещением ряда промышленных районов СССР. Чтобы адекватно понять и оценить производственные силы Советского Союза необходимо полагаться не только на опубликованные источники информации. Хотя они и содержат большой объём данных, тем не менее, они сильно пропитаны пропагандой и кроме этого, не содержат многие важные для правильной оценки ситуации факты.

Имея это в виду, я совершил обзор различных промышленных районов Советского Союза. Мне посчастливилось получить от властей карту, показывающую различные регионы, виды природных ресурсов и различные виды промышленных предприятий в этих районах.

Основываясь на ней, я спланировал личный визит с инспекцией в район Ленинграда, где расположены крупные текстильные и фарфоровые предприятия и другие виды про-

мышленности. Эти виды естественны для северного морского порта, но не развиваются Советскими властями из-за возможной военной уязвимости.

Также я посетил Донбасс и Днепропетровскую область на Украине. В этих регионах на протяжении четырёхсот километров расположены крупные запасы угля и железа. В центра района располагается дамба ДнепроГЭС, которая в мире уступает размерами только дамбе Боулдера.

(Примечание Мемуариста. Смотри-ка, а посол оказывается вполне знает верное название ДнепроГЭСа. Выходит, все эти "плотины американского инженера Купера" предназначены исключительно для ушей президента. Хитроват наш дон Тамэо, да и политик изрядный.)

Примечание к примечанию. Да, я знаю, что у Стругацких было чуть иначе, но уж больно ловко Бушков отчеканил эту фразу по-своему. Продолжаем.)

Эти районы дают приблизительно семьдесят восемь процентов общего производства угля Советского Союза. В том числе, более пятидесяти процентов угля коксующегося качества и примерно шестьдесят процентов Советского производства чугуна в чушках. Около пятидесяти пяти процентов от общего числа доменных печей страны расположено в этом районе.

Плотина ДнепроГЭС с её вспомогательными подстанциями, построенная полковником Купером, в 1935-м году выдала мощность в пятьсот восемьдесят семь тысяч киловатт.

Вероятно, в течение года или двух эта мощность удвоится.

Пять первых больших турбин производства Дженерал Электрик теперь дополнены еще четырьмя уже Советского производства. В этом регионе планируется строительство трёх других крупных гидроэлектростанций, для которых сейчас разрабатываются строительные проекты. Они еще сильнее увеличат доступную электрическую мощность.

Одними из выдающихся достижений пятилетнего плана являлись: планирование, проектирование и создание гигантских фабричных производств в этом районе. Только в Донецком угольном регионе они занимают площадь в восемьдесят одну тысячу четыреста семьдесят пять квадратных километров.

В этом районе расположены: крупнейшие сталепрокатные предприятия, заводы тяжелого машиностроения и заводы электрических турбин, алюминиевая фабрика, фабрики по производству тракторов и химикатов, производства сельскохозяйственных машин и другие крупные промышленные производства. Все эти гигантские предприятия, некоторые с коллективами более тридцати восьми тысяч мужчин и женщин, были построены, персонал обучен и начали давать продукцию всего за последние шесть или семь лет. Этот регион также содержит одни из лучших сельскохозяйственных земель страны.

Когда было объявлено, что я намереваюсь совершить путешествие по этим регионам, американские журналисты

спросили могут ли они сопровождать меня в этой поездке. Они утверждали, что вместе со мной смогут получить более благоприятную возможность осмотреть эти предприятия, чем без меня. Поскольку Советские власти не возражали, я ответил журналистам, что буду рад взять их с собой в поездку.

Вместе с моей дочерью, секретарём и четырьмя журналистами: Чарльзом Наттером из Ассошиэйтед Пресс, Норманом Деуэлем из Юнайтед Пресс, Демари Бесс из Христианского научного обозревателя и Джозефом Филиппсом из Нью-Йорк Херальд Трибюн, мистером Гордоном и мистером Сниффером из персонала посольства мы отправились в шестидневное путешествие по этим районам в четверг двадцать шестого февраля 1937-го года.

Мы посетили пять городов и крупнейшие предприятия этого района, включая производство колёсных и гусеничных тракторов (12 000 рабочих), фабрику по выпуску электрических турбин (38 000 рабочих), ДнепроГЭС, алюминиевый завод (3 000 рабочих), предположительно, крупнейший комбинат полного цикла в мире. Запорожский комбинат по выпуску стали и железа в чушках (35 000 рабочих), сталепрокатный завод (13 000 рабочих), госпиталь (180 врачей, 120 младшего медперсонала), ясли и детские сады, крупнейший в Советском Союзе завод сельхозтехники (16 000 рабочих), изготавливающий сеялки, бороны, плуги и комбайны, соединяющие в себе жатку и молотилку.

Также посетили первый дом «Юных пионеров» заведение на 280 комнат, предназначенный для развития школьников (27 000 школьников) вне обычных школьных занятий в научной и художественной областях, в конструировании самолётов и наземного транспорта, а также другие виды производственного обучения (320 преподавателей).

Эти заведения – одна из самых интересных задумок Советского Союза и строятся во всех крупных центрах, благодаря словам Сталина, что самый ценный капитал государства – это умы молодёжи.

Любые поощрения и стимулы, прилагаемые к естественным стремлениям молодёжи через эти заведения, направлены на выявление возможных талантов. Поездка оставила очень чёткие впечатления.

Планирование.

Система планирования впечатляет совершенно выдающейся смелостью задуманного и энергичностью исполнения. Пять лет назад район Запорожья, сегодня содержащий все эти гигантские предприятия и город на 125 тысяч человек, с современными кирпичными жилыми домами, широкими улицами и парками, был пустынной равниной.

(Примечание Мемуариста. Посол, говоря о Запорожье, употребляет слова «голой прерией», намекая на американских первопоселенцев.)

Здания строились после консультаций с лучшими иностранными инженерами совместно с Советскими инженера-

ми, большей частью неквалифицированными рабочими, насколько мне говорили. Во время строительства рабочие готовились в вечерних технических школах для работы на предприятии, когда оно будет достроено.

Становым хребтом рабочего коллектива, примерно 25%, являются рабочие, привлекаемые с других действующих предприятий сходного профиля из других частей страны.

Здания и оборудование.

В основном, здания и оборудование самого современного типа. Строительные компании, преимущественно американские, но также германские, французские и английские. В каждом случае выбирались, чтобы получить лучшие и самые современные технические и научные достижения в проектировании производств.

Оборудование, операции, труд.

Нужно отметить, что где бы ни приспособляли производственные процессы, на отдельных производственных участках или на предприятии в целом, наивысшая эффективность работы достигается в конвейерном производстве при стандартизации операций. Два выдающихся впечатления от промышленного производства: степень привлечения женщин к производственным операциям (примерно двадцать пять процентов) и молодость среднего рабочего.

В основном от шестидесяти до восьмидесяти процентов моложе тридцати и очень малый процент старше сорока лет. При посещении цехов заметно, что хотя темпы не настоль-

ко ускоренные, как на высоко эффективных предприятиях у нас дома, тем не менее они справляются очень хорошо, примерно на сорок или пятьдесят процентов.

Управленческий персонал.

Одно из сильнейших впечатлений произвели на нас (и это стало предметом комментариев всех журналистов) люди, управляющие этими производствами. По большей части, это мужчины около тридцати пяти лет. Только одному было сорок, и еще одному сорок пять.

Они все дипломированные инженеры, получившие образование в России. При этом все подготовлены путешествиями и техническим обучением в других странах. Все выглядят уравновешенными, трудолюбивыми, научного типа, спокойными в манерах, но с признаками больших запасов управленческой силы.

На всех этих предприятиях большие инженерные коллективы. На всех открыты библиотеки, лектории и вечерние школы для сотрудников. В библиотеках представлены технические журналы многих других стран, общая литература, работают переводчики.

Зарплаты, эффективность и прибыль.

Средняя зарплата обычно от двухсот до двухсот пятидесяти рублей в месяц (это примерно от десяти долларов до двенадцати пятидесяти в золотом эквиваленте при незаконном обмене). Фабричная столовая предоставляет вполне хорошую пищу за два рубля (десять центов).

Плата за жильё в фабричных жилых домах различается в зависимости от числа членов семьи и метража, но как правило, не превышает пятнадцати процентов месячного заработка (положение, закреплённое законом). Так называемые «ударники» получают более высокую зарплату, чем обычные работники.

Так называемые «Стахановцы» (соревнующиеся сдельщики) получают от восьмисот до двух тысяч рублей в месяц. На каждом предприятии от пятнадцати до восьмидесяти пяти процентов стахановцев. Человек становится стахановцем когда его выработка достигает максимальной мощности его станка.

Инженеры получают от восьмисот до двух тысяч рублей в месяц. Директора и управленческий персонал получают от полутора до двух тысяч рублей в месяц (от семидесяти пяти до ста долларов по нелегальному курсу).

Весь производственный процесс нормирован, предусмотрены премии к зарплате, основанные на производительности. Это относится и к руководителям.

Производственные расходы, накладные расходы, продуктивность и подобные факторы отражаются в весьма впечатляющих оценках эффективности, иллюстрированных графиками. Руководство бережно отслеживает тенденции от года к году и в общем записи показывают заметные улучшения каждый год.

Как правило, каждое предприятие представляет собой са-

мостоятельное подразделение. Директор договаривается с комиссаром тяжёлой промышленности касательно объемов производства на год. Цена на продукцию фиксируется для перепродажи, в основном, через комиссара по тяжёлой промышленности, а в некоторых случаях напрямую.

Цена фиксируется таким образом, чтобы получить прибыль от пяти до десяти процентов к себестоимости продукции (в одном из случаев достигла тридцати процентов). Часть прибыли свыше этого согласованного уровня используется для улучшения жилищных условий, развития детских садов, библиотек, яслей и тому подобного. Всё находится в распоряжении директора, который распределяет этот "директорский фонд" на премии, награды и т.п. инженерам и так далее. Или каким-либо иным способом по его выбору.

Эти обобщения должны быть некоторым образом уточнены, так как эти факты были получены на различных изолированных предприятиях, которые мы посетили и могут не быть типичны для всей промышленности страны. В главном же, тем не менее, моё впечатление таково, что основное мы оценили верно. Масштабное расширение предприятия финансируется государством. Обычное устаревание оборудования – включено в себестоимость.

(Примечание Мемуариста. По всей видимости, посол Дэйвис говорит об источниках финансирования капитальных затрат при социалистическом хозяйстве. То есть, завод не должен сам зарабатывать прибыль для строительства но-

вого цеха.

На эти цели деньги выделит государство, что позволяет сделать минимальной цену товара и регулярно снижать цены в магазинах. Что при Сталине делалось неоднократно.

А вот затраты на воспроизводство фондов, то есть чтобы заменить вышедший из строя физически или устаревший станок – закладываются в калькуляцию. Это то, что у бухгалтеров зовётся амортизацией основных средств. Продолжаем.)

Коммунистические и социалистические принципы.

Нет сомнений, что руководители этого правительства были вынуждены отказаться от коммунистической идеи распределения в соответствии с потребностями и прийти к принципу распределения в качестве компенсации в соответствии с заработанным. Стимул личного заработка за дополнительные приложенные усилия пронизывает всю систему.

Сначала появилась система рабочих "ударников", сейчас же государство продвигает движение Стахановцев всеми известными средствами пропаганды. На всём протяжении люди вознаграждаются премиями за дополнительную работу. Мотив прибыли задействован повсеместно.

(Примечание Мемуариста. Не хочется читать мистериу Дэйвису лекцию по политэкономии, но посол путает социализм с коммунизмом. Каждому по потребностям – это когда полностью будет перестроено общество, достигнуто изобилие и другой уровень общественных отношений. То

есть коммунизм.

До той поры придётся довольствоваться коммунизмом неразвитым, то есть социализмом. И никто не запрещает платить за хорошую работу больше. Напротив, уравниловка – дело исключительно вредное. И личную собственность никто не запрещал.

Главное ведь – забрать у капиталистов заводы. Чтобы не получалось так – тысячи рабочих создают стоимость, а прибыль забирает себе один мистер Твистер, бывший министр. В СССР это главное сделано было. Настоящий социализм именно в этом и заключается. Продолжаем.)

Если не случится войны в Европе (многие фабрики сейчас готовятся к военному использованию, что показали нам на фабрике гусеничных тракторов), то моё мнение совпадает с мнением дипломатического корпуса в Москве. В ближайшие пять или десять лет Советская экономика будет развиваться гигантскими шагами. Это также предполагает, что не случится гражданской войны в результате контрреволюции и "Революция не будет пожирать собственных детей."

(Примечание Мемуариста. Кто не помнит – посол цитирует известную фразу, сказанную перед собственной гильотиной Жоржем Дантоном. Будучи яростным участником Великой Французской Революции, его казнили своими же бывшие соратники. Продолжаем.)

Главным фактором, который может гарантировать это развитие, является гигантское богатство и неразработанные

ресурсы страны. Как минимум на поколение здесь будет куда приложить амбициозные стремления молодёжи. Также нужно отметить факт, что страна самодостаточна.

Она каждый год производит огромное количество сельскохозяйственной продукции и минеральных ресурсов и еще долгие годы не будет зависеть от импорта или экспорта. Она производит большое количество золота.

(Примечание Мемуариста. Самый большой золотой запас за всю историю Россия имела при Сталине к 1941-му году. Тогда удалось накопить более двух тысяч восьмисот тонн золота. Это в два раза больше чем царские запасы 1914-го года, которые Первая Мировая съест потом до нуля. Это больше, чем современные золотые резервы России. Так что да, с золотом у Сталина был полный порядок. Продолжаем.)

Вне всяких вопросов, в их текущем состоянии эффективность не может идти в сравнение с капиталистическими государствами и возможно, никогда и не сможет. Тем не менее, в отсутствие конкуренции или нужды в конкуренции с капиталистическими государствами, эта неэффективность не должна и не будет обнаруживаться.

Могут существовать крупные потери из-за бюрократии, лени или неспособности к труду или невозможности приспособиться к инструментальному производству и тому подобное. Но даже при этом чистая прибыль, вероятно, окажется настолько большой, чтобы продолжать делать богаче го-

сударство, а через это и большинство населения. Неэффективность поглотится жиром.

В городе Днепропетровске за прошлый год построено шестнадцать больших новых школ из белого кирпича. Каждая на двадцать пять или тридцать комнат. Все оплачены из прибылей местной промышленности, переданных местному муниципалитету.

В случае втягивания в европейский конфликт, есть некоторые сомнения – сможет ли промышленная поддержка фронту выдержать долгую войну. Я полагаю, что она сможет в гораздо большей степени, чем ожидается, с учётом увиденного мною в этом регионе.

Есть множественные сообщения о саботаже рабочих в качестве протеста против сдельной системы труда и системы ускорения Стахановцев. Если текущая тенденция по расширению более высокой оплаты за большую или более эффективную работу продолжится и если стандарты жизни продолжат улучшаться, то в Советском Союзе скоро не будет "бесклассового" общества.

При текущих темпах нарастания дифференциации и увеличения премий через очень короткий период времени появятся очень четко различимые классовые различия, основанные на собственности. Человеческая природа работает здесь также, как и всегда.

После прибытия на каждое предприятие мы обычно встречались в главной конторе с директором. В каждом слу-

чае они давали нам вполне откровенные ответы на все полученные вопросы и также обрисовывали общую картину предприятия. Затем следовал осмотр цехов предприятия, во время которого исследовались и записывались дополнительные факты.

Имею честь оставаться, сэр, с уважением, Джозеф Дэйвис.

Примечание посла. К этому донесению приложены доклады о различных, посещённых нами предприятиях, которые также содержат стенографические записи моих интервью с различными управляющими предприятиями. Они объёмны и содержат техническую информацию. Чтобы представить более детальное содержание этих отчётов, но в более сжатой форме, я подготовил особый меморандум (смотри приложение).

(Примечание Мемуариста. К сожалению, текст этого примечания посла сильно испорчен печатью какой-то библиотеки или мемориального фонда. В любом случае, потеря невелика. Ясно, что посол отсылает своего читателя к приложениям, содержащим тот самый меморандум о визите в промышленные районы. Продолжаем.)

Дневник, Днепропетровск, 28-е февраля 1937-го.

Здесь произошла любопытная вещь. В главном комиссионном магазине я увидел очень милую картину маслом. Я решил приобрести её для моей коллекции в Университете Висконсина.

Директор магазина представил её как работу прославлен-

ного итальянского художника. Цена оказалась довольно высока, но я всё равно приобрёл ее и попросил доставить в спальный вагон.

Этим же вечером мы заметили изрядную суету вокруг вошедшей в наш вагон группы. К нашему удивлению, мы обнаружили наших друзей из ГПУ, тайной полиции, которые задержали директора магазина. Они принудили его прийти, вернуть оплаченную мной цену и признаться, что он искажил факты и что картина не была оригиналом.

Они были сильно возмущены этим, а также тем, что меня ввели в заблуждение. Я сердечно поблагодарил их за участие. Мне пришлось провести непростое время, пытаясь убедить их, что бедняга и так серьёзно наказан.

Несмотря на то, что между мною и этими людьми не было общения или взаимодействия, сам факт, что мы ежедневно видели друг друга и с улыбкой приветствовали "доброе утро" или "доброй ночи" создал некоторый вид товарищества. Нет сомнений, они были глубоко озабочены нашей защитой в любое время.

Фактически, я уверен, что одной из важных причин для практики держать глав посольства под постоянным наблюдением тайной полиции, когда мы вне наших посольств, является обеспечение нашей защиты.

Совсем не так давно в германского посла была брошена бомба, а другому дипломату высокого уровня прострелили руку заговорщики, которые пытались вызвать дипломатиче-

ский инцидент и создать этим проблемы Советскому правительству.

Ещё больше религиозных преследований в Германии.

Журнал, Днепропетровск, 28-е февраля 1937-го.

Новость дня. Доктор Ниемюллер объявил своей пастве в Далеме, что герр Вайсслер, его помощник, погиб в концентрационном лагере 19-го февраля. Добавив, что, согласно сообщению тайной полиции, он повесился.

Мир никогда не примет это заявление как факт. Это плохо выглядит для любых надежд европейского мира на сотрудничество с Германией под Гитлером и нацистами.

Дневник, Москва, 4-е марта 1937-го.

Обед в итальянском посольстве. Обсуждали за кофе доклад о разногласиях на партийных советах касательно новых положений Конституции. Как сообщалось, Сталин настаивал на либерализме Конституции, даже если это угрожает его личной власти и партийному контролю.

При обсуждении угрозы войны бельгийский посол сказал, что Англия удерживает баланс сил европейского мира и что Германия старается привлечь Англию на свою сторону.

Если Германия стремится найти выход через войну, первой будет атакована Чехословакия. А далее Франции решать – прийти ли на помощь Чехословакии в соответствии с обязательствами по международному договору или нет. И зависеть это будет от того, как собирается поступить Англия.

Англия, в свою очередь обязалась прийти на помощь только в том случае, если будет атакована сама Франция. Посол сказал, что Англия не подписывалась под обязательством помогать Франции, если Франция сама выступит агрессором. Ключ к решению германского вопроса находится во взаимопонимании с Россией. Так он считает.

Он очень оптимистичен в своих оценках. Он может оказаться прав.

Литвинов, Испания и коллективная безопасность.

Номер сто пятьдесят шесть, Москва, 26-е марта 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Испанская ситуация, мир в Европе, Советское участие в соглашении о вооружениях.

Совершенно секретно.

Сэр, в соответствии с договорённостями, я посетил комиссара иностранных дел Литвинова, чтобы выразить уважение перед отправкой в Соединённые Штаты. Объяснив, что уезжаю ненадолго домой, я сообщил, что вернусь в июне.

Затем я спросил как развивается ситуация в Испании. Он сообщил, что с точки зрения республиканских сил, очень хорошо. С точки зрения мира в Европе, тоже вполне хорошо.

Он выразил опасения, что отступление итальянских сил заставит Муссолини направить дополнительные силы в Испанию, чтобы реабилитировать свой авторитет. В этой связи, он сказал, что международный комитет в Лондоне испыты-

вает большие трудности. Ситуация выглядит для них очень плохо.

В соответствии с германскими предложениями, рассматривается эвакуация добровольцев из Испании. В связи с этим Гранди выдвинул условие, что прежде необходимо рассмотреть вопрос эмбарго на золото испанского правительства. После того, как другие правительства согласились на это, Гранди провозгласил, что итальянское правительство не будет далее обсуждать вопрос эвакуации добровольцев из Испании.

(Примечание Мемуариста. По всей видимости речь идёт об известном фашисте, итальянском после в Великобритании Дино Гранди, графе Мордано. Известен тем, что в 1943-м году понял, что Италия проигрывает Войну и бросился яростно свергать бывшего начальника.

Муссолини свергли, да так успешно, что главный свергатель Гранди вместо должности великого диктатора был вынужден бежать из страны.

С Международным комитетом еще интереснее. Когда в Испании подняли фашистский мятеж, в Лондоне немедленно собрались все европейские страны, кроме Швейцарии. Всего двадцать семь государств.

И объявили, что никто не будет вмешиваться в испанскую войну. То есть помогать этим подозрительно красным республиканцам. Помогать можно только, поставляя оружие Гитлеру и Муссолини. Которые, на минуточку, просто

напали на независимую страну Испанию.

Назывался этот замечательный комитет по удушению свободы простых испанцев – Комитетом по невмешательству в испанские дела. Советский Союз пытался протестовать, наш представитель Майский регулярно выступал на заседаниях комитета, но призвать к разуму не удалось. А в 1938-м году комитет фактически прекратил свою работу. В Испании победил фашизм. Продолжаем.)

На его предположение об отчаянном характере ситуации, я ответил, что для Муссолини было бы естественным желать восстановить свой авторитет, прежде чем вовлекаться в дальнейшие обсуждения. При этом кажется, что события в Испании очень быстро меняются. Всего две недели назад испанский посол заявлял мне, что его правительство серьёзно обдумывает возможность объявления Италии войны.

И казался очень подавленным из-за отступлений, которые терпели республиканские войска. А сейчас, по прошествии двух недель, позиции полностью поменялись местами и поэтому ситуация может измениться к лучшему с такой же быстротой.

Литвинов заявил, что это возможно, но повторил своё твёрдое убеждение, что если итальянцы направят дополнительные силы в Испанию, ситуация приобретёт наиболее серьёзный характер для мира в Европе. Он настойчиво подчеркнул, что если демократические правительства сейчас твёрдо заявят Италии, что не потерпят подобных действий,

Муссолини не пойдёт на это, так как Италия не стремится к войне в Европе. Внутренние условия Италии, экономические и политические, не слишком хороши и Италии не выдержать европейской войны.

Когда я предположил, что возможно, демократические страны, включая Англию, не хотят угрожать твёрдой позицией пока не подготовятся в надлежащей мере, он ответил, что ни Германия, ни Италия не готовы в надлежащей мере. На выраженное мною удивление, что Германия не подготовлена с военной точки зрения, он подтвердил, что по их информации, Германия определённо не готова.

Даже в военном смысле, не говоря уже о соображениях экономического характера. Затем я сказал, что до меня дошли слухи, будто Советский Союз выражает тревогу, как бы Франция и Англия не заключили мир в Западной Европе с Германией и Италией, оставив Россию один на один с Германией. Он крайне решительно ответил, что по его мнению, это не соответствует фактам.

Примечание посла. В то время распространялось большое число слухов, что Англия, Франция, Германия и Италия могут объединиться на основе нового "Западного Локарно". Таким образом, мир в Западной Европе будет гарантирован этими правительствами, но за исключением Советского Союза. Подозревали, что Гитлеру развяжут руки в Восточной Европе, ради сохранения мира на Западе.

(Примечание Мемуариста. Ничего удивительного в этих

слухах не было. Более того, с некоторыми оговорками Мюнхенский сговор и стал таким "новым западным Локарно". Совсем недавно перед этим, в 1925-м году в Швейцарии в Локарно были заключены семь международных военных союзов.

Участвовали Германия, Италия, Англия, Бельгия, Франция, Польша и Чехословакия. Договорами были закреплены границы на западе и предоставлена почти полная свобода Германии с нашей стороны Европы.

По сути, Локарнские договора были военным союзом такого старинного Евросоюза против СССР. Штука, при своей лицемерной миролюбивости, едва ли не хуже НАТО. Так что слухи вполне объяснимы. Продолжаем.)

Затем я заявил, что в своей основе европейская ситуация выглядит просто. Трудно понять почему государственная мудрость Европы не может предложить, чтобы Англия, Франция, Германия, Италия и Россия согласились сохранять территориальную целостность Европы и на основе торговых соглашений снабжать Германию сырьём и посредством этого заверить, что она может жить.

Это освободит народы Европы и мира от пугающего бремени вооружений и страха катастрофической войны. Быстрый ответ был таков: "Полагаете, Гитлер когда-нибудь согласится на что-нибудь вроде этого?"

Я сказал, что не знаю, но по моему мнению, существует очень значительное влиятельное и ответственное мнение в

Германии, к которому могла бы воззвать эта идея. Литвинов ответил, что полагает это может быть и так. Что Шахт относится к такому типу людей. Но он не думает, чтобы такие люди могли пересилить Гитлера, политические и военные силы, имеющие власть над Германией.

Затем он заявил, что единственной надеждой сохранения европейского мира, является быстрая, твёрдая декларация европейских демократий, что они всеми вместе будут стоять за мир. Он назвал Францию, Россию и Чехословакию. Он сказал, что если Соединённые Штаты присоединятся к подобной декларации, это будет означать не только европейский, но и глобальный мир, так как это решит заодно и японский вопрос. Я ответил, что мы не испытываем серьёзных опасений по отношению к Японии, и вообще говоря наши люди, серьёзно противятся впутыванию или вовлечению в европейские проблемы.

(Примечание Мемуариста. Как блестяще самоуверен американский посол. Не вызывает у него опасений японский милитаризм. И вообще, зачем лезть в европейские дела. В 1941-м году оказалось, что Америка не так уж и далека от Японии.

Японские бомбы, превратившие базу в Перл Харборе в пыль вместе с гигантскими боевыми кораблями США, сразу почему-то вызвали у Рузвельта "опасения по поводу Японии". А ведь еще в 1937-м году Литвинов им говорил – опомнитесь, братцы, а то поздно будет! Продолжаем.)

С другой стороны, лично я испытываю уверенность, что и президент Соединённых Штатов, и государственный секретарь преданы делу мира и были бы ради внести свой вклад любым согласующимся с нашей традиционной политикой способом, если и когда придёт время. Я донёс до него, тем не менее, что говоря таким образом, я выражаю только мои личные взгляды.

Затем Литвинов сказал, что был бы рад воспользоваться случаем и передать мне некоторую, возможно, значимую для Соединённых Штатов информацию. А именно.

После заключения последнего соглашения о морском разоружении Советский Союз поднял перед Великобританией вопрос строительства крейсеров с конкретным калибром и т.п. Вопрос заключался в том, будет ли включено в соглашение условие, что СССР запрещено строить крейсера и тому подобное в количестве более, чем предусмотрено для любой другой страны-участницы.

Англия обсудила этот вопрос с Германией и другими правительствами и все согласились, что СССР имеет право построить семь крейсеров, в то время как текущее ограничение для Германии равнялось трём крейсерам. От СССР не потребуются раскрыть свою программу Японии. После этого Германия предложила на обсуждение, чтобы ей разрешили увеличить квоту до пяти крейсеров, а СССР может после этого расширить свой флот на десять кораблей.

СССР внёс предложение, что инициатива должна носить

взаимный характер, а именно, что СССР должен также иметь право расширить программу до десяти крейсеров, при условии, что Германия затем сможет увеличить флот на пять кораблей. Вопрос временно заморозили, с вероятностью, что он может быть положительно решен в дальнейшем.

(Примечание Мемуариста. Эти взаимные предложения звучат несколько странно и тем не менее, вполне соответствуют истории. Дело в том, что соглашения об ограничении морских вооружений заключить друг с другом те же Германия и СССР не могли. Особого смысла в таком узком соглашении не было. Подписывали все морские соглашения с владычицей морей Британией.

Именно поэтому СССР не хотел в одностороннем порядке ограничивать своё строительство флота, пока ровно такое же ограничение не подпишет с Англией и Германия. Так и получилось в итоге. Оба морских соглашения: англо-советское и англо-германское были подписаны в один день, 17-го июля 1937-го года. Так что оценка ситуации и прогноз Советского наркома совершенно правильные. Продолжаем.)

Литвинов заявил, что по его мнению за три месяца мне удалось собрать больше информации и знаний о России, чем любому другому послу за два года. На это я ответил, что имею привычку знакомиться с фактами прежде, чем прийти к какому-либо мнению, которое буду докладывать руководству.

Он спросил о моих впечатлениях. Я коротко сказал, что

очень впечатлён тем, что они делают, силой их руководства, трудностями, которые они преодолевают. Я чувствую, они сейчас искренне привержены миру.

Будущее определит результат их правительственного эксперимента. Я, по-прежнему, придерживаюсь мнения, что наша система – лучшая для облегчения жизни массе людей и наши процессы эволюции на основе демократии лучше, чем революционный эксперимент здесь.

Беседа завершилась его выражением добрых пожеланий президенту Соединённых Штатов и государственному секретарю, а также личным пожеланием доброго пути. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

**Выдержка из письма Стивену Эрли
9-е марта 1937-го.**

Не проходит и дня, чтобы к нашему американскому шоферу "Чарли" Гиблиерти на улице не подошёл какой-нибудь американец, принявший Советское гражданство. Умоляющий, чтобы тот походатайствовал перед американскими властями помочь ему вернуться домой.

Тысяча коммунистов приехали сюда в 1934-м, 1935-м годах из Австрии. Как мне сказал австрийский советник, они приняли гражданство в земле обетованной, а теперь не могут выбраться и прилагают все усилия, чтобы вернуться назад домой.

(Примечание Мемуариста. Крайне странная байка, которая очень понравилась бы современным либералам. Сдаёт-

ся мне, что этот самый шофер "Чарли" малость приврал послу.

Если бы были реальные массовые перебежчики – посол назвал конкретное число обратившихся за американским паспортом. Никакой проблемы для американца получить в посольстве паспорт своей бывшей страны и выехать домой не было.

Злой чекист с наганом за каждым американским инженером или рабочим не ходил. Продолжаем.)

Дневник, Москва, 9-е марта 1937-го.

Харрисон, один из помощников посла в Варшаве приехал на несколько дней. Он крайне информированный человек. У него любопытные взгляды. Он сказал, что в случае войны Польша столкнётся с отчаянным выбором.

При этом он считает, что правительство будет про-германским и против СССР. Большой класс землевладельцев, объединённых с городской буржуазией, обладает действительной властью в правительстве.

Балтийский блок (Эстония, Латвия и Литва) в отчаянной ситуации. Это искусственные государства, созданные из старой России Лигой Наций. В случае европейской войны они вероятно будут уничтожены, хотя бы временно.

(Примечание Мемуариста. "Искусственные государства, созданные из обломков России" – какой слог, какой слог!)

Он сказал, что Литва про-российская. В Эстонии значительное германское население тянущее назад в старые ган-

зейские времена. Эстония и Латвия обе пытаются выживать между двух могущественных опасных врагов: Германии и СССР.

Он согласился со мной, что Малая Антанта находится в процессе развала. Существование венгерских меньшинств в Румынии, Чехословакии и Югославии, а также крайне эгоистичные проблемы этих небольших государств дают Гитлеру отличную возможность стараться расщепить их, играя на шовинистических интересах каждой из них против остальных.

(Примечание Мемуариста. Малая Антанта это такой же искусственный союз Чехословакии, Югославии и Румынии от 1921-го года. Создан, разумеется, Британией и Францией для сдерживания России.

Ровно как в это же время создается на границе враждебная нашей стране искусственная Польша. Распадётся всё это сердечное согласие в 1938-м году, когда в Мюнхене великие державы скормят Чехословакию Гитлеру с потрохами. Додружились против СССР австро-венгерские осколки. Продолжаем.)

Он считает, что Финляндия – самое светлое пятно в российском наркомате иностранных дел, так как она вполне очевидно защищает свою независимость от Германии настолько же отчаянно, как и от России.

Дневник, Москва, 11-е марта 1937-го.

Новый эстонский советник, полковник Козниц любопыт-

ный тип. Сегодня провели долгое обсуждение. Мы отлично уживались вместе в Германии. Он русский, учился в Ленинграде и служил офицером в одном из распавшихся царских полков.

Он один из группы старых царских военных, которые сражались с большевиками в Эстонии и добились успеха в создании государства. Он всё еще молод с очень привлекательной внешностью и открыт новым идеям. Он особенно хорошо информирован о России.

Его впечатление таково, что это весьма критический год для России. Без сомнения, поднимается серьёзное политическое недовольство, главным образом из соперничества между старыми большевиками. Люди в правительстве, скорее, искушённые, тёртые большевики-революционеры ранних дней, чем класс более поздних интеллектуалов, которых возглавлял Троцкий.

(Примечание Мемуариста. Каждое слово эстонского советника традиционно пишется яростной "любовью" в кавычках к бывшей российской Родине. Как и сейчас. Ох, не зря эти парни так массово побежали записываться в батальоны СС.

Посол, характеризуя Советское правительство, употребляет интересное сочетание буквально "сваренные вкрутую" большевики. Очень подходит. Продолжаем.)

Сталин – очень сильный, способный человек, с практическим складом ума, большой мудростью и здравым смыслом.

Молотов – выдающийся человек с большой интеллектуальной мощью и мудростью.

Контроль Сталина над армией через Ворошилова, который безусловно предан, и его контроль над тайной полицией, без сомнений, делают его позиции во власти незыблемыми. Кажется, они сознают опасности для своего правительства и без сомнений могут принять строгие меры для защиты режима.

Из всего этого у меня сложилось отчётливое впечатление, что все приграничные государства крайне тщательно стараются не обидеть ни одного из двух больших парней по каждую сторону вокруг себя.

Другой дипломат, советник, вчера сделал мне очень разъясняющее заявление. При обсуждении процесса он сказал, что обвиняемые были без сомнения виновны. Все мы, кто посещал процесс, согласны в этом.

Внешний мир из отчётов в печати, тем не менее, кажется считает, что процесс был подстроен (он называл это фасадом, видимостью). Хотя мы и знаем, что это не так, вполне вероятно, внешний мир думает именно таким образом.

Дамский пикник на даче Молотова.

Дневник, Москва, 14-е марта 1937-го.

Марджори ездила на пикник к мадам Молотовой. Это было весьма необычно – группа жён комиссаров, все из которой активно работали инженерами, докторами или руководителями предприятий.

Мадам Молотов, жена премьера, является членом кабинета, была комиссаром рыбной промышленности, а сейчас комиссар по косметике.

(Примечание Мемуариста. Посол что-то здесь путает. Более того, похоже, при расшифровке дневника перед изданием книги в 1941-м году он просто дописал более поздние должности, которые помнил.

Жена Молотова, Полина Жемчужина работала в наркомате пищевой промышленности и наркомом, насколько мне известно, не была. Не существовало и наркомата по косметике.

В 1937-м году она возглавляла управление парфюмерно-косметической, синтетической и мыловаренной промышленности. Наркомат рыбной промышленности выделится из Наркомпищепрома только в 1939-м году. И вот тогда жена Молотова и правда станет наркомом.

Интересно, что прежде чем стать наркомом, Жемчужина прошла большой путь. От экономического факультета академии имени Плеханова до директора фабрики парфюмерии "Новая заря". И только потом с серьёзным опытом руководства в промышленности и отделах наркомата, стала наркомом. Продолжаем.)

Это совершенно выдающаяся женщина. Стиль, в котором она создала все эти очень элегантные парфюмерные магазины и салоны косметики, указывает на большое число руководящих указаний.

Она и остальные серьёзно мыслящие женщины, работающие инженерами, врачами и т.п. проявили большой интерес к Марджори. Особенно к факту, что женщина её типа может настолько глубоко интересоваться серьёзными деловыми вопросами и быть "работающей женщиной".

(Примечание Мемуариста. Сравнить Марджори с настоящими "работающими женщинами", врачами и инженерами несколько странно. Эта дама не работала ни одного дня. Она владела.

Родилась в семье крупного капиталиста Чарльза Поста. Унаследовала его фирму и чудовищно разбогатела на поставках продовольствия для армии. В 1937-м году она была самой богатой женщиной Америки.

Основная "работа" этой дамы – покупать за дурные деньги антиквариат, картины и статуи. Считала себя крупным ценителем искусства. Продолжаем.)

Идея устроить "ланч болтушек" это что-то совершенно новенькое в Советском опыте, насколько я знаю. Поэтому я попросил Марджори надиктовать ее мнение, пока оно еще свежо в ее памяти. Вот это мнение.

Днём мы осмотрели производство на фабрике (на одной из четырех, которыми она руководит). Фабрика изготавливает замечательные духи, крема и т.п. Мадам Молотова пригласила нас на пикник. Мы с удовольствием согласились, но даже не имели понятия насколько редкий и интересный опыт мы там получим.

День наступил и мы ехали примерно час по провинции мимо рублёвских лесов. Проехали несколько больших загородных домов и наконец показался зелёный забор и охрана. Ворота были открыты и по дороге в дом мы увидели еще несколько охранников.

Дом большой и современный, но никоим образом не дворец ни внутри, ни снаружи, довольно простой. Хороший вкус, просторный, но обставлен не в уютном или обжитом стиле, при этом со всех сторон уместно.

Холл, большая лестница, гардеробные, просторные жилые комнаты. Нет фотографий и безделушек. Большая обеденная комната с широкими створчатыми окнами. Стол украшен цикламенами, не менее трёх дюймов каждый.

(Примечание Мемуариста. К своему стыду не знал, что такое цикламены. Оказалось, цветы, альпийские фиалки.)

По периметру комнаты восемь или десять белых или лиловых кустов сирени в горшках, красивые крупные соцветия со множеством цветов. Я сидела справа от мадам Молотовой, далее миссис Кеннан, жена секретаря посольства, мисс Уэллс, мадам Кубарь, мадам Крестинская, мадам Стомонякова.

Стол был полон закусок. Обед был продуман и включал множество блюд. Три вида мяса, шесть видов рыбы, одна из них весьма особая – курносая штучка примерно восьми дюймов длиной, выловленная Волге, очень хороша.

Я была вынуждена есть, несмотря на предупреждение

доктора посольства и я ела, долго. Они тоже питают неприязнь к живности, но мы, американцы, привыкли к проверенной и стерилизованной пище.

Вся атмосфера была очень сердечной, все очень старались, чтобы мы хорошо провели время и так и было, но Ах, если бы хоть кто-то говорил по-английски. Общаться через переводчика было тяжело, если не сказать больше.

(Примечание переводчика. Марджори употребляет даже более сильное выражение. Буквально – "ах, если бы хоть кто-то умел говорить". Ну понятно, для самой богатой дамы Америки есть только один настоящий язык – английский. То, что она приглашена в компанию русских в чужой для нее стране и сама ни капли не знает русского, ее не смущает. Продолжаем.)

После моего возвращения последовала интересная реакция на тот обед. В библиотеке я обнаружила Джо с одним из газетчиков. Тот был совершенно поражён, когда узнал где мы были и завалил Джо тысячей вопросов.

Затем, этим же вечером на ужине в бельгийском дипломатическом представительстве я сидела рядом с британским послом лордом Чильстоном. Он буквально взорвался от волнения после моей истории о нашем обеде и даже переспросил два или три раза: "Где, Вы сказали, проходил этот обед?".

Затем, после того, как удовлетворился ответом, что это была мадам Молотова и дело было на её даче, посол сказал: "Вы, американцы, удивительны! Я здесь семь лет и даже но-

сок туфли не могу просунуть к ним в дверь. А Вы только прибыли и после всего нескольких недель попали на обед, данный в Вашу честь. Мне не дано этого понять!"

Журнал, Москва, 14-е марта 1937-го.

Марджори рассказала мне об очень интересном разговоре с мадам Крестинской на другой день. Мадам Крестинская – врач и супруга заместителя наркома иностранных дел.

(Примечание Мемуариста. Иногда у посла просто беда с нашими должностями. Я уже говорил, что наркомат у него иногда волшебным образом превращается в Форин Офис или в Министерство иностранных дел. Так и замнаркома Крестинского посол по аналогии с родными США обозвал в журнале "заместителем государственного секретаря". По смыслу верно, но звучит, мягко говоря, странно. Продолжаем.)

Она заведует размещением в госпиталях Москвы женщин и детей. Приятного типа женщина среднего возраста, с очень привлекательной головой и лицом. Не возникает сомнений в ее искренности и чистоте. В ответ на вопрос Марджори она сказала: "Наше правительство не против религии как таковой. Наш народ просто предпринимает шаги, чтобы защитить наших людей от злоупотреблений религии."

Затем она пустилась в рассказ как при царском режиме греческая ортодоксальная церковь была частью правительства, с царём в качестве религиозного главы церкви, равно как и правителя государства. Все священники была на

зарплате у правительства. Ноша расточительного правительства, сказала она, была на спинах людей.

Это стало, как она описывала, ужасным надругательством. В конце концов стало настолько плохо, что в Думе, законодательном органе, созданном одним из Александров, почти треть членов составляли священники и духовные лица.

Эти люди, сказала она, обесценили свою религию и разжирили от всевозможных излишеств и всех видов притеснения бедняков. Религия, – сказала она, – использовалась как опиум, чтобы убаюкать недумающих людей к принятию этих невыразимых условий.

(Примечание Мемуариста. Любопытно. Товарищ Крестьянская говорит об опиуме для народа в понимании не Ленина, а Маркса. Для времён Маркса опиум – ещё не наркотик, а скорее обезболивающее. Вредное, но в чём-то спасительное.

Почувствуйте, насколько высокие образы он приводит: "Религия – вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа."

У Ленина всё выражено гораздо точнее. Никаким религиозным утешением там и не пахнет. Там уже не болеутоляющее, а натуральный наркотик для масс.

Сравните: "Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достой-

ную человека жизнь".

Отметим товарища Крестинскую в лучшую сторону и вместе с ней проявим уважение к последнему прибежищу отчаявшихся людей – к религии. Продолжаем.)

Поэтому они были вынуждены отделить религию от государства, так и поступили. Новая Советская Конституция определённо утверждает свободу по отношению к религии, но также утверждает, что религия не должна быть частью государственного правительства.

Должна быть такая же свобода высказываний против религии, как и за неё. Это, – сказала она, – устанавливает действительную свободу, и она знает, что руководители правительства не имеют ничего против религии как таковой, но настроены решительно не допустить возврата тех прежних условий. Имеет значение, что жена Сталина похоронена на освященной земле, согласно её последней воле, как говорят.

Советская добыча золота.

Москва, 15-е марта 1937-го.

Достопочтенному Генри Моргенто младшему.

(Примечание Мемуариста. Генри Моргенто – довольно известный финансист США. Одиннадцать лет, начиная с администрации Рузвельта, был министром финансов. Всего добился сам после того как... женился на внучке основателя крупнейшего банка США – Леман бразерс.

Известен организацией масштабной финансовой помощи Израилю. Выступал главой целого ряда содействующих Из-

раилью организаций. Продолжаем.)

Дорогой Генри!

С моего прибытия я прилагал все усилия, чтобы попытаться добыть информацию о Советском золотом резерве. Практически невозможно узнать что-то определённое. Это в большей или меньшей степени военный секрет, который тщательно охраняется и доступен, конечно, только в виде пропаганды идеи об их могуществе по сравнению с Германией и Японией.

На основе лучшей информации, что я смог добыть, ситуация примерно следующая. Производство Южноафриканского Союза между трёхстами двадцатую пятью и трёхстами пятьюдесятью тысячами килограмм. Производство Советского Союза примерно сто семьдесят пять тысяч. В то время как Соединённые Штаты и Канада производят около ста тысяч каждые.

(Примечание Мемуариста. Южноафриканский Союз – на тот момент один из британских Доминионов. Фактически – британская колония. В 1961-м году превратится в независимую страну ЮАР. Эх, страна моя, Трансвааль. Продолжаем.)

Эти данные получены из исследования дипломатической миссии в Риге. Главная информация здесь в том, что производство Советского Союза в 1936-м году значительно превысило указанный выше размер и оценивается между двумястами и двумястами пятьюдесятью миллионами долларов.

Золотой резерв Госбанка оценивается в триста пятьдесят миллионов долларов.

В другой день я получил привилегию осмотреть коллекцию сокровищ и драгоценностей в Госбанке. Меня удивил размер золотых самородков. У них хранятся два самородка цельного золота от сорока до пятидесяти фунтов каждый. По их виду я бы сказал, что это практически чистое золото. Без сомнения, в здешних горах скрыто большое богатство.

Миссис Литвинова, которая преподавала в одном из университетов этого региона, сказала миссис Дэйвис и мне, что школьные каникулы и выезды простых людей на пикники в основном тратятся на поиски в холмах золотых самородков с замечательным успехом. Литвинов сказал мне вчера, что недавно, будучи в горах, он в ходе обычной прогулки поднял камень с довольно значительным содержанием золота.

Искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. Супруга наркома Литвинова, как мы помним, преподавала в Свердловске. Это, конечно, Урал, но особых гор в районе Свердловска нет, скорее холмы.

Создаётся впечатление, что Литвиновы слегка издеваются над доверчивым иностранцем. Да у нас этого золота... валяется на каждом шагу. Каждый пионер домой с пикника тащит, да я и сам вот вчера... Прожжённый капиталист Дэйвис иногда искренне верит в суицидную чепуху. Продолжаем.)

Свобода религии в России.

Номер сто тридцать один, Москва, 17-е марта 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Анти-религиозное движение в Советском Союзе.

Совершенно секретно.

Сэр, настоящим имею честь доложить следующее в отношении анти-религиозного движения в Советском Союзе. В связи с принятием в новой Конституции разделов, касающихся религии, проходили значительные обсуждения и Советские власти уделяли большое внимание состоянию анти-религиозного движения.

От одного очень хорошо информированного члена дипломатического корпуса я узнал, что во время обсуждения разделов Конституции о религии некоторые яростно нападали на эти предложения как слишком опасные. И только вмешательство Сталина позволило сохранить их. Он занял позицию, что если существует опасность для коммунистической партии, её дело ответить на этот вызов и победить.

Сейчас, спустя несколько недель, в партийных кругах возникло сильное беспокойство по поводу того, что может показаться очень существенными выгодами церкви за этот год. Согласно управляющему делами Центрального Совета, за последние четыре года количество членов Общества воинствующих атеистов снизилось с четырёх до двух миллионов человек. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Выдержка из меморандума по анти-религиозному движению в Советском Союзе.

Несмотря ни на что, дарованное новой Конституцией право голосовать на выборах священникам (статья 135) вызывает серьёзные опасения в умах пропагандистов атеизма. "Какую опасность представляет это право голосовать, если общее число священнослужителей в Советском Союзе всего примерно сто тысяч человек?" – спрашивает Ярославский, председатель общества воинствующих атеистов Советского Союза в статье от июля-августа 1936-го, вышедшей в "Анти-религиознике".

(Примечание Мемуариста. Правильное название организации – Союз воинствующих безбожников СССР. Емельян Ярославский – видный историк, академик Советской Академии наук. В 1943-м году награждён Сталинской премией за книгу по истории гражданской войны.

Передал премию на строительство танковой колонны "За передовую науку". За борьбу с религиозным мракобесием неоднократно подвергался нападкам в карикатурах белой эмиграции. Продолжаем.)

После того, как Ярославский указал, что маловероятно, чтобы массы голосовали за священника, он делает следующее заявление:

"Если некий священник возьмёт себе в голову выставить себя кандидатом в местный Совет или даже в Верховный Совет, у нас есть право вести против такого кандидата борьбу,

показывая его как пример пороков религии и религиозных предрассудков."

**Дополнение (не направлялось с оригинальным до-
несением).**

16-го ноября 1933-го года между Советским Союзом и правительством Соединённых Штатов были установлены нормальные дипломатические отношения путём обмена сообщениями между президентом Рузвельтом и Максимом Литвиновым, секретарём Советского Союза по иностранным делам, который тогда присутствовал в нашей стране. Переписка содержит гарантии, данные Советским Союзом правительству Соединённых Штатов.

Особым образом, среди других положений, американским гражданам в России были гарантированы следующие права относительно религии:

1. Право свободно пользоваться свободой совести и религиозного исповедания, без лишения прав или преследований в связи с их верой или обрядами.

2. Право проводить без досаждений и надоеданий любого вида религиозные службы и ритуалы культовой природы, включая крещение, миропомазание, причастие, свадебные или похоронные ритуалы на английском языке.

3. Право без ограничений давать религиозные наставления их детям, наедине или в группах, либо привлекать для таких наставлений других лиц.

4. Подданные Соединённых Штатов должны быть наделе-

ны правами по свободному исповеданию религии, не менее благоприятными, чем права подданных наиболее привилегированных в этом смысле стран. Гражданам Соединённых Штатов гарантируется право проводить службы в церквях, домах или других зданиях, арендованных согласно законам страны, на их родном языке или любом другом языке, который предусмотрен обычаями их религии.

Им должно быть дано право хоронить мёртвых в соответствии с их религиозными практиками на кладбищах, созданных и поддерживаемых ими с одобрения соответствующих властей. До той поры, пока они подчиняются полицейским установлениям противной стороны по отношению к зданиям и здравоохранению.

Конституция Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 124-я.

В целях обеспечения гражданам свободы совести, церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами.

Статья 135-я.

Выборы депутатов являются всеобщими: все граждане СССР, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, имеют право

участвовать в выборах депутатов и быть избранными, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

Примечание посла. Этот пересмотр Советской Конституции был произведён правительством вскоре после восстановления дипломатических отношений и признания Советского Союза Соединёнными Штатами. В Москве мне сказали и я считаю источник заслуживающим доверия, что одними из самых важных факторов, повлиявших на принятие этих разделов относительно свободы вероисповедания и распространения права голосовать и быть выбранными на всех граждан, безотносительно их религии, были явные и настойчивые запросы, сделанные президентом Рузвельтом в сношениях с Литвиновым в Вашингтоне в связи с "признанием" СССР.

(Примечание Мемуариста. Посол не упускает случая лизнуть своего Президента. Конечно же, большевики приняли Конституцию исключительно по указке из Вашингтона. Так нам хотелось "признания" от американцев.

В действительности, разумеется, дело обстояло не так. Первая Конституция СССР появилась в 1924-м году. И по сути, была союзным договором между республиками. О правах людей в ней практически не слова. Чисто организационный документ.

Первая настоящая Конституция была принята, опять же не правительством, как пишет Дэйвис, а Всесоюзным

съездом Советов в декабре 1936-го. Народом то есть. Вот это уже вполне современный документ о правах и обязанностях Советских людей.

Как и почему она принималась подробно рассказал в своей речи 25-го ноября 1936-го года на том самом съезде некий товарищ Сталин. Полюбопытствуйте, часть этой речи сохранилась даже в кинозаписи. Про великого Рузвельта там почему-то ни строчки. А завершает Сталин свою речь так:

"В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы.

Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию.

Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма!" Продолжаем.)

Сталин настаивает на секретном голосовании и всеобщих избирательных правах.

Номер 138, Москва, 18-е марта 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Коммунистическая партия. Пленум Центрального коми-

тета, проведённый в феврале 1937-го года.

Совершенно секретно.

Сэр, имею честь доложить следующее в связи с недавним собранием, так называемым Пленумом, обсуждавшим и определившим некоторые политические установки коммунистической партии. А также, о ведущейся сейчас в результате кампании по очищению и реорганизации партии.

На этом собрании, проведённом несколько недель назад, стало понятно, что главным вопросом обсуждений стал вопрос новой Конституции в связи с новыми пунктами о всеобщих избирательных правах и тайном голосовании. С той поры явно наблюдается активная партийная деятельность. Эта ситуация подробно обсуждается дипломатическим корпусом. Русские газеты наполнены пропагандой по отношению к этим вопросам.

Вполне очевидно, прилагаются большие усилия, дабы оживить партийную организацию. Руководители партии, крупные и мелкие, постоянно заявляют в печати, что партия должна очистить себя, избавиться от пассивности и бездеятельности и возглавить продвижение принципов Конституции, помогать изъявлению воли народа на ближайших выборах.

(Примечание Мемуариста. Когда посол говорит о необходимости оживить партию, у него любопытная игра слов. Буквально это звучит как дегальванизировать партию. Забронзовела малость партия, надо бы сей памятник ма-

лость отколотупать и заставить работать на народ. Очень хороший образ, как мне кажется. И не только для времён товарища Сталина. Продолжаем.)

Испанский посол сказал мне, что совет партии (Пленум), то есть подробная партийная дискуссия, практически в стиле наших прений, собирался с одной целью. А именно – решить применять ли положения новой Конституции о тайном и всеобщем голосовании или нет.

Настаивали, что поступить так – значит подвергнуться серьёзной опасности, из-за отсталости электората. Утверждают, что лично Сталин решил в пользу применения действительного тайного и всеобщего голосования, к которым призывает новая Конституция.

(Примечание Мемуариста. Любопытное у американского юриста Дэйвиса представление о законности. Оказывается, неважно, что там записано в Конституции. Решать применить её или нет будет лично Рузвельт, простите, Сталин.)

Байки испанского посла, конечно, забавны, но смысл ускользает. Зачем было в декабре принимать Конституцию, чтобы через полтора месяца задуматься, а нужна ли она вообще? Сдаётся мне, Советская законность работала несколько иначе. Продолжаем.)

Ситуация сейчас представляется таковой, что лидеры партии, осознав, что с тайным и всеобщим голосованием дело может выскользнуть из рук, решили запустить большую по-

литическую кампанию, дабы удостовериться, что смогут направлять и контролировать избирателей на грядущих выборах. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. А вот на это очень похоже. Отдельные партийные бюрократы и жульё очень сильно занервничали, что могут лишиться тёпленького местечка. И принялись ожесточённо грызться за место у кормушки. Возможно, вина за раскручивание маховика репрессий 1937-го лежит, отчасти, именно на этой реакционной части партийной бюрократии.

Как-то не задумывался раньше о явной взаимосвязи новой Конституции и последовавшими репрессиями. Как только простым Советским людям дали настоящую демократию и власть, отдельные партийные чиновники тут же перегрызли друг друга. Не дождавшись даже выборов, заранее. Напомню, что выборы в Верховный Совет пройдут только в декабре 1937-го. Продолжаем.)

Коммунизм идёт на компромисс с человеческой природой.

Номер 132, Москва, 17-е марта 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Возможные указания на отступление или изменение главного коммунистического принципа русской Революции.

Совершенно секретно.

Сэр, имею часть доложить, что в обсуждениях с персо-

налом посольства мы подробно устно разобрали ситуацию в России в виду набравшихся различных тенденций и фактов. Они указывают на отход или изменение действующим режимом базовых коммунистических принципов, на которых основывалась Революция.

Представляется довольно ясным, что правящие круги в силу необходимости и для самосохранения были вынуждены отказаться, хотя бы временно, от многих своих коммунистических принципов. Идея бесклассового общества продолжает разрушаться на практике. Правительство само по себе является бюрократией со всеми признаками класса, а именно: особыми привилегиями, более высоким уровнем жизни и тому подобным.

Иллюстрацией является факт, что единственная икра, которую можно достать здесь, подаётся только высшим членам правительства или возможно, приобретается в качестве одолжения через кремлёвский ресторан, работающий для высших членов правительства, живущих там. Сверху донизу обнаруживаются признаки класса.

(Примечание Мемуариста. То ли дело в благословенных США. Не поленился, залез на американский сайт по продаже чёрной икры. Для примера, сто грамм икры белуги стоят в США 684 доллара. Это на наши деньги больше пятидесяти тысяч рублей. За маленькую баночку икры. Демократия. Продолжаем.)

Писатели, художники, даже руководители джазовых кол-

лективов получают высокие зарплаты и пользуются классовыми привилегиями, которые позволяют тратить деньги на предметы роскоши и тому подобное.

Членство в партии составляет особенно привилегированный класс.

В промышленности классы также установились и быстро усиливаются через систему, предлагающую более высокую оплату за больший объём работы. Это в свою очередь ведёт к более высокому уровню жизни среди отдельных рабочих. Классовое сознание подтверждается разницей в жилищных условиях и признаками осознания стиля у части женщин и жён рабочих.

Эти условия конфиденциально признаются здесь официальными лицами. Но они ищут оправдания этому в марксистской теории, что не существует классовых различий кроме тех, что пролегают между рабочими и капиталистическим классом владельцев собственности, который их эксплуатирует.

А поскольку предприятия носят социалистический характер для пользы государства и значит – отсутствует капиталистический класс владельцев собственности, то и в полном смысле слова не существует классов из-за этих различий. Конечно, противоречивость этого очевидна.

В конце концов, "класс" – всего лишь слово, чтобы описать идею. Основа этой идеи в том, что существуют различные группы людей, которые разделяются промеж себя. Оче-

видно, главные видимые отличия обнаруживаются в разном уровне жизни и особых привилегиях, которыми они пользуются. Не может быть сомнений, что по существу это классовое общество, содержащее семена эгоизма, которые в этих условиях прорастают.

На мой взгляд, значимой вещью касательно этой ситуации является то, что эти теоретические коммунисты, когда облечены ответственностью и сталкиваются с необходимостью сохранения себя во власти, вынуждены прибегать к основам человеческой природы, а именно: собственные интересы и прибыль за труд, чтобы заставить их планы работать и оправдывать свою бюрократию. Бескорыстная промышленная система, которую они основали, впадёт в застой. Чтобы преуспеть, они обязаны прибегнуть к фундаментальным стимулам прибыли и личного эгоизма.

Лидеры заявляют, что это просто ступень в их усилиях достичь полного коммунизма. Есть все признаки того, что правительство само копает себе яму. Пройдёт много времени, прежде чем это капиталистически-социалистическое государство, с его руководителями, наслаждающимися роскошью и властью, разовьётся в государство коммунистическое с бескорыстным обществом.

(Примечание Мемуариста. В тексте книги посол цитирует то ли кого-то из классиков, то ли детскую считалку. К сожалению, первоисточника цитаты найти мне не удалось. Буквально это звучит так: "чудовище добывает мясо,

на котором оно ужасно вырастет". Судя по смыслу, речь идёт о том, что правительство, немного отступив от базовых принципов, пожнёт в итоге натуральную бурю. Или закопают сами себя. Продолжаем.)

В армии также старая идея товарищества офицеров и простоты заменена званиями, золотыми галунами, погонами, наградами и аккуратной формой, отличающей один класс от другого.

Другой поразительный признак отступления от коммунистической идеи лежит в отношении правительства к дому, разводам, отеческому долгу, отчизне и национальному патриотизму. Идея мирового пролетариата и Революции отставлена в сторону и заменена идеей национальной России. Гигантская пропаганда привлечена, чтобы создать эту национальную идею. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

Примечание посла. Нужно понимать, как это изложено в приложенных к этому донесению извлечениях (опущены здесь из-за недостатка места), что Советские официальные лица не признают выводы, что я сделал.

"Красная шапочка" – речь Советского посла в Лондоне.

Номер 139, Москва, 18-е марта 1937-го.

Достопочтенному государственному секретарю.

Совершенно секретно.

С момент отъезда испанского посла в Лондон может

иметь, а может и не иметь значения то, что Майский, Советский посол в Лондоне произнёс весьма воинственную речь, предполагая, что Россия достаточно вооружилась, дабы справиться с японским и германским нападением, если потребуется – одновременно. По радио также объявили, что законное правительство Испании сделало Англии и Франции предварительные предложения касательно уступок для них в испанском Марокко.

(Примечание Мемуариста. Интересно, кого именно посол именуют законным правительством Испании. Республиканцев-социалистов или фашистов Франко. Судя по тому, как эти законные раздают Кемские волости иностранцам, явно франкистов.

Занятно, уже скоро как век пройдёт, а схема капиталистов одна и та же. Устроить гражданскую войну, объявить своих марионеток законным правительством, а сторонников действительно законной власти упоённо бомбить. Так выглядит американская демократия. Продолжаем.)

Недавно в официальной печати здесь опубликовали длинное обращение, резко обличающее Италию. Оно подписано множеством выдающихся публицистов, учёных и хорошо известных людей из университетских кругов. Некоторыми лицами это расценивается как предвестник усиления военных действий Советского правительства в испанской ситуации.

Одновременно с этим, возобновились слухи, что правительство обдумывает направлять снабжение для Испании с

военно-морскими конвоями русских кораблей.

Служащий внешнеполитического ведомства также сообщил мне на другом вечере в бельгийском посольстве, что они оценивают ситуацию с большой серьёзностью и что-то должно быть сделано в действительности.

У меня сложилось впечатление, что европейская ситуация неустойчива до последней степени. Изменения внезапны, даже неистовы, указывают на сдвиг реалистичных национальных интересов. Не существует твёрдой земли, на которой можно было бы заложить фундамент какой бы то ни было безопасности. Кажется, все играют в свои собственные игры, а национальные интересы просто взбунтовались.

(Примечание Мемуариста. Говоря о ситуации в Европе, посол буквально сравнивает её с разлившейся ртутью. С неуловимыми шариками живого серебра.)

Вне испанской ситуации общее мнение таково, что Англия "притормозила" на время, чтобы перевооружиться. Она не рискнёт снова, обжегшись, как в Эфиопии. По общему мнению, на это потребуется года полтора или два. Также всеми признаётся, что опасность лежит в факте, что Германия из-за отчаявшихся или параноидальных лидеров может решиться поставить всё на карту прежде, чем Англия перевооружится.

Меньшие страны Европы, как представляется, рассматривают ситуацию с большими опасениями. Эти впечатления возникли из моих обсуждений с дипломатическими предста-

вителями этих стран. Имею честь оставаться, сэр, искренне Ваш, Джозеф Дэйвис.

(Примечание Мемуариста. Наберитесь немного терпения, друзья, про Красную шапочку сейчас будет. Посол Майский уже набрал воздуха в грудь.)

Речь Советского посла Майского в Лондоне. Журнал, Москва, 13-е марта 1937-го.

Как сообщают в печати, Советский посол в Лондоне произнёс сильную речь. Майский сказал, что опасность войны вообще и против России в частности, за последние пятнадцать месяцев только выросла. Германо-японское восстановление отношений фактически равнозначно военному союзу против СССР. Но Россия с удовлетворением осознаёт, что ее готовность и сила сопротивления также возросли.

Её две границы были "сделаны почти неприступными военными укреплениями, большими хорошо экипированными армиями со всеми современными приспособлениями войны и крупными воздушными силами. В то же время, наша экономическая готовность также не вызывает вопросов."

Он сказал, что стремление к полному экономическому самообеспечению не является частью их политики. Они борются за независимость, а не за экономическую исключительность. И они уже достигли положения, при котором в случае войны СССР может продержаться сколь угодно долго на базе самостоятельной экономики.

Сегодня я могу сказать, – продолжил он, – с полной ответ-

ответственностью за каждое слово, что в настоящее время мы достаточно сильны, чтобы отразить любое нападение на наши территории, любой иностранной державы, или любого сочетания держав и можем сделать это самостоятельно.

(Примечание Мемуариста. Тут у Дэйвиса при переводе речи Майского возникает игра слов. СССР не только может самостоятельно отбить любые атаки, но может сделать это одной рукой. Практически, одной левой. Хорошо звучит! Продолжаем.)

Их главная забота, утверждает он, предотвратить развязывание войны и вот это в одиночку сделать нельзя. Это делает настоятельным вопрос придания новой энергии Лиге Наций и укрепление принципов коллективной безопасности.

Они верят, что Европа сейчас подошла к переломному моменту, в котором должна сделать конечный выбор. Либо превратить коллективную безопасность в действительную вещь, либо стремиться к так называемой "локализации войны". Путь постоянного отступления перед агрессором в "смехотворной надежде, что, возможно, после всего, этот прозорливый волк не проглотит маленькую Красную Шапочку."

(Примечание Мемуариста. Есть замечательные воспоминания как товарищ Сталин шутовски на примере посла Майского объяснял капиталистам принцип коллективной безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.